

81.66.3
С 136

44

М. И. САВОСТЬКИНА

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

М. И. САВОСТЬКИНА

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ М. Е. ВСЕВЬЕВА»

М. И. САВОСТЬКИНА

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ
В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

МОНОГРАФИЯ

САРАНСК 2014

УДК 811.511.152 (035)

ББК 81.66.3

С 136

Рецензенты:

О. Е. Поляков, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой мокшанского языка Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева;
кафедра гуманитарного образования Мордовского республиканского института образования (зав. кафедрой канд. филол. наук О. В. Кочеваткина)

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева

*Работа проводилась при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках
Программы стратегического развития «Педагогические кадры
для инновационной России»*

Савостькина, М. И.

С 136

Глагольное словосочетание в мордовских языках : монография / М. И. Савостькина ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2014. – 100 с.

ISBN 978-5-8156-0725-5

Монография посвящена рассмотрению одного из наиболее продуктивных типов грамматических единств – глагольных словосочетаний в мордовских (мокшанском / эрзянском) языках. Автором дается характеристика синтаксических отношений в глагольных словосочетаниях, анализируются типы связи.

Адресовано научным работникам, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам филологических специальностей.

УДК 811.511.152 (035)

ББК 81.66.3

ISBN 978-5-8156-0725-5

© ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева», 2014
© Савостькина М. И., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Синтаксис является сложной частью грамматики и вообще науки о языке. Вследствие этого синтаксис любого языка менее изучен в сравнении с его лексикой, фонетикой и морфологией. Не являются исключением и мордовские языки. Многие проблемы синтаксиса мордовского языка до сих пор ждут своего научного освещения.

Одной из важнейших задач синтаксиса является всестороннее изучение структуры словосочетания, так как именно в ней выражаются специфические особенности языков.

Словосочетание – это синтаксическая категория, таящая в себе национальные особенности одного определенного языка. Поэтому разработка проблемы словосочетания является одной из важных и сложных задач синтаксиса не только мордовских, но и других финно-угорских языков. Предметом синтаксиса словосочетания является изучение структуры, типов словосочетания в том или другом языке, анализ тех синтаксических отношений, которые обусловлены признаками, заключенными в паре связанных между собой слов.

Необходимость глубокого анализа глагольных словосочетаний в мордовских языках и научной разработки данной проблемы в отдельном языке несомненна. Глагольные словосочетания до настоящего времени не получили полного и системного освещения в теоретических трудах не только мордовских, но и других финно-угорских лингвистов.

Настоящая работа посвящается изучению одного из наиболее продуктивных типов грамматических единств – глагольных словосочетаний в мордовских языках. Необходимость в таком исследовании обусловлена тем, что в мордовских языках рассмотрены более подробно субстантивные словосочетания, в то время как глагольные словосочетания являются самыми продуктивными. В них, как и в субстантивных, выражаются самые разнообразные оттенки лексических, грамматических значений и разные синтаксические отношения. Поэтому в цепи решения синтаксических вопросов научному изучению и всестороннему анализу словосочетаний отводится самое значительное место, так как словосочетание наряду с предложением является самостоятельной единицей синтаксиса. Выбор темы не случаен: глагольные словосочетания представляют собой один из распространенных и употребительных типов словосочетаний в мордовских языках. От успешного решения вопроса в значительной степени зависит создание развернутого учения о синтаксическом строе родного языка.

Глава 1

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

1.1 СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема словосочетания не является в языкознании новой и имеет свою историю. Весьма примечательным в этом плане является тот факт, что в самом своем возникновении синтаксис представлял собой учение о соединении отдельных слов в речи, то есть возник как своеобразное учение о словосочетании. Характерно, что и термин синтаксис, греческий по происхождению, употреблялся в античных греческих грамматиках в двух значениях: 1) соединение букв; 2) соединение слов в речи. Задачу синтаксиса видели не «в разложении предложения на его части – члены предложения, а в установлении значений и синтаксических функций слов (частей речи) и на этой основе способов построения из них «цельной речи». В установлении закономерностей, правила этого построения исходили из фактов языка, из наблюдений над конкретными сочетаниями слов, представленными в языке» [Петерсон, 1929, с. 137].

Такой подход к построению синтаксиса не получает развития в западноевропейской грамматической традиции последующего времени. Уже с эпохи средневековья на первый план выдвигается анализ предложения, разложения его на части, а изучение живых, конкретных сочетаний слов, присущих отдельному языку, сменяется стремлением к установлению общих для всех языков грамматических понятий.

Своеобразны были пути развития синтаксической науки в России. Уже в древнейших грамматиках разрабатывается учение о слове, о частях речи. Однако синтаксис рассматривается прежде всего как учение о «сочинении» частей речи, о сочетании слов в предложении, то есть как своеобразное учение о словосочетании.

Учение это, однако, было лишено «единого внутреннего синтаксического стержня». Наряду с правилами употребления разных частей речи и их форм приводились описания некоторых видов синтаксических конструкций, включая предложения [Виноградов, 1958, с. 11].

Выход в свет «Российской грамматики» М. В. Ломоносова знаменует собой целую эпоху в изучении грамматического строя русского языка, в истории отечественного языкознания.

М. В. Ломоносов определяет синтаксис как учение о «сочинении частей слова» (то есть частей речи), содержащее в себе правила этого «сочинения», то есть сочетания слов в предложении на основе согласования и управления. Этому учению посвящается все шестое наставление «Российской грамматики», в котором разграничивается «сочинение имен», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение слова по разным обстоятельствам» [Ломоносов, 1952, с. 35].

В этом наставлении подробно и тонко для своего времени характеризуются и описываются синтаксические связи различных частей речи и конкретные способы их сочетания в русском языке. При этом, что особенно ценно, М. В. Ломоносов устанавливает основной, ведущий принцип образования сочетаний слов, хотя и не применяет самого термина *словосочетание*. Этот принцип – синтаксическое распространение частей речи путем присоединения к ним других слов (частей речи), опирающееся прежде всего на синтаксические свойства стержневого, грамматически господствующего слова.

Учение о сочетании слов, таким образом, тесно связывается с учением о частях речи, что сохраняют многие исследователи и в наше время (классификация основных разрядов словосочетаний на глагольные, именные и так далее).

Заложив фундамент учения о словосочетании, М. В. Ломоносов не пришел, однако, к четкому пониманию и определению словосочетания как особой синтаксической категории.

Синтаксические идеи М. В. Ломоносова были углублены и развиты его учеником – профессором А. А. Барсовым. Наряду с синтаксисом простого и сложного предложения А. А. Барсов подробно освещает вопросы сочетаемости слов и впервые выдвигает целый ряд исключительно важных положений (деление сочетаний на образованные по способу управления и по способу согласования; выделение стержневого и зависимого слова); вопрос о «преобразовании» глагольных сочетаний в именные; об однотипном управлении и другие» [Барсов, 181, с. 35].

В развитии заложенных М. В. Ломоносовым основ учения о словосочетании особенно большую роль сыграла «Русская грамматика» А. Х. Востокова, вышедшая в 1831 году. Как и М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков определяет синтаксис как учение «о словосочетании». «Словосочетание, – пишет он, – есть часть грамматики, показывающая правила, по коим совокуплять должно слова в речи» [Востоков, 1839, с. 219].

Синтаксические связи А. Х. Востоков рассматривает в двух разделах. Глава первая второй части его грамматики посвящена согласованию слов, которое он понимает очень широко, включая в него виды синтаксической связи, не относящиеся к управлению (то есть и собственно согласование, и то, что позднее было выделено в грамматике в особый вид свя-

зи – примыкание). Вторая глава этой же части грамматики посвящена управлению слов, которым, по определению А. Х. Востокова, «называется требуемое каким-либо словом употребление известного падежа в другом слове, от него зависящем» [Востоков, 1839, с. 244].

Раздел синтаксиса, в котором А. Х. Востоков всесторонне и тщательно разрабатывает вопрос о предложном и беспредложном употреблении падежей при различных частях речи, представляет особый интерес и в значительной части сохраняет свою ценность и в наше время.

А. Х. Востоков одним из первых в русском языкознании использовал термин «словосочетание» для обозначения его свободной разновидности. С тех пор словосочетания стали объектом исследования у целого ряда лингвистов. Но, как известно, термин «словосочетание» трактовался учеными по-разному. Одними из них настолько широко использовалось это понятие, что стирались все грани между предложением и словосочетанием, в результате чего предложение становилось просто как разновидность словосочетания.

Дальнейшие творческие искания в построении синтаксиса на новых началах связываются с именем академика Ф. Ф. Фортунатова.

Ф. Ф. Фортунатов в построении синтаксической системы исходил, с одной стороны, из своего учения о грамматической форме, форме отдельного слова, а с другой – из анализа предложения с точки зрения психологического суждения, стремясь к разграничению психологических и грамматических категорий. Поскольку слова «в мышлении, а потому и в речи» сочетаются друг с другом, кроме отдельных слов и в отличие от них, в языке выделяются словосочетания; наряду с формами слов существуют, следовательно, и формы словосочетаний, изучение которых и составляет основной предмет синтаксиса.

Словосочетание Ф. Ф. Фортунатов определяет как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или выражением его части» [Фортунатов, 1957, с. 451].

Определив словосочетание как самостоятельную категорию и выдвинув его в качестве основного объекта синтаксического исследования, Ф. Ф. Фортунатов построил оригинальную теорию словосочетания, послужившую основой или оказавшую заметное влияние на научную разработку проблем синтаксиса в трудах видных русских ученых – его учеников и последователей.

На дальнейшее развитие учения о словосочетании в отечественном языкознании, как уже отмечалось, большое влияние оказала концепция Ф. Ф. Фортунатова. Наиболее последовательное проведение его взглядов на предмет и задачи синтаксиса, на словосочетание характерно для трудов профессора В. К. Поржезинского и профессора М. Н. Петерсона особенно.

В. К. Поржезинский называл словосочетанием «всякое соединение самостоятельных слов в речи, будет ли оно выражением целого психологического суждения или его части» [Поржезинский, 1916, с. 152].

Тщательно изучив историю научной разработки синтаксиса, М. Н. Петерсон в своем «Очерке синтаксиса русского языка», опубликованном в 1923 году, приходит к выводу о том, что «общепризнанного определения синтаксиса нет; взгляды на предмет исследования находятся в непримиримом противоречии: одни отождествляют синтаксис с учением о предложении, другие – учением о частях речи, но наиболее обычный тип представляет «смешанный тип синтаксиса».

М. Н. Петерсон разрабатывает свою систему синтаксиса. В построении этой системы он опирается на синтаксическую и общелингвистическую концепцию академика Ф. Ф. Фортунатова и изучение большого фактического материала из произведений русской классической литературы.

Не ограничившись теоретической разработкой вопроса о предмете и задачах синтаксиса, М. Н. Петерсон предпринял первую в истории науки о языке попытку дать систематическое описание и классификацию словосочетаний русского языка.

Как это описание, так и теоретические высказывания и обобщения М. Н. Петерсона раскрывают характерные черты разработанной им синтаксической системы. В своих первых работах М. Н. Петерсон определяет синтаксис «именно как *учение о словосочетаниях*», а не о предложениях и других словосочетаниях» [Петерсон, 1923, с. 28] .

Таким образом, предмет синтаксиса сужается; в нем нет места учению о предложении; его предмет – только словосочетания. В то же время очень широко применяется и сам термин «*словосочетание*», под которым понимаются и двусловные сочетания (включая сочетания подлежащего и сказуемого), и многословные, до простого распространенного предложения включительно (сложное предложение представляет собой соединение словосочетаний). Задачу синтаксиса М. Н. Петерсон определяет так: 1) описание всех типов словосочетаний и функций тех и других (описательный синтаксис); 2) определение происхождения типов словосочетаний и соединений словосочетаний, определение их основных функций и развитие из них всех других функций (исторический синтаксис) [Петерсон, 1923, с. 37].

В этом определении очень ценным представляется указание на необходимость исторического подхода к изучению словосочетаний. Свое описание различных типов словосочетаний ученый сопровождает краткими историческими справками об их происхождении. Очень важным является и требование учитывать употребительность различных типов сочетаний, широту их распространения в языке в данную эпоху, а также и указание на необходимость изучать функции словосочетаний. Однако здесь обна-

руживается недостаточный учет взаимодействия грамматических и лексико-семантических факторов в построении словосочетания.

В дальнейшем М. Н. Петерсон пересматривает свои синтаксические построения. Он признает необходимость изучения предложения, определяя синтаксис уже как «учение о сочетании слов в предложении». Относя сочетания подлежащего со сказуемым к словосочетаниям, М. Н. Петерсон рассматривает эти сочетания как основные, ведущие в строе предложения и противопоставляет другим типам [Петерсон, 141, с. 40].

Неправомерное сужение предмета синтаксиса до рамок учения о словосочетании и неизбежно связанный с этим отход от разработки теории предложения оказались неприемлемыми для русской грамматической мысли. Критический пересмотр синтаксической системы Ф. Ф. Фортунатова был начат уже в трудах его учеников – профессора А. М. Пешковского и академика А. А. Шахматова.

С самого начала в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского обнаруживается иное, чем у Ф. Ф. Фортунатова, понимание словосочетания. К понятию словосочетания примешиваются признаки предложения, что обуславливает смешение этих двух различных синтаксических категорий. В конечном счете это смешение приводит к подмене одного предмета исследования (словосочетания) другим (анализом предложения). Словосочетание А. М. Пешковский рассматривает как некое «внешне-внутреннее, физико-психическое единство» и дает ему слишком широкое и поэтому неясное определение. «Словосочетание, – пишет он, – есть два слова или ряд слов, объединенных в речи и в мысли» [Пешковский, 1956, с. 35]. Соответственно под словосочетание подводится любой отрезок речи «при условии все того же психофизического единства» составляющих его слов. На этом основании рассматриваются в качестве словосочетаний все предложения (включая и сложное), кроме однословных, то есть кроме слов-предложений.

Неправомерно расширив понятие словосочетания, отождествив его с понятием предложения, А. М. Пешковский в дальнейшем изложении синтаксиса выдвигает на первый план анализ предложения, изучение различных его типов [Пешковский, 1956, с. 39].

Что же касается собственно словосочетаний, то есть таких синтаксических единиц, которые неоднородны с простыми предложениями, то они рассматриваются лишь попутно, главным образом в связи с анализом глагольных личных распространенных предложений и при этом с точки зрения второстепенных членов предложения.

В специальной части «Синтаксиса» А. М. Пешковского нет систематического описания различных разрядов и типов словосочетаний и их функций; не раскрытыми остаются в его синтаксисе вопросы о предложении. Целый ряд его тонких наблюдений, выводов и оригинальных мыслей

представляет большую ценность для исследования словосочетаний современного русского языка, для построения учения о словосочетании и в наши дни.

Отказ от фортунатовской синтаксической концепции еще определеннее обнаруживается в «Синтаксисе русского языка» академика А. А. Шахматова.

А. А. Шахматов прежде всего по-иному определяет самый предмет синтаксиса. «Учение о предложении, с одной стороны, учение о словосочетании, с другой, – писал он, – имеют своей задачей исследовать все элементы, входящие в состав предложения» [Шахматов, 1941, с. 276].

Следовательно, предметом синтаксиса у А. А. Шахматова является не только словосочетание, но и предложение. В своем стремлении резко ограничить предложение и словосочетание он опирается на выдвинутое Ф. Ф. Фортунатовым деление словосочетаний на законченные и незаконченные. Определив словосочетание как «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одних из этих слов от других», он подчеркивает: «Предложение, состоящее из двух или более слов, является также словосочетанием, но словосочетанием законченным» [Шахматов, 1941, с. 274]. Законченное словосочетание, в отличие от незаконченного, обладает определенными признаками, а именно: интонацией и соответствием коммуникации как «законченной единицей мышления».

Из сказанного следует, что термин «законченное словосочетание» по существу применяется А. А. Шахматовым к понятию двусоставного предложения. Если предметом учения о предложении, по А. А. Шахматову, являются законченные словосочетания, то в учении о словосочетаниях рассматриваются только незаконченные словосочетания; законченные же словосочетания, то есть предложения, исследуются постольку, поскольку их анализ не касается наиболее существенных моментов предложения.

Таким образом, в разграничении предмета синтаксиса предложения и предмета синтаксиса словосочетания А. А. Шахматов исходит, с одной стороны, из предложенного Ф. Ф. Фортунатовым деления словосочетаний на законченные и незаконченные, а с другой – из деления членов предложения на главные и второстепенные.

Хотя словосочетание определяется как «грамматическое единство», но специфика этого единства как особого синтаксическо-семантического образования как выразителя единого, хотя и расчлененного понятия остается у А. А. Шахматова нераскрытой. Словосочетание для него только структурный элемент предложения.

В связи со сказанным в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова не дается систематического описания словосочетаний, их структурных типов и функций в современном русском языке. Проблема словосочетания А. А. Шахматовым не была разрешена.

Учение о словосочетании как основном предмете синтаксиса, единственном объекте синтаксического изучения, не было и не могло быть принято отечественным языкознанием.

О словосочетаниях как о синтаксической единице говорит в своем труде «Члены предложения и части речи» академик И. И. Мещанинов. Подвергая анализу структуру предложения, он выделяет синтаксические группы, которые соответствуют развернутым членам предложения, прежде всего синтаксические группы подлежащего и сказуемого, так как эти члены предложения нередко «нуждаются в своих уточнителях». «Таким образом, – замечает И. И. Мещанинов, – от сложного расширенного состава мы перешли к *словосочетанию* более ограниченного состава и, наконец, до выражения данного зависимого члена одним словом» [Мещанинов, 1945, с. 127].

Признавая наличие в предложении особых синтаксических единиц, различно им называемых «синтаксическая группа», «комплекс», «словосочетание», И. И. Мещанинов замечает, однако, что «под синтаксическими группами придется признать грамматически выделенные различными синтаксическими приемами отдельные словосочетания, передающие установившиеся в общественной практике восприятия их смыслового единства в членении предложения» [Там же].

Позднее И. И. Мещанинов посвящает специальную статью анализу синтаксических групп и дает их определение. «Выделяемые мною синтаксические группы, – пишет он, – рассматриваются как двучленные построения, передающие предикативные, атрибутивные и объектные отношения. Первая из них по своему содержанию соответствует предложению. Вторая и третья представляют собой двучленные по своему составу части предложения» [Мещанинов, 1963, с. 25].

В последние десятилетия заметно возрастает интерес и внимание к проблеме словосочетания. Вместе с тем в языкознании получают общепринятое решение некоторые общие вопросы, существенно важные для дальнейшего развития учения о словосочетании. Основным объектом изучения в синтаксисе признается предложение как основная единица коммуникации. Однако наряду с предложением объектом самостоятельного изучения в синтаксисе является и словосочетание. Специфика этой синтаксической категории требует углубленного изучения различных разрядов и групп словосочетаний в различных национальных языках как необходимой основы для разработки общей теории словосочетания.

В научной разработке теории словосочетания исключительно большое значение имеет концепция словосочетания, выдвинутая академиком В. В. Виноградовым.

Уже в своих грамматических трудах 30–40-х годов, посвященных в основном морфологии (грамматическому учению о слове), он излагает и

общие принципы своей синтаксической концепции, позднее развитые в работах по синтаксису. Подвергнув всестороннему и глубокому анализу грамматические теории, выдвигавшиеся в истории языкознания, В. В. Виноградов выступает решительным противником схематизма и узкого морфологизма в построении грамматики. В то же время В. В. Виноградов решительно выступает и против «безраздельного включения лексикологии в грамматику», так как у первой «свой материал, свой метод и свой объект исследования» [Виноградов, 1947, с. 7].

Принципиальное отличие теории словосочетания от других, выдвинутое В. В. Виноградовым, а вместе с тем и несомненное ее преимущество перед последними заключается прежде всего в том, что словосочетание сопоставляется как с предложением, так и со словом, но не отождествляется и не смешивается ни с тем, ни с другим. Словосочетание, по определению В. В. Виноградова, представляет собой синтаксическую конструктивную единицу, которая может служить средством номинации, сближаясь, таким образом, со словом, но сохраняя резкое отличие от отдельного (даже сложного) слова.

В соответствии с этим В. В. Виноградов рассматривает типы словосочетаний как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух и больше знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия» [Виноградов, 1960, с. 19].

Излагая в последовательной системе развиваемую им теорию словосочетания, академик В. В. Виноградов выдвигает и целый ряд других вопросов, неразрывно связанных с учением о словосочетании и существенно важных как для последнего, так и для разработки учения о предложении.

Последнее десятилетие характеризуется интенсивной работой языковедов, направленной на осуществление указанных задач.

К числу специальных исследований относится большой труд профессора В. П. Сухотина «Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова (словосочетания)», вышедший в 1950 году. Ценность этого труда определяется прежде всего тем, что в нем автор обратился к изучению фактического материала, подвергнув тщательному анализу и описанию словосочетания современного русского литературного языка, представленные в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова.

Кроме того, В. П. Сухотин уделяет большое внимание общетеоретическим вопросам, определяя предмет синтаксиса и рассматривая ряд важнейших вопросов теории словосочетания (сущность словосочетания, словосочетание в отношении к слову и к предложению, форма и значение словосочетания, его объем и другое). В. П. Сухотин признает необходимым словосочетание как особый объект синтаксической науки отграничить от другого важнейшего объекта этой науки – от предложения. Для

этого необходимо установить природу словосочетания, специфику, отличающую его от предложения, как и от слова.

Рассматривая словосочетание в отношении к слову, В. П. Сухотин вслед за В. В. Виноградовым признает, что словосочетание представляет собой «расчлененное обозначение предмета или явления, хотя оно «резко отличается от отдельного, даже сложного слова, представляющего собой неделимое на самостоятельные лексические значимости целое, что и в так называемых «свободных» словосочетаниях, где синтаксические связи реальны и современны, выступает единство смыслового содержания, что уподобляет их до некоторой степени отдельному слову, определяет оформление и объясняет их синтаксическую роль» [Сухотин, 1950, с. 154].

Однако, выясняя отношение словосочетания к предложению, он уже вопреки концепции В. В. Виноградова рассматривает словосочетание лишь как часть предложения, выделяемую в нем в результате его синтаксического расчленения. В связи с этим под словосочетанием, по существу, подводятся любые грамматические соединения слов, вычленяемые в составе предложения (в том числе соединения подлежащего и сказуемого, группы однородных членов и т. д.), резко различные по своей природе. Поэтому В. П. Сухотин принимает деление словосочетаний на две группы: а) предикативные и б) неpredикативные.

К предикативным относятся, по его определению, словосочетания, «выражающие сообщение о событии, факте, объединяющие подлежащее и сказуемое как структурную основу предложения» [Сухотин, 1950, с. 162].

К неpredикативным словосочетаниям В. П. Сухотин относит словосочетания, «не включающие конструкцию подлежащего и сказуемого и, следовательно, не образующие предложения: *высокий дом, книга сестры, очень большой, рано утром*.

В конце 1954 года вышел в свет второй том «Грамматики русского языка», в котором впервые подверглись систематическому описанию все разряды словосочетаний, классифицируемые по принадлежности к этой или другой знаменательной части речи грамматически господствующего стержневого слова (словосочетания с главным словом – глаголом, существительным, прилагательным, числительным, местоимением, наречием).

Теоретической основой для этого описания послужили рассмотренные выше положения теории словосочетания академика В. В. Виноградова.

Эта теория служит исходной и вместе с тем получает дальнейшее развитие в ряде исследований, посвященных отдельным разрядам или группам словосочетаний.

Г. А. Золотова утверждает, что словосочетание является единицей языка и речи, то есть может существовать не только в предложении, но и вне его состава: «Словосочетание как соединение знаменательных слов

(или форм) на основе грамматического подчинения служит на докоммуникативной ступени расчлененным обозначением понятия и демонстрирует синтаксические свойства подчиняющего (определяемого) слова, на коммуникативном же уровне участвует в предложении в качестве его распространенного компонента» [Золотова, 1973, с. 66].

А. Н. Гвоздев считает, что «словосочетание как синтаксическая единица составляет лишь звено общей цепи связанных между собой слов всего предложения, и изолировать его как лексическую единицу не представляется возможным» [Гвоздев, 1973, с. 25].

Статьи, диссертации, монографии, посвященные проблемам словосочетания в русском языке не дали все же окончательного решения этой проблемы. Понимание словосочетания механически расширилось.

Анализ исследований позволил сделать вывод относительно того, что сделано многое для утверждения словосочетания как самостоятельной синтаксической единицы и для разработки теории словосочетания в целом.

Специфика этой синтаксической категории требует углубленного изучения различных разрядов и групп словосочетаний в различных национальных языках как необходимой основы для разработки общей теории словосочетания.

Вопросы синтаксиса под пристальным вниманием были и у многих финноугроведов. В первых грамматиках финно-угорских языков словосочетания обычно рассматривались в разделе морфологии. Не было еще четкого определения словосочетания, не были еще установлены и границы словосочетания. Словосочетанием считалось любое соединение как полнозначных слов, так и сочетание знаменательного слова с послелогом. Грамматики финно-угорских языков составлялись под прямым влиянием грамматик индоевропейских языков, в первую очередь – латинского. Совершенно ясно, что подобный перенос правил сочетания слов в латинском языке в систему языка другого строя не мог способствовать выяснению характерных черт и особенностей изучаемого языка.

Дальнейшее изучение сочетаний слов в финно-угорских языках идет по пути преодоления влияния латинской грамматики и все более правильного определения места падежных форм в словосочетаниях. Так, например, с выходом в свет грамматики финского языка Г. Э. Эурена (1849), синтаксис стал рассматриваться уже как учение о предложении, что вызвало соответствующую перестройку всех его основ. В синтаксис были включены три раздела: простое предложение, простое распространенное и сложное предложение.

Особую ценность в развитии синтаксической науки представляет «Грамматика финского языка» Э. Н. Сетяля (1880). Автор этой грамматики не выделяет словосочетания в особый раздел синтаксиса и способы сочетания одних слов с другими рассматривает в составе предложения.

Появление «Грамматики финского языка» А. Пенттиля (1957) открыло новый этап в исследовании синтаксиса финского языка. Автор построил свою грамматику на иных принципах, чем его предшественники. Впервые в истории финского языка в синтаксис был включен большой раздел о словосочетании. В основу учения о словосочетании А. Пенттиля включает понятие о словарных рядах. Словарным рядом автор считает ряд любых слов, следующих друг за другом. По А. Пенттилю, словосочетанием признается любой словарный ряд, обладающий некоей цельностью.

В последнее время появился ряд работ, посвященных частным вопросам синтаксиса, в том числе и проблеме словосочетания. Рассмотрению именных словосочетаний в финском языке посвящена кандидатская диссертация Г. Н. Макарова. Во вводной части этой работы дается обзор учений о словосочетании, критически оценивается финно-угорская литература по синтаксису, затем на хорошо иллюстрированном материале анализируются определительные словосочетания в финском языке. В понимании и анализе финских словосочетаний Г. Н. Макаров исходит в основном из концепции академика В. В. Виноградова. Тщательно отобранный материал дал возможность сделать ряд обобщений, которые представляют несомненный интерес для финноугроведов. Все словосочетания финского языка берутся только в контексте (в предложении) в той грамматической форме, в какой они выступают в связной речи. Отдельно рассматриваются простые и сложные словосочетания. При таком подходе автору удалось наглядно продемонстрировать специфику финского языка и правила сочетания определяющего компонента с определяемым именем существительным [Макаров, 1955, с. 13].

Основные типы финских словосочетаний подробно разработаны в монографии Ю. С. Елисеева «Синтаксические словосочетания в современном финском языке» (1959). В названной работе Ю. С. Елисеев излагает свою точку зрения по вопросу определения словосочетания, его границ по отношению к слову и предложению в финском языке. Характерной чертой, отличающей словосочетание от сложного слова, является раздельноформленность компонентов. Особенностью словосочетания является и то, что ему не свойственны существенные признаки предложения, то есть категории лица, времени, модальности. Словосочетанию не присуща характерная для предложения интонация сообщения. Нельзя не согласиться с точкой зрения Ю. С. Елисеева, что ученый не включает в круг словосочетаний предикативные сочетания, так как они являются принадлежностью учения о предложении. Не являются объектом исследования в его работе и сочинительные сочетания слов.

Значительные успехи достигнуты в разработке вопросов синтаксиса венгерскими лингвистами. Прежде всего следует назвать имена А. Клемма (1941), З. Гомбоца (1951), Й. Балашша (1951) и других лингвистов, ко-

торые сделали большой вклад в изучение синтаксиса венгерского языка.

Трехтомный «Исторический синтаксис венгерского языка» А. Клемма (1928–1942) представляет глубокий интерес не только для специалистов по венгерскому языку, но и для широкого круга финноугроведов.

Большое теоретическое значение имеет «Синтаксис» З. Гомбоца (1951). В этой работе автор рассматривает синтаксис как учение о синтагмах, отождествляемых со словосочетанием. Основным разделом синтаксиса считает не предложение, а словосочетание.

В работе «Венгерский язык» Й. Балашша отмечает, что «в синтаксисе изучается образование из отдельных слов предложений и построение связной речи» [Балашша, 1951, с. 37].

Большое внимание уделяется синтаксису венгерского языка в трехтомном труде профессора К. Е. Майтинской «Венгерский язык» (1960). Автор учение о словосочетании выдвигает в самостоятельный раздел языкознания. Опираясь на опыт своих предшественников, в то же время развивает, уточняет учение о словосочетании, исходя из специфики венгерского языка. Словосочетания К. Е. Майтинская характеризует как «оформленные по правилам данного языка синтаксические единства, состоящие из двух или более слов и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия» [Майтинская, 1960, с. 18].

В разделе о словосочетании подробно рассматривается вопрос об отношении словосочетания к предложению, в частности, отмечается, что не словосочетание, а предложение является самой важной единицей синтаксиса.

В 1967 году вышла вторая часть учебного пособия «Современный коми язык. Синтаксис» Н. Н. Селькова. Одним из основных отличий является включение в «Синтаксис» учения о словосочетании. Под словосочетанием в грамматике коми языка понимается «соединение двух знаменательных слов, связанных между собой по смыслу и грамматически» [Сельков, 1967, с. 7].

В грамматике четко разграничиваются словосочетание и предложение. Словосочетания подразделяются по структуре и четко различаются основные типы словосочетаний в зависимости от лексико-грамматических свойств главного слова. Довольно подробно рассматриваются способы выражения синтаксических отношений в словосочетаниях.

Вопросы синтаксиса, в частности вопрос о словосочетании, рассматривался и марийскими учеными. Среди них А. Альбинский, Ю. В. Андуганов, Л. П. Васикова, Л. А. Петухова и мн. др.

Впервые попытки были сделаны А. Альбинским в 1837 году в работе «Черемисская грамматика». Определенные успехи в решении вопросов синтаксиса были достигнуты за последние годы. В работе Ю. В. Андуганова «Мут але мутсочетаний?» (1985) впервые предлагаются критерии разграничения словосочетаний от сложных слов.

Дальнейшее развитие этого вопроса получило в работах В. Т. Тимофеевой (1989), Л. П. Васиковой (1990), Ю. А. Андуганова (1991), в которых авторы предложили свои варианты классификации словосочетаний в луговомарийском литературном языке и выделили структурные типы данных синтаксических категорий. По их мнению, в зависимости от лексико-грамматических свойств главного компонента словосочетания в луговомарийском литературном языке различают: субстантивные, нумеральные, адъективные, прономинальные, адverbиальные, партиципные, вербальные словосочетания с главным компонентом, выраженным подражательным словом.

Наиболее подробно разработка проблемы глагольно-именных словосочетаний луговомарийского литературного языка представлена в монографии Л. А. Петуховой «Глагольно-именные словосочетания в марийском языке» (1980). Автор, опираясь на теорию о словосочетании В. В. Виноградова, впервые дает анализ рассматриваемого типа словосочетаний, раскрывая смысловые отношения между компонентами, определяя виды связей сочетающихся компонентов. Работа Л. А. Петуховой является значительной в решении проблем глагольно-именных словосочетаний на материале лугового диалекта марийского языка.

Проблеме словосочетания в мордовских языках учеными также было уделено определенное внимание. Фрагментарные заметки о словосочетании были даны еще в первой «Мордовской грамматике» П. Орнатова (1838). Отдельный раздел в ней посвящен рассмотрению способов сочетания имен, местоимений, глаголов с именами и предлогов (послелогов) с именами. По мнению П. Орнатова, «словосочетание излагает правила, по которым соответственно свойству языка и речи располагаются» [Орнатов, 1838, с. 83].

К словосочетаниям П. Орнатов относил не только соединение двух полнозначных слов, но и сочетание послелога с именем.

Таким образом, «грамматическое учение о сочинении слов» П. Орнатовым отрывалось от теории предложения. Изложение способов «сочинения» слов опиралось на теорию частей речи. Грамматика была составлена по схеме и типу русских грамматик без достаточного учета специфики мокша-мордовского языка.

Ф. И. Видеман в своей работе «Эрзя-мордовская грамматика» (1865), как и во всех грамматиках финно-угорских языков, вопросы синтаксиса рассматривает в морфологии. Способы сочетания слов описаны автором в разделе «Предложения».

Начало научному изучению вопросов синтаксиса положила сессия по мордовским языкам 1940 года. К сессии были подготовлены проекты основ синтаксиса и пунктуации мордовских (мокшанского и эрзянского) языков.

Материалы научной сессии явились теоретической базой учебников синтаксиса для мордовской (мокшанской и эрзянской) средней школы.

В названном синтаксисе мокшанского и эрзянского языков нет специальных разделов о словосочетании. Вопрос о типах связи слов рассматриваются в учении о предложении, так как синтаксис авторами учебников определяется как отдел грамматики, в котором изучаются:

- 1) связи слов в предложении;
- 2) виды предложений;
- 3) способы связи предложений друг с другом.

Значительным событием явился выход в свет второй части научной «Грамматики мордовских языков» М. Н. Коляденкова в 1954 году. В этой работе специальная глава посвящена изучению словосочетаний в мордовских языках. Своей целью в главе «Словосочетание» автор ставит определение и разграничение «двух основных синтаксических единиц: предложения и словосочетания» и описание их форм и функций в системе мордовских языков, а также в выявлении их особенностей, которые составляют специфику этой системы.

В разделе о словосочетании М. Н. Коляденков детально рассматривает структуру и функции словосочетаний. Автор определяет словосочетание как «строительный материал в составе предложения, представляющий собой минимальное грамматическое и смысловое единство, отражающее связи явлений реальной действительности» [Коляденков, 1954, с. 13].

Взгляды М. Н. Коляденкова на словосочетание получили дальнейшее развитие в его книге «Структура простого предложения в мордовских языках» (1959). Большой интерес представляют принципы разграничения сложных слов и словосочетаний. Положительным в работе является освещение способов выражения синтаксических отношений между членами словосочетаний, анализ структурных типов словосочетаний, находящихся в мордовских языках.

Автор «Грамматики мордовских (эрзянского и мокшанского) языков» вслед за В. П. Сухотиным (точку зрения которого он считает «чрезвычайно ценным в практическом и теоретическом отношении») признает так называемые «предикативные» словосочетания и в соответствии с этим рассматривает выражение «предикативных отношений» в составе словосочетания. Однако, как мы уже видели выше, деление словосочетаний на «предикативные» и «непредикативные» является недоразумением, возникшим в «результате смешения вопросов изучения словосочетания и структуры предложения» [Там же].

В отличие от своих предшественников, рассматривавших вопросы словосочетания, М. Н. Коляденков, кроме того, делит словосочетания на «синтаксические» и «несинтаксические». Под «синтаксическими словосо-

четаниями» он подразумевает словосочетания свободно дробимые на отдельные слова. Под «несинтаксическими словосочетаниями» автор имеет в виду словосочетания, неразложимые на отдельные слова [Коляденков, 1954, с. 15].

В работе М. Н. Коляденкова имеется ряд спорных положений. Автор ставит цель разграничить две основные синтаксические единицы – предложение и словосочетание, описать их формы. В этом отношении неправомерным является отнесение М. Н. Коляденковым предикативных сочетаний к синтаксическим словосочетаниям.

Говоря о словосочетании, М. Н. Коляденков рассматривает однородные словосочетания, которые образуются по способу сочинения элементов, а также парные слова, подразделяющиеся на именные, типа мокш. *акат-сазорхт* «сестры, старшая сестра и младшая сестра», эрз. *роднят-раськт* «родственники» и глагольные, типа мокш. *штамс-нардамс* «убираться», мокш. *шамс-карямс* «одеться», *симдемс-андомс* «угощать», эрз. *трямс-ваномс* «воспитывать», *кильдемс-поводемс* «запрячь». Автор парным словам отводит промежуточное место между сложными словами и синтаксическими словосочетаниями. По этому поводу он писал: «Парные слова имеют ряд синтаксических и грамматических признаков, отличающихся от сложных слов. Вместе с тем они обладают и рядом признаков, не позволяющих отнести их к свободным синтаксическим словосочетаниям. Одной из важных черт парных сочетаний является их способность подчеркивать в особой конкретизации и эмоциональной окрашенности выражаемых ими понятий, а также специфичность их грамматической организации» [Коляденков, 1959, с. 56].

Отдельные случаи соотносительности сложных слов и абсолютной формы в рамках субстантивных словосочетаний тонко подмечены Д. В. Бубрихом в его книге «Эрзя-мордовская грамматика – минимум» (1947).

Н. Ф. Цыганов в работе «Абсолютная (внепадежная) форма» (1954) устанавливает сферы употребления имени в абсолютной форме по выражаемым им отношениям и значениям в мордовских языках.

Подробнее рассматривает именные словосочетания А. П. Феоктистов в связи с анализом способов выражения притяжательных отношений в мордовских языках в работе «Категории притяжательности в мордовских языках» (1963).

Большой вклад в синтаксис мордовского языкознания внесла кандидатская диссертация В. М. Тюркиной «Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках». Более подробно и основательно автор изучила субстантивные словосочетания. В. М. Тюркина рассмотрела систему субстантивных словосочетаний с зависимым именем существительным, определила их про-

дуктивность. Автор признает простые и сложные словосочетания, отмечает, что «субстантивные словосочетания с зависимым существительным имеют свои структурные и функциональные особенности» [Тюркина, 1972, с. 38].

В. М. Тюркина определила важность послелогов в мордовских языках, где субстантивные словосочетания подразделяются на беспослеложные и послеложные.

Р. Н. Бузакова в работе «Синонимия словосочетаний в мордовских языках» (1983) обозначила проблему синонимии словосочетаний.

Определенный вклад в разработку вопроса о словосочетании в мордовских языках внесла Н. М. Лаврентьева. В работе «Словосочетания в русском и мордовских языках» (1974) в плане сопоставления выделила особенности словосочетания на основе русского языка и сделала попытку разграничения типов управления в мордовских языках.

В изучении глагольных словосочетаний мордовских языков немало важную роль сыграла статья М. Ф. Коротковой «Классификация глагольных словосочетаний в мордовских языках» (1975). В ней сделана попытка дать полную характеристику глагольным словосочетаниям в зависимости от того, какой частью речи выражено подчиненное слово. Рассматривая вопрос об объеме словосочетания, М. Ф. Короткова выделяет в мордовских языках словосочетания простые и сложные.

А. С. Егорова в работе «Сложные субстантивные словосочетания в эрзянском языке» (1976) сложные словосочетания свела к трем основным типам; 1) атрибутивные с однородными определениями (поясняющими членами); 2) атрибутивные с неоднородными определениями; 3) цепные атрибутивные. На большом эмпирическом материале выявила основные грамматические особенности категории определения, впервые раскрыла синтаксическую сущность причастия, разработала схему образования придаточного определения.

Н. А. Щанкина в работе «Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках» (1980) отметила важность падежных форм для выражения временных и пространственных отношений, продуктивность этих форм, а также некоторые их нюансы и оттенки.

В настоящее время в мордовском языкознании вышли в свет учебники по синтаксису мордовских языков: «Мокшень кяль. Синтаксис» (2008) и «Эрзянь кель. Синтаксис» (2011), где авторы-составители более подробно рассматривают вопросы синтаксиса, в том числе и вопросы словосочетания. Авторы исходят уже из сложившейся теории о словосочетании и более подробно останавливаются на этой проблеме. В учебниках раскрывается вопрос о классификации словосочетаний, об объеме словосочетания, дана полная характеристика словосочетаниям, в зависимости от

подчиненного слова, рассмотрен вопрос о типах связи слов в словосочетаниях.

Таким образом, учение о словосочетании относится к числу важнейших вопросов современного синтаксиса, на что обращали свое внимание многие ученые, но не получивших до настоящего времени окончательного решения. Теоретическая разработка проблемы словосочетаний и практическое изучение их типов в современных мокшанском и эрзянском языках является насущной задачей мордовского языкознания. Без разработки теории словосочетания нельзя создать развернутого учения о синтаксическом строе родного языка.

Теоретической основой, от которой мы будем отталкиваться в нашей работе, является учение о словосочетании академика В. В. Виноградова, который выделяет словосочетание на базе предложения. Различие между словосочетанием и предложением он объясняет так: «Словосочетание и предложение – понятия разных семантических рядов и разных стилистических плоскостей. Они соответствуют разным формам мышления. Предложение вовсе не разновидность словосочетания, так как существуют и слова-предложения. Но оно и по внутреннему существу своему, по своим конструктивным признакам непосредственно не выводимо из словосочетания» [Виноградов, 1950, с. 38]. И более того, «словосочетание только в составе предложения и через предложение входит в систему коммуникативных категорий речи, средств сообщения» [Виноградов, 1950, с. 38].

С позиции В. В. Виноградова, словосочетание, как и слово, следует относить к номинативным средствам языка, то есть к средствам обозначения предметов, процессов, явлений и т. д. Словосочетание, как и слово, является строительным материалом, который используется в процессе языкового общения. Словосочетание выделяется на базе предложения, но оно может существовать и вне предложения, уподобляясь в этом отношении слову.

Но хотя словосочетания и слова объединяются тем, что они являются номинативными средствами языка, все же они далеко не однородны. Ни в коем случае нельзя отождествлять словосочетание с отдельным словом, о чем говорит выразительно и само название «словосочетание». Словосочетание даже в самом минимальном своем объеме представляет собой сочетание двух полнозначных слов, что предполагает раздельнооформленность его компонентов, выражающих единое понятие.

Раздельнооформленность компонентов позволяет отличать словосочетания от парных и сложных слов. Словосочетания отличаются тем, что в них возможна синонимическая замена одного или двух компонентов, распространение компонентов и включение в предложении между ними других слов. В противоположность им парные и сложные слова, характеризуясь признаком цельнооформленности, остаются при всех случаях неизменными в своем составе.

Словосочетание – это исторически сложившаяся категория синтаксиса, которая имеет большое значение для понимания структуры предложения мордовских языков. Процессы, происходящие в словосочетании, в конечном счете сказываются и на строе предложения.

1.2 СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

Словосочетания являются одним из важнейших объектов синтаксиса. Они выступают наряду со словами в качестве конструктивных элементов предложения. Обмен мыслями возможен только благодаря сочетанию слов в предложениях.

Для того чтобы составить предложение, слова объединяются в синтаксические группы (единства), то есть вступают в различные связи и отношения друг с другом. Объединение слов в группы происходит под действием законов и норм данного языка. А отдельные слова сами по себе обозначают понятия или имеют определенные лексико-грамматические значения. Например: глагол *кандомс* «нести, принести» обозначает в отдельном употреблении, то есть без объединения с другим словом, только наименование абстрактного действия, связанного с движением. Само значение данного глагола требует при себе определенного объекта: мокш. *кандомс ведь*, эрз. *кандомс ведь* «принести воду». Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы.

Исторически сложившись в строе предложения, способность слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, распространяется путем присоединения к ним других слов, также знаменательных, но уже зависящих от первых слов, привела к возникновению и развитию тех языковых единиц, которые получили название словосочетаний. Представляя собой такие грамматические единства, которые состоят минимально из двух полнозначных слов, связанных между собой по законам или правилам данного языка, они обычно выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения и занимают своеобразное положение по отношению к таким языковым единицам, как слово и предложение. Проявляя значительную близость к ним, словосочетание вместе с тем характеризуется чертами, резко отличающими его и от первого, и от второго. Именно это и служит основанием для выделения словосочетаний в самостоятельные единицы.

Прежде всего, словосочетание, как и слово, выполняет коммуникативную функцию в языке только через предложение в его составе. Как и слово, оно либо служит материалом для построения предложения, реали-

зуется в нем, выполняя ту или другую синтаксическую функцию, либо, снова как и слово, предидируясь, образует самостоятельное предложение и включается в речевую цепь уже в этом качестве. Поэтому словосочетания можно изучать в составе предложения как его структурные элементы. С другой стороны, их можно изучать и вне предложения как разные виды сложных названий.

Как и слово, словосочетание лишено свойственной предложению обязательной для него предикативности. Для словосочетания не только не типичны, но и чужды синтаксические категории модальности, времени и лица, обязательные, напротив, для предложения. Поэтому возникновение предикативности в словосочетании ведет к его распаду или превращению в предложение.

Подобно тому, как слова распределяются по частям речи, словосочетания по их стержневым словам обычно подразделяются на глагольные, именные (субстантивные, адъективные, нумеративные, прономинальные и адverbиальные).

Выполняя коммуникативную функцию только через предложение, словосочетание, в отличие от него, лишено и интонации сообщения.

Близость к слову особенно ярко проявляется в присущей словосочетанию способности выступать в качестве номинативного средства, использоваться для обозначения предметов, явлений, процессов, качеств, свойств и т. д. Это естественно. Ведь словосочетание, будучи грамматическим единством, в то же время выражает «какое-нибудь понятие, хотя и сложное». «Это свободный эквивалент фразеологической единицы, а последняя, в свою очередь, представляет собой эквивалент слова» [Виноградов, 1950, с. 42].

Способность словосочетаний служить названиями, использоваться для номинации отмечали многие исследователи-синтаксисты (В. В. Виноградов, Т. А. Тулина и др.). Обозначается и совершенно очевидная связь между фразеологическими единицами и свободными словосочетаниями. Последние служат для образования основ фразеологизмов многих типов, повторяющих структуру свободных словосочетаний. В то же время многие модели свободных словосочетаний обнаруживают очень тесную спаянность компонентов и другие черты, сближающие их с фразеологическими единицами. В результате этого в некоторых случаях возникают затруднения в отнесении того или иного сочетания к свободным или фразеологическим.

Способность обозначать единые, хотя и расчлененные названия действий-процессов, предметов, качеств-свойств и так далее, легко обнаруживается в самых разнообразных моделях словосочетаний всех разрядов.

Словосочетание и предложение являются двумя важнейшими синтаксическими единицами, отличающимися своими структурными особен-

ностями и объектами изучения. Несмотря на то, что они оба синтаксические категории, их нельзя ни в коем случае смешивать, они не тождественны.

Предложение – это коммуникативная единица, единица сообщения, оно содержит законченную мысль, имеет соответствующую интонацию. В отличие от предложения, словосочетанию не присуща функция сообщения, и оно, отдельно взятое, не выступает как единица сообщения. Предложение – грамматически оформленная единица речи, являющаяся главным средством формирования и сообщения мысли. Словосочетание – синтаксическая группа слов в предложении, состоящая не менее чем из двух полнозначных, друг другу подчиненных слов.

Отличительные признаки словосочетания и предложения устанавливает в своей работе и Н. А. Баскаков «Историко-типологическая характеристика тюркских языков» (1975). Но некоторые из указанных им признаков вызывают у нас возражение. Например: двусоставность и интонацию автор выдвигает в качестве характерных особенностей и предложения, и словосочетания, тогда как двусоставность – структурная особенность словосочетания, а интонация – характерная черта предложения.

Нет никакого сомнения в том, что словосочетание и предложение – разные синтаксические единицы. «Словосочетания не выполняют коммуникативную функцию, а следовательно, не образуют предложения. Коммуникативную функцию выполняют либо в составе предложения, либо сами превращаясь в предложение, предидируясь. Это сближает их уже не с предложением, а со словом» [Прокопович, 1966, с. 73]. Превращение словосочетания в предложение происходит путем оформления его соответствующей интонацией. Являясь самостоятельной единицей другого полюса, предложение выражает законченную мысль, а словосочетание лишено этого качества, оно существует только в предложении.

Таким образом, словосочетания представляют основной элемент структурного строения предложения, существующий в предложении и образующийся в процессе речи.

В разграничении словосочетания и предложения большую роль играет интонация. Эту же мысль подчеркивает Н. Ю. Шведова. Она наглядно показывает явления взаимодействия и взаимопроникновения одного из них в сферу действия другого. В роли компонента словосочетания могут употребляться целые предложения. Например: *Мы живем по принципу «человек человеку друг, товарищ и брат»* [Шведова, 1966, с. 53].

Г. М. Керт отмечает, что интонационная законченность является основной отличительной чертой предложения от словосочетания, и так определяет задачи синтаксиса: изучение и исследование типов словосочетаний; изучение типов предложения как с точки зрения цели высказывания, так и структуры предложения [Керт, 1971, с. 45].

Словосочетание и предложение качественно различны. Это синтак-

сические единицы различных рядов. Однако они тесно связаны друг с другом, постоянно взаимодействуют, следовательно:

а) словосочетания, подобно отдельным словам, могут использоваться в коммуникативной функции, превращаясь при помощи категории предикативности, интонации и определенного словорасположения в предложение;

б) особенно часто словосочетания, опять-таки как и отдельные слова, и наряду с ними, используются для построения распространенных предложений. Выполняя коммуникативную функцию через предложение, в его составе они становятся его членами. При этом они могут подвергаться различным преобразованиям, изменениям, обусловленным строем предложения, характером отношений к другим элементам последнего, смысловым заданием высказывания, а отсюда интонационно – смысловым членением и т. д.

В зависимости от того, к какой части речи относится главное слово, различаются несколько основных лексико-грамматических типов в мордовских языках, которые в свою очередь делятся на подтипы:

1. Именной:

а) субстантивный тип – с главным словом существительным: мокш. *лопафтома шуфта*, эрз. *лопавтомо чувто* «дерево без листьев»; мокш. *идень касфтома*, эрз. *эйкакшонь кастома* «воспитание ребенка»; мокш. *сери тума*, эрз. *сэрей тумо* «высокий дуб»; мокш. *пуже марь*, эрз. *пуже умарь* «зеленое яблоко»; мокш. *ниле варсихть*, эрз. *ниле варакат* «четыре вороны»; мокш. *кафта стирхть*, эрз. *кавто тейтерть* «две девушки»; мокш. *монь алязе*, эрз. *монь тетям* «мой отец»; мокш. *минь ломанць*, эрз. *минек ломань* «наш человек»; мокш. *мазыста морама*, эрз. *мазыйстэ морамо* «красивое пение»; мокш. *прай лов*, эрз. *прыця лов* «падающий снег»; мокш. *лакаф ведь*, эрз. *лаказы ведь* «вскипевшая вода»; мокш. *моразь якама*, эрз. *моразь якамо* «ходьба с песнями»; мокш. *пейдезь корхтама*, эрз. *пейдезь кортамо* «разговор со смехом».

В субстантивных словосочетаниях зависимый компонент может быть выражен именем существительным, именем прилагательным, именем числительным, местоимением, наречием, причастием, деепричастием.

б) адъективный тип с главным словом прилагательным: мокш. *козя ярмакса*, эрз. *сюнав ярмаксо* «богатый деньгами»; мокш. *цебярь валса*, эрз. *вадря валсо* «хороший словами»; мокш. *мазы шамас*, эрз. *мазый чамас* «красивый лицом»; мокш. *оцю алда*, эрз. *покиш алдо* «большой снизу»; мокш. *танцти васенда*, эрз. *тантей васне* «вкусный сперва»; мокш. *мазы вярде*, эрз. *мазый верде* «красивый сверху».

В адъективных словосочетаниях зависимый компонент может быть выражен именем существительным, наречием.

в) прономинальный тип – с главным словом местоимением: мокш. *кажнайсь церанятнень эзда*, эрз. *эрьвась церынетнестэ* «каждый из

мальчиков»; мокш. *кие-бди минь эздонк*, эрз. *кие-бути минек эйстэ* «кто-то из нас»;

г) нумеративный тип – с главным словом числительным: мокш. *колмоцесь кержи ширде*, эрз. *колмоцесь керш пельде* «слева третий».

2. Глагольный – главным словом глаголом:

а) глагольные словосочетания с зависимым существительным: мокш. *стамс салмоксса*, эрз. *стамс салмукссо* «шить иголкой»; мокш. *копордамс позада*, эрз. *копордамс позадо* «выпить браги»; мокш. *вельхтявсь ловса*, эрз. *вельтявсь ловсо* «покрылось снегом»; мокш. *видесть тозер*, эрз. *видесть товзюрю* «посеяли (они) пшеницу»; мокш. *тетькомс сельмот*, эрз. *тетькемс сельмть* «пучить глаза»;

б) глагольные словосочетания с зависимыми числительными: мокш. *лувомс кафтонь*, эрз. *ловномс кавтонь* «считать по два»; мокш. *арамс тифтень*, эрз. *стямс тивтень* «встать по одному»; мокш. *няень вете*, эрз. *неинь вете* «видел пять»;

в) глагольные словосочетания с зависимым местоимением: мокш. *шарьхкодемс тянь*, эрз. *чарькодемс тень* «понять это»; мокш. *няйсь тняра*, эрз. *нейсь зняро* «видел столько»; мокш. *корхтамс фкя-фкянди* «говорить друг другу»; эрз. *сыть кинь марто?* «с кем пришел?»;

г) глагольные словосочетания с зависимым наречием: мокш. *цебярьста тонафнемс*, эрз. *парсте тонавтнемс* «хорошо учиться»; мокш. *азондомс марявиста*, эрз. *евтнемс марявиксстэ* «рассказать вслух»; мокш. *куфкснемс стакаста*, эрз. *кувсемс стакасто* «вздыхать тяжело»; мокш. *самс илять*, эрз. *самс чокине* «прийти вечером»; мокш. *молемс ряцок*, эрз. *молемс рядсек* «идти рядом»;

д) глагольные словосочетания с зависимым инфинитивом: мокш. *терди тиемс*, эрз. *терди тейнемс* «призывает сделать»; мокш. *тумс эшеляма*, эрз. *туемс эшелямо* «идти купаться»; мокш. *първажамс тонафнема*, эрз. *ильтямс тонавтнема* «проводить учиться».

3. Адвербиальный – с главным словом наречием: мокш. *ялга мархта марса*, эрз. *ялга марто вейсэ* «с другом вместе»; мокш. *кудть эзда маласа*, эрз. *кудонть эйстэ маласо* «вблизи от дома»; мокш. *коса-бди ичкозе*, эрз. *косо-бути васоло* «где-то далеко»; мокш. *коза-бди ляй ширес*, эрз. *козо-бути лей чирес* «куда-то в сторону реки».

В адвербиальных словосочетаниях зависимое слово может быть выражено наречием, именем существительным или местоимением.

К адвербиальным словосочетаниям относят и такие, в которых опорный компонент выражен словами категории состояния: мокш. *тейне аф пара*, эрз. *монень аволь вадря* «мне нехорошо»; мокш. *пачк стака*, эрз. *пачк стака* «всегда тяжело»; мокш. *валда илять*, эрз. *валдо чокине* «светлый вечером» и т. д.

Из рассмотренных типов словосочетаний наиболее употребительными являются субстантивный и глагольный.

Проблема степени связи между компонентами является проблемой учения о словосочетаниях. Здесь особенно ярко обнаруживается различный подход к изучению этой языковой единицы. Это связано с тем, что в словосочетаниях составляющие их компоненты находятся в неодинаковой семантической взаимосвязи.

В зависимости от степени спаянности компонентов между собой словосочетания могут быть свободные и несвободные. Например, мокш. *морафтомс книга*, эрз. *ловномс книга* «читать книгу»; мокш. *пидемс лем*, эрз. *пидемс ям* «сварить суп»; кундамс *шеерь*, эрз. *кундамс чеерь* «поймать мышь». Но: мокш. *соламс инголенза*, эрз. *соламс икелензэ* «растаять перед ним»; мокш. *сивомс сельмоса*, эрз. *сэвемс сельмсэ* «пожирать глазами»; мокш. *вятнемс шалхкта*, эрз. *ветнемс судодо* «водить за нос»; мокш. *комор потмоса кирдемс*, эрз. *коморо потсо кирдемс* «держат в ежовых рукавицах» (букв.: держать внутри кулака).

В свободных словосочетаниях слова сохраняют свои самостоятельные лексические значения, свободно сочетаются друг с другом в потоке речи, каждый компонент является самостоятельным членом предложения. Свободные и несвободные словосочетания отличаются прежде всего характером связей между составляющими их компонентами. Поэтому они изучаются в разных разделах науки о языке: свободные в синтаксисе, а несвободные – в лексикологии.

В свободных словосочетаниях допускается замена компонентов, не утрачивающих своей лексико-семантической самостоятельности. А в несвободных словосочетаниях не допускается такой замены составляющих компонентов, они устойчивы, постоянны и несамостоятельны.

Из понятия словосочетания В. В. Виноградов исключает также сложные слова. В мордовских языках возникают большие затруднения при отграничении словосочетаний от сложных слов: иногда невозможно различить их в значении.

В разграничении сложных слов от словосочетаний большое место мы должны отводить постановке вопроса, а также оформлению. Сложное слово оформляется нерасчлененно, к нему ставится один вопрос, а словосочетание имеет расчлененное оформление и два вопроса. Значит, словосочетания состоят из отдельных самостоятельных взаимообуславливающих и подчиняющихся друг другу слов: мокш. *кенерьбакарь*, эрз. *кене-репакарь* «локтевая кость»; мокш. *пидипалакс*, эрз. *пиципалакс* «крапива».; мокш. *варсиньбря* «клевер»; эрз. *кошксе* «сухарь».

Свободные синтаксические словосочетания состоят из двух частей – компонентов, связанных подчинительной связью. Компоненты словосочетания взаимосвязаны. Один из них не зависит грамматически, другой грамматически зависит от господствующего. Господствующий компонент принято называть главным, стержневым словом, или компонентом слово-

сочетания. Главное слово – это конструктивный центр словосочетания и в то же время опорная часть словосочетания, через которую оно связывается со всем предложением, с речью. Зависимое слово выполняет определяющую функцию по отношению к главному, оно уточняет, конкретизирует значение главного слова, сужает его. При образовании словосочетания главное и зависимое слова взаимно влияют друг на друга. Но «конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строением господствующего, стержневого слова» [Виноградов, 1954, с. 67].

Каждое словосочетание имеет свое конкретное лексическое значение. Но значение словосочетания не равняется простой сумме лексических значений слов, образующих его. Оно создается отношением обобщенных лексико-семантических значений этих слов друг другу. Конкретных, лексических значений много, но их обобщенные, грамматические значения ограничены: это объектные, атрибутивные и обстоятельственные значения. Существующие отношения постоянно взаимодействуют друг с другом, и в значениях словосочетаний создается много различных оттенков.

По этому поводу М. Н. Петерсон писал: «Значение словосочетания не может быть изучено ни на основе лексических значений компонентов, ни на основе отношений между компонентами, если эти два фактора рассматриваются оторвано друг от друга» [Петерсон, 1923, с. 80].

Вопрос о значении словосочетания изучен недостаточно. В лингвистике нет однозначного решения этой проблемы.

В. В. Виноградов считает, что словосочетание организуется около одного знаменательного слова, «являющегося стержнем словосочетания: это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой его стороне» [Виноградов, 1954, с. 3]. То есть В. В. Виноградов игнорировал роль зависимого слова в организации словосочетаний.

Ряд исследователей отождествляет значение словосочетания с синтаксическими отношениями, которые возникают между главным и зависимым словами. А между тем значение словосочетания – это самостоятельная категория, которая в значительной мере определяет категорию отношения.

Следует разграничивать лексическое и грамматическое значения.

Лексическое значение глагольного словосочетания создается лексическим значением слов, входящих в состав словосочетания.

Следует подчеркнуть, что это не механическая сумма значений двух или более слов, а результат взаимодействия их лексических значений. Конкретное лексическое значение словосочетаний создается в процессе коммуникации в результате сочетания по законам синтаксической и лексической сочетаемости конкретных слов: мокш. *вачкодемс ломань*, эрз.

вачкодемс ломань «ударить человека»; вачкодемс эске, эрз. вачкодемс эске «вбить, вколотить гвоздь»; мокш. модемс ялга мархта, эрз. модемс ялга марто «идти с товарищем»; мокш. модемс мяльс коря, эрз. модемс мель марто «идти с желанием, по желанию». Из всех возможных связей того или иного слова в словосочетании реализуется лишь одна связь. Словосочетание выявляет значения полисемичных слов.

Конкретное лексическое значение – сочетания конкретных слов: мокш. кандомс ведь, эрз. кандомс ведь «нести, принести воду»; и мокш. кандомс сталма, эрз. кандомс сталмо «нести тяжесть»; мокш. поремс киши, эрз. поремс киши «жевать хлеб»; и мокш. поремс пейхть, эрз. поремс пейть «точить зубы» (букв.: жевать зубы) и т. д.

Грамматическое значение является результатом взаимодействия групповых значений слов. Известно, что слова, близкие по значению, образуют семантические разряды, группы. Слова одного семантического объединения имеют определенные одинаковые валентные свойства. Группа слов, объединенных близостью грамматических и семантических признаков, как компонент словосочетания вступает в составе модели словосочетания во взаимодействии с другой группой слов. Результатом данного взаимодействия и является грамматическое значение словосочетания. Современные исследования выделяют следующие грамматические значения, характерные для словосочетания: атрибутивные, объектные, субъектные и обстоятельственные. Как отмечает Ю. С. Долгов, «это наиболее высокая степень языковой абстракции грамматического значения, но любое обобщение в языке предполагает и дифференциацию» [Долгов, 1973, с. 36]. Поэтому и атрибутивные, и объектные, и другие грамматические значения имеют свои дифференцированные разновидности. Глагольные словосочетания могут иметь значение прямого объекта: мокш. озафтомс шуфта, эрз. озавтомс чувто «посадить дерево»; мокш. нодламс кал, эрз. нодамс кал «отпустить рыбу» и т. д.

Таким образом, конкретное лексическое значение является индивидуальным свойством каждого словосочетания, грамматическое же значение присуще модели словосочетания и любому конкретному словосочетанию.

Грамматическое значение – явление языка и речи, конкретное лексическое – только речи. Грамматическое значение выступает как типовое по отношению к лексическому, но оно индивидуально по отношению к другим грамматическим значениям.

Зависимость между компонентами словосочетания проявляется в обусловленности формы зависимого слова. В мордовских языках можно выделить следующие основные типы обусловленности:

1. *Категориальная обусловленность*, при которой форма зависимого имени определяется принадлежностью главного слова к той или иной грамматической категории.

Каждая часть речи обладает своими грамматическими признаками, грамматическими категориями. В связи с этим в мордовских языках исторически сложились такие модели словосочетаний, которые присущи, характерны, типичны лишь для определенной части речи. Имена существительные называют предмет. Он может определяться качеством, свойством, принадлежностью кому-нибудь, чему-нибудь. Известно, что названные значения в языке выражаются прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, местоимениями, существительными в разных падежных формах и в абсолютной форме. Так, например: мокш. *акша ал*, эрз. *ашо ал* «белое яйцо»; мокш. *кемонце кизось*, эрз. *кеменце иесь* «десятый год»; мокш. *сокаф мода*, эрз. *соказь мода* «вспаханная земля»; мокш. *панда пря*, эрз. *пандо пря* «вершина горы».

Для имен прилагательных типичны модели с отложительным, местным падежами в значении «внутреннего содержания признака»: мокш. *пяшксе кстыда*, эрз. *пешксе кстыйде* «полон, полный земляники»; мокш. *козя ярмакса*, эрз. *сюнав ярмаксо* «богатый, богат деньгами».

Для качественных прилагательных характерна связь с наречиями меры и степени: мокш. *пях акша*, эрз. *пек ашо* «очень белый»; мокш. *пях мазы*, эрз. *вельть мазый* «очень красивый».

2. *Семантическая обусловленность.* Внутри частей речи образуются группы слов, которые объединяются общим, семантическим значением. Среди глаголов можно выделить глаголы речи, мысли, чувства, движения.

Сближение слов в одной семантической группе на основе близости их значения приводит к тому, что связь их с зависимыми словами строится по одной модели: так, глаголы речи, мысли, чувства управляют родительным падежом указательного склонения в сочетании с послелогом мокш. *колга*, эрз. *эйстэ* «о, от, с, по».

В мокшанском языке указанное значение выражается только послеложно-падежным сочетанием, а именно: сочетанием формы родительного падежа с послелогом *колга*: мокш. *арьсемс эряфть колга*, эрз. *арсемс эрямодо* «думать о жизни».

Глаголы с общим значением избавления, освобождения управляют отложительным падежом или родительным в сочетании с послелогом: мокш. *эзда*, эрз. *эйстэ* «из, от, с, со, в»; мокш. *мянемс вьрьгазда*, *вьрьгазть эзда*, эрз. *менемс верьгиздэ*, *верьгизэнтэ эйстэ* «вырваться от волка»; мокш. *кяшемс офтта*, *офть эзда*, эрз. *кекшемс овтодо*, *овтонть эйстэ* «спрятаться от медведя».

Семантическое тяготение внутри той или иной части речи является весьма значительным. В словосочетаниях, образованных на основе глагольных словосочетаний, глаголы в результате семантических и словообразовательных связей отдают свои связи существительному: словосочетание мокш. *офтта пелема*, эрз. *овтодо пелема* «боязнь медведя» образовалось на основе глагольного словосочетания: мокш. *офтта пелемс*, эрз. *овтодо пелемс* «бояться медведя».

3. *Лексическая обусловленность* связей слов характерна для непродуктивной группы связи словосочетаний.

Лексически обусловленные словосочетания создают слова, которые нуждаются для раскрытия своего лексического значения в определенных словах и формах: мокш. *явомс авада*, эрз. *явомс авадо* «расстаться с матерью»; мокш. *явомс ава эзда*, эрз. *явомс ава эйстэ* «расстаться с матерью»; мокш. *шабань пильге*, эрз. *эйкакшонь пильге* «нога ребенка».

4. *Коммуникативная обусловленность*, при которой форма подчиненного слова полностью зависит от коммуникативного задания предложения, а не от свойств стержневого слова. Относящиеся к этому типу словосочетания чрезвычайно продуктивны и актуальны.

Образование таких словосочетаний основывается на функционировании падежных и послеложно-падежных форм в качестве первичных единиц синтаксиса. В зависимости от коммуникативного задания определенная форма может образовать то или иное словосочетание или распространять все предложение в целом:

1) мокш. *содста краскась кальдяв*, эрз. *содсто краскась берянь* «из сажи краска плохая»; мокш. *илиста кептернясь цебярь*, эрз. *илейстэ лукошкась вадря* «из прутьев лукошко хорошее»;

2) мокш. *содста тиеме краска*, эрз. *содсто теинек краска* «из сажи сделали мы краску»; мокш. *илиста кодасть кептерня*, эрз. *илейстэ кодасть лукошка* «из прутьев сплели они лукошко».

В примерах первой группы местоположение падежных форм обуславливает их связь с существительными *краскась*, *лукошкась*, *кептернясь* – отношения атрибутивные. Во второй группе выделенные падежные формы распространяют глагол – отношения объектные.

Определяя характер обусловленности связи слов, следует иметь в виду тот факт, что обязательное распространение зависимой формы бывает при лексической, семантической и частично категориальной обусловленности (говорим частично категориальной, имея в виду то, что грамматическое значение лишь в некоторых случаях реализуется в связях слов: например, при связи переходных глаголов с именительным или родительным прямого объекта, в реализации значения страдательного залога).

В большинстве случаев при категориальной обусловленности и, как уже было сказано выше, при коммуникативной обусловленности грамматическую структуру словосочетания можно объяснить только исходя из коммуникативного задания всего предложения.

В языкознании последнее десятилетие характеризуется особенно большим интересом к проблеме словосочетания, и в частности к его объему. Вопрос об объеме и границах словосочетания затрагивается в работах многих языковедов [Белый, 1960, с. 110; Прокопович, 1960, с. 23 и др.].

А. А. Реформатский, рассматривая синтагму как «сочетание двух

членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов» [Реформатский, 1960, с. 265], в самом определении подчеркивает ее двучленность. Он встречается с тем же затруднением, с каким и раньше сталкивались ученые, не разграничивающие синтагму (словосочетание) и предложение.

«Выделяемые мною синтаксические группы, – пишет академик И. И. Мещанинов, – рассматриваются как двучленные построения, передающие предикативные, атрибутивные и объектные отношения» [Мещанинов, 1958, с. 31].

Хотя В. В. Виноградов относит вопрос об объеме словосочетания к малоизученным, его работы вносят ясность в этот сложный и, как мы видели, запутанный вопрос.

Он рассматривает типы словосочетаний как «исторически сложившиеся в языке формы грамматического объединения двух и больше знаменательных слов, лишенные основных признаков предложения, но создающие расчлененное обозначение единого понятия» [Виноградов, 1960, с. 18]. В своей работе мы исходим из признания простых, сложных и комбинированных словосочетаний.

Под *простыми словосочетаниями* следует понимать сочетания слов, состоящие из двух знаменательных слов, из которых одно – главное, стержневое, а другое – зависимое. Простыми словосочетаниями следует считать соединения двух полнозначных слов, образующиеся непосредственно на основе одной из подчинительных связей [Тюркина, 1972, с. 38; Короткова, 1975, с. 42 и др.]: управления – мокш. *тумс кудста*, эрз. *туемс кудосто* «уйти, уехать из дома», мокш. *пезомс пълманжава*, эрз. *пезнамс кумажава* «увязнуть по колено», мокш. *таргамс ведьста*, эрз. *таргамс ведьстэ* «вытащить из воды»; примыкания – мокш. *парста работамс*, эрз. *парсте роботамс* «хорошо работать»; мокш. *луван озада*, эрз. *ловнан озадо* «читаю сидя»; мокш. *озасть морама*, эрз. *озасть морамо* «сели петь».

К простым относятся также:

а) словосочетания, где в роли главного или зависимого слова выступает фразеологическое сочетание: мокш. *аварьгодомс шинь кучкать* «заплакать средь бела дня»; мокш. *корхтай юмат мархтонза* «говорит беда с ним»; мокш. *мумс ведь варя* «найти родник»; мокш. *корхтамс вярьгак вайгяльхть* «разговаривать во весь голос»; эрз. *саемс пря безарькс* «взять обузу»; эрз. *чачтомс баклан пря* «родить ленивца»; эрз. *кортамс салава сускозь* «разговаривать тихой сапой»; мокш. *етамс ведень-толонь пачк*, эрз. *ютамс ведень-толонь пачк* «пройти через все»; мокш. *пелемс кальдяв сельмода*, эрз. *пелемс берянь сельмеде* «бояться дурного глаза»; мокш. *работамс фкя мяльса*, эрз. *роботамс ве мельсэ* «работать единовременно»;

б) словосочетания, где в роли главного или зависимого слова выступает аналитическая форма слов, то есть несвободное сочетание, а именно:

1) сложная форма будущего времени глагола: мокш. *карман сокама мода*, эрз. *карман сокамо мода* «буду пахать землю»; мокш. *карман мора-ма мора*, эрз. *карман морамо моро* «буду петь песню»; мокш. *карман яка-ма школав*, эрз. *карман якамо школав* «буду ходить в школу»;

2) сложная форма сравнительной и превосходной степени прилагательного: мокш. *наряжамс сяда цебярьста*, эрз. *оришамс седе парсте* «одеться лучше», мокш. *марявсь сяда салаване*, эрз. *марявсь седе састо* «доносилось все тише»;

3) сложная форма сравнительной степени качественных наречий: мокш. *лувомс сембода цебярьста*, эрз. *ловномс весемеде парсте* «читать лучше всех», мокш. *штамс сембода аруста*, эрз. *шлямс весемеде ванькстэ* «вымыть чище всех».

В современных мордовских языках, как и в других финно-угорских, простое словосочетание легко распространяется. В результате осложнения зависимого или главного компонента или одновременно обоих образуются синтаксически организованные и семантически целостные сочетания трех и более знаменательных слов, то есть – сложные словосочетания.

Сложное словосочетание представляет собой соединение двух или более простых словосочетаний с одним и тем же главным словом. Такое словосочетание образуется на основе разных связей, исходящих от одного слова: мокш. *кучемс серма сазорозенди*, эрз. *кучомс серма патяненъ* «послать письмо сестре моей»; мокш. *курокста модемс лавкав*, эрз. *куроксто модемс лавкав* «быстро идти в магазин».

К сложным относятся:

а) сочетания простого словосочетания с зависимым словом: мокш. *модемс вири кстыс*, эрз. *модемс вирьс кстыйс* «пойти в лес за ягодой»; мокш. *ардомс машинаса ошу*, эрз. *ардомс машинасо ошов* «ехать на машине в город»; мокш. *васьфтемс ялгазень мархта паксяса*, эрз. *вастомс ялганзо марто паксясо* «встретиться с другом в поле»; мокш. *пуютомс панчф кядьгос*, эрз. *пуютомс цеця кедьгес* «поставить цветок в вазу»; мокш. *тонгомс сюре салмоксс*, эрз. *тонгомс суре салмуксс* «вдеть нитку в иголку»; мокш. *шавомс эске стенав*, эрз. *чавомс эске стенав* «вбить гвоздь в стену».

б) сочетание одного (стержневого) слова с зависимым от него простым словосочетанием: мокш. *лувомс цебяръ книга*, эрз. *ловномс вадря книга* «прочитать интересную книгу»; мокш. *етамс така ки*, эрз. *ютамс така ки* «пройти тяжелую дорогу»; мокш. *паломс сенем толса*, эрз. *паломс сэнь толсо* «гореть синим пламенем».

В мордовских языках некоторые исследователи выделяют и еще один тип словосочетания – комбинированный [Лаврентьева, 1974, с. 47; Короткова, 1975, с. 47 и др.]. Это словосочетания, образующиеся на основе связей, исходящих от разных стержневых слов: мокш. *кельгома алязень*

цебярь ялгац, эрз. *вечкевикс тетянь вадря ялгазо* «хороший друг моего любимого отца». Зависимое слово в таком случае одновременно является стержневым словом какого-то простого (или сложного) словосочетания.

Некоторые словосочетания существуют лишь как комбинированные: мокш. *цебярь почеркса сермадомс* «хорошим почерком писать»; эрз. *алка сэрень ломань* «человек маленького роста»; эрз. *покиш превень ломань* «человек большого ума».

К комбинированным относятся:

а) соединения двух или более простых или сложных словосочетаний с разными стержневыми словами: мокш. *кели аськолксса модемс*, эрз. *ке-лей эськелькссэ модемс* «идти широким шагом»; мокш. *салаване лувомс цебярь книгать*, эрз. *салава ловномс вадря книганть* «украдкой прочитать хорошую книгу»;

б) соединения, где распространяется одно или все определяющие слова сложного словосочетания: мокш. *мьяль мархта каннемс панар* «с желанием носить рубашку» – *мьяль мархта каннемс иляназонь панар* «с желанием носить льняную рубашку» – *оцю мьяль мархта каннемс иляназонь панар* «с большим желанием носить льняную рубашку»; эрз. *мель марто викинемс панар* «с желанием вышить рубашку» – *мель марто викинемс лияназонь панар* «с желанием вышить льняную рубашку» – *покиш мель марто викинемс лияназонь панар* «с большим желанием вышить льняную рубашку».

Следовательно:

1) среди словосочетаний с точки зрения количественно структурной характеристики выделяются простые, сложные и комбинированные;

2) объем словосочетания определяется прежде всего с точки зрения минимального количества составляющих его компонентов: словосочетание состоит не меньше чем из двух полнозначных слов. Определение минимального объема важно прежде всего потому, что именно простое словосочетание лежит в основе словосочетаний сложной структуры; с другой стороны, это важно для отграничения словосочетания от предложения;

3) объем словосочетания, будучи обусловлен его грамматической природой, в то же время облегчает выяснение последней и входит в круг признаков, характерных для словосочетания как особой единицы;

Словосочетание имеет внутреннюю и внешнюю форму. Под внутренней формой следует понимать совокупность языковых средств, служащих для выражения синтаксических отношений между словами в составе словосочетания.

В этом случае большую роль играет форма зависимого компонента словосочетания, с помощью которого выражаются различия в синтаксических отношениях. Но форма зависимого компонента далеко не достаточна для выражения этих отношений: мокш. *книгань мишенди*, эрз. *книгань*

микши «торговец книгами» – субъектные отношения и мокш. *книгань мишендема*, эрз. *книгань микшинема* «продажа книг» – объектные отношения. Зависимая форма в обоих словосочетаниях стоит в родительном падеже, однако словосочетания выражают различные грамматические отношения.

Внешняя форма словосочетания в мордовских языках способствует определению синтаксической связи между словами в словосочетании.

Наличие грамматической связи между словами является обязательной во всякой связной речи. Однако способы выражения этих связей в различных языках могут быть неодинаковыми, их грамматические различия составляют особенности данного языка. Например, в мордовских языках грамматические отношения и связи слов в словосочетании могут выражаться формами зависимых слов, служебными словами, порядком слов.

Важным средством выражения синтаксических отношений и связи слов в словосочетании является форма слова: мокш. *аделамс тевть*, эрз. *прядомс тевенть* «закончить дело»; мокш. *ярхцамс кишда*, эрз. *ярсамс кишде* «есть хлеб».

При помощи послелогов передаются различные отношения и оттенки отношений: мокш. *ащемс кудть инголе*, эрз. *аштемс кудонтъ икеле* «стоять перед домом» – пространственные, мокш. *самс обедта меле*, эрз. *самс обедта мейле* «прийти после обеда» – временные и так далее.

Важным средством связи слов выступает порядок слов, который в словосочетании играет грамматическую роль: мокш. *ардома вишкста*, эрз. *ардома бойкасто* «ехать быстро»; мокш. *вишкста ардома*, эрз. *бойкасто ардома* «быстрая езда».

Существенным признаком самостоятельности единицы языка является специфичность ее функции. Понятие функции одно из центральных в современной лингвистике: «в конечном счете все в языке вращается вокруг функций и любая форма есть лишь средство реализации определенной функции, вне которой она не существует и практически просто не осознается [Распопов, 1968, с. 29]. Поэтому вопрос о функции словосочетания как знака является весьма актуальным.

Функцию словосочетания иногда отождествляют со значением. Несомненно, функциональное тесно связано с семантическим и не может рассматриваться в отрыве от него, поэтому функциональный анализ словосочетаний необходимо предполагает изучение их в семантическом аспекте.

Функцию словосочетания вслед за В. В. Виноградовым многие языковеды определяют как номинативную. В. В. Виноградов пытается дифференцировать в функциональном аспекте слово и словосочетание, аргументируя тем, что слово обозначает «отдельное понятие», а словосочетание служит обозначением «какого-нибудь единого, но расчлененного по-

нятия или представления», является «расчлененным обозначением одного понятия» [Виноградов, 1954, с. 54].

В. П. Сухотин определял функцию словосочетания как способность представлять «расчлененное наименование единого явления (раздвоение единого)», то есть автор не обращается к «понятию», прямо соотносит словосочетание с явлениями действительности.

Номинативную функцию, аналогичную функции слова, словосочетания приобретают при использовании их в роли названий книг, журналов, кинофильмов и так далее: мокш. «*Кедровай пияштть*», «*Хрусталень пайкт*», «*Сексень пизелхт*», эрз. «*Лажныця Сура*», «*Валдо ки*», «*Пионерэнь вайгель*» и т. д.

Т. А. Тулина о номинативном аспекте словосочетания говорит в том смысле, в каком в современной лингвистике говорится о номинативном аспекте предложения, имея в виду свойство предложения быть отражением события объективной действительности.

Решая вопрос о функции словосочетания с учетом его знаковой функции, Т. А. Тулина полагает, что словосочетания являются частичными знаками ситуации, несущими единичные порции информации о ней. Различия в функциональном отношении (номинативная специфика) между предложением (знак ситуации) и словосочетанием (минимум два элемента ситуации), между словосочетанием и словом (элемент ситуации) автор видит в степени полноты отражения ситуации» [Тулина, 1976, с. 17].

Таким образом, и в теории Т. А. Тулиной словосочетание предстает перед нами не как результат сочетаемости слов, а как результат членимости предложения, хотя исходные данные исследователя в определении словосочетания подразумевают именно результат сочетаемости слов.

Есть исследования, в которых наряду с номинативной функцией признается определенная коммуникативная функция словосочетания. В отличие от абсолютной или полной коммуникативности предложения коммуникативность словосочетания считается частной или относительной. Но частная коммуникативность – не основная функция словосочетания, тем более, что эту функцию словосочетание получает в речи – значит, эта функция не является языковой.

Думается, что будет правильнее определить специфическую функцию словосочетаний не путем членения предложения, а исходя из условий образования словосочетаний в процессе развертывания компонентов той или иной структурной схемы при построении высказывания, когда при описании ситуации в действие вовлекаются отдельные слова с их сочетаемостным потенциалом, реализуемым как в семантическом плане, так и в синтаксическом. Надо думать, что своеобразную функцию словосочетания надо видеть в том, что модель словосочетания реализует валентные свойства слова. Соединение слов в составе словосочетания происходит не

механически, а определяется внутренними законами языка. Главный из них – взаимодействие валентных свойств слов.

Н. Н. Прокопович валентность назвал способностью «слова сочетаться с грамматически зависимыми от него словами, то есть, способностью к семантическому, смысловому его распространению» [Прокопович, 1966, с.18].

Любое свободное словосочетание формируется в нашем понимании как структурное звено предложения, в котором частично (а иногда и полностью) реализуется одна из коммуникативно-грамматических функций предложения, призванного выражать, в числе других аспектов грамматической семантики, общую схему отношений между компонентами передаваемой ситуации. В простом словосочетании, которое по правилам построения является относительно автономным звеном предложения, передаются различные отношения между двумя компонентами, между действием и предметом – мокш. *сјвомс книга*, эрз. *саемс книга* «взять книгу»; мокш. *панжемс кенкишь*, эрз. *панжомс кенкишенть* «открыть дверь».

В соответствии с этой функцией свободных словосочетаний валентность отдельного слова в первую очередь определяется тем, каков диапазон тех смысловых отношений, которые данное слово может передавать в сочетании с другими словами по характеру своей лексической и грамматической семантики.

В механизме воздействия на валентные свойства слова между лексической и грамматической семантикой принципиальных различий нет. Различия затрагивают лишь степень широты и уровень конкретности – абстрактности такого воздействия.

Как отмечает Е. С. Скобликова, «грамматические и лексико-семантические факторы, формирующие валентные свойства слова, в главных чертах имеют семанческо-экстралингвистическую основу и, в конечном счете, связаны с отражением тех отношений, в которые может вступать или обязательно вступает соответствующий тип детонанта» [Скобликова, 1990, с. 4].

Роль грамматической или лексической семантики оказывается преобладающей в зависимости от того, по отношению к каким частям речи проявляется активная семантическая валентность слова.

Формирование подчинительного словосочетания как синтаксической единицы находится в границах валентных возможностей слова. Любое словосочетание формируется в порядке реализации одной из возможных валентных связей слова.

Грамматическое выражение этих связей осуществляется по-разному, но всегда оно в той или иной степени зависит от характера господствующего слова.

Существующие в языке грамматические модели словосочетаний

многостороннее отражают валентные свойства господствующих слов и обладают различной степенью грамматического обобщения.

Эта последняя зависит от грамматической природы подчиненного слова – наиболее «активного компонента словосочетания, поскольку именно в его форме получают выражение смысловые отношения между членами словосочетания» [Пешковский, 1956, с. 56; Гвоздев, 1969, с. 19; Мухин, 1969, с. 117].

«Каждая структурно-семантическая модель словосочетания предполагает набор конкретных господствующих слов, нормативно-фразеологические связи которых предопределяют употребление зависимого субстантива в той или иной форме» [Скобликова, 1990, с. 24].

Таким образом, «участие валентных свойств слова в формировании словосочетаний не исчерпывается их «ограничивающей» ролью. На уровне языка от этих свойств зависят различия в характере грамматических моделей – с одной стороны, моделей очень абстрактных, предельно широкого действия, таких, которые определяют правила построения словосочетаний для слов определенной части речи в целом; с другой стороны, наоборот, моделей узкого действия, таких, которые связаны только с определенными словами в составе одной и той же лексико-семантической группы» [Виноградов, 1954, с. 50].

Валентность – это внутреннее качество слова. Слово в силу своей многозначности обычно обладает не одной валентностью, а их набором, что объясняется наличием и взаимодействием определенных грамматических и лексических значений слова, а также некоторыми особенностями его морфологической структуры. Комплекс валентности слова является его постоянной характеристикой.

Например, в зависимости от того или иного значения полисемичный глагол *валомс* в речи используется в сочетании с различными морфологическими формами, имеющими определенное лексическое значение. Чтобы использовать слово *валомс* в значении «полить, облить, залить», при нем нужно употребить существительное со значением жидкости в форме местного падежа: мокш. *валомс черниласа книгать*, эрз. *валомс черниласа книганть* «залить (облить) чернилами книгу»; в значении «покрыть» данный глагол сочетается с существительным (в местном падеже), обозначающим название какого-либо металла: мокш. *валомс зърняса*, эрз. *валомс сырнесэ* «покрыть золотом, позолотить»; значение «отлить, вылить» выявляется в сочетании с существительными той же семантической группы в форме исходного падежа: мокш. *валомс кишниста*, эрз. *валомс кишнистэ* «отлить из железа».

В языкознании различают потенциальную валентность, которая свойственна единицам языка, и реализованную валентность, которая принадлежит сообщению (речи). Потенциальная валентность реализуется в

модели сочетаемости. Отсюда следует различать модель сочетаемости и модель словосочетания. Понятие модель сочетаемости значительно шире понятия модель словосочетания: сочетаемость – это нереализованная валентность. Модель словосочетания является реализацией одной из вероятных валентных связей двух самостоятельных слов.

Вопрос о полной или частичной реализации валентности слова связан с вопросом об объеме словосочетаний, о классификации их на простые и сложные.

Принято различать лексическую и синтаксическую валентность. Валентность слов, основанная на факте их логической совместимости в модели словосочетания, называется лексической валентностью. Сравните: мокш. *сокамс тракторса*, эрз. *сокамс тракторсо* «пахать трактором» и мокш. *сокамс салмоксса*, эрз. *сокамс салмукссо* «пахать иголкой» – последнее логически, а следовательно, лексически несовместимо.

Синтаксическая валентность базируется на основе способности частей речи соединяться с другими частями речи или определенными группами слов или словоформ. Так, например, в мордовских языках наречия свободно сочетаются с глаголами, но не образуют моделей с числительными, личными местоимениями.

Модель словосочетания реализует валентные свойства как главного, так и зависимого слова. Модель словосочетания – это сочетание синтаксической и лексической валентности слов, и в этом смысле надо говорить не только о сочетании форм, но и о сочетании смыслов. Следовательно, основная роль словосочетания – быть единицей синтаксической и лексической валентности и специфическая языковая функция словосочетания – валентная функция. Признание этой функции позволяет четко противопоставить словосочетание слову и предложению.

Глава 2

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

2.1 КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В построении словосочетаний, в образовании разных моделей ведущая роль принадлежит стержневому слову. Структура словосочетания обуславливается прежде всего принадлежностью главного слова к той или другой части речи, то есть к тому или другому лексико-грамматическому разряду. С грамматическим (категориальным) значением, выражаемым той или иной частью речи, неразрывно связан характер отношений и связей слов, возможность или невозможность, их ограниченность или неограниченность.

Глагольные словосочетания, наряду с именными, являются наиболее продуктивными, составляют основной структурный элемент почти всех предложений. При этом некоторые глаголы отличаются многозначностью.

Все части речи способны распространяться разными зависимыми словами, но не в одинаковой мере. «Особенно богато по своим конструктивным свойствам глагольное слово, – пишет Н. Н. Прокопович. – Это объясняется той большой ролью, которую играет глагол в грамматическом строе языка» [Прокопович, 1966, с. 143].

По сравнению с другими частями речи глагол в мордовских языках самая сложная грамматическая категория, характеризующаяся многообразием форм и грамматических категорий.

Глагол в образовании словосочетаний является одной из активных частей речи. С глаголом могут сочетаться все имена существительные, местоимения, числительные, инфинитив, наречия и деепричастия. Самый распространенный тип простых глагольных словосочетаний представляет собой сочетания с зависимым существительным. Словосочетания этого типа могут выражать самые разнообразные отношения, гораздо многообразнее, чем глагольные словосочетания других типов, то есть с зависимым прилагательным (при субстантивации), числительным, местоимением (чаще), инфинитивом, наречием или деепричастием.

В зависимости от лексико-грамматической принадлежности ведущего компонента словосочетания к определенной части речи различают, как известно, словосочетания именные, глагольные и адвербиальные. Такой принцип классификации словосочетаний на основе соотнесенности их с частями речи ученые называли морфолого-синтаксическим, который дает возможность наиболее полно регистрировать словосочетания по формаль-

ным признакам, то есть на первый план выдвигается форма господствующего слова. Затем эти же словосочетания в зависимости от того, какой частью речи выражено зависимое слово, делятся на подгруппы.

Предметом изучения в нашей работе является глагольное словосочетание. Это такая синтаксическая единица, которая состоит из двух и более организованных по правилам данного языка слов и в которой главным компонентом, организующим центром выступает глагол со своими лексико-грамматическими свойствами. Большая часть глаголов по своей лексико-грамматической природе обозначает действие. Сами действия в конкретном их проявлении могут быть различными. В качестве управляющего компонента могут употребляться все глаголы.

В сочетаемости слов в глагольных словосочетаниях исключительно большое значение придается глаголу, его вещественному значению. У большинства глаголов способность сформировать словосочетания зависит от лексических и грамматических свойств.

В глагольных словосочетаниях главным словом выступает глагол, а в качестве зависимых – самые разные части речи. В зависимости от этого в мордовских языках различаются:

1) глагольные словосочетания с зависимым именем существительным (без послелого и с послелогом): мокш. *Лена эрясь мокшень велеса* [Девин, 1982, с. 24] «Лена жила в мокшанском селе»; *Аня урядазень шяярэнзон* [Девин, 1969, с. 48] «Аня убрала волосы»; *Захарыч ашкодсь цигарка, кървястезе* [Там же, с. 27] «Захарыч закрутил сигарку, зажег»; *Шабатне кептерьснон мархта тусть Ягорнять мельге* [Тяпаев, 1979, с.63] «Ребята со своими корзинами пошли за Егоркой»; *Пандть эшксса шись аф сатомшка эждсь* [Левчаев, 1959, с. 35] «Под горой солнце грело не так сильно»;

Тон максоть лямбе, максоть валда,

Тон кандоть паваз, няфтить китъ [Кинякин, 1973, с. 32]

«Ты дал тепло, дал свет,

Ты принес счастье, показал дорогу».

Эрз. – *Вана сараске тенк кандынек, шабра, – мерсь Наста* [Коломасов, 1989, с. 32] «Вот курочку вам принесли, сосед, – сказала Настя»; *Алешка а весть пракшнось, пацькавьс рудазсо, кемензэ стакалгодсть, а кандовитькак* [Виард, 1961, с. 48] «Алешка не раз падал, испачкался грязью, сапоги его отяжелели, и не донесешь»; *Тимофеев боецэнзэ марто сыргась танкатнень мельга* [Прохоров, 1980, с. 60] «Тимофеев с своими бойцами пошел за танками»; *Верясов саузе книганть ды Любань лангс апак варишта сыргась кенкишенть енов* [Брыжинский, 1987, с. 42] «Верясов взял книгу и, не взглянув на Любу, пошел в сторону двери».

2) глагольные словосочетания с зависимым местоимением (без послелого и с послелогом): мокш. *Сяда меле Пята прважазень синь эсь ша-чема велезонза* [Девин, 1982, с. 37] «После того Петр проводил их в свое

родное село»; *Кода тонць ванат тянь лангс?* [Там же, с. 69] «Как ты сам смотришь на это?»; *Максомаль сермась шабатненди сят и кандолезь тейнза* [Девин, 1969, с. 37] «Отдал бы письмо детям, они и занесли бы ей»; *Тихон и Маря павазуста ванондсть фкя-фкянь лангс* [Кирдяшкин, 1989, с. 70] «Тихон и Мария счастливо смотрели друг на друга».

Мезе минь мархтонк кельгомась тиенди!

Мазоми майста эрь од стирнясь [Орлова, 2005, с. 42]

«Что с нами делает любовь!

В мае расцветает каждая девушка».

Оржа налса монь пацянень сялгить,

Токаф васттне лийкстамс тейне шорясть [Циликин, 1996, с. 62].

«Острой стрелой мои крылья поранил,

Пораненные крылья мне мешают подняться».

Эрз. *Наста тень весе уш икеле арсизе* [Коломасов, 1989, с. 147] «Настя все это уже заранее обдумала»; *А бабась ансяк штердиль, секеньсэ сын и эрильть* [Сятко, 1998, 3, с. 47] «А старуха только пряла, этим они и жили»; *Тон кинь марто сыть? – Ялгам марто* [Виард, 1958, с. 57] «Ты с кем пришел? – С товарищем»; *Тедесон вестькак эзь корта Марянянь, вестькак эзизе лецтне тензе те меленть – кирдсь эсь потсо* [Абрамов, 1957, с. 38] «Об этом он ни разу не говорил Марье, ни разу не напоминал ей – держал в себе».

3) глагольные словосочетания с зависимым числительным: мокш. *Нилеть эзда сявомс фкя – иляды колма* [Мокша, 1998, 3, с. 69] «От четырех отнять один будет три»; *Частонь стрелкатне пачкотькинешть ань-цек сисемти, а пионеронь лагерьса эрелакинешь ни эряфсь* [Кузнецов, 1979, с. 42] «Стрелки часов показывали только семь, а в пионерском лагере уже все кипело»; *Сембе велеть явозь кемонень – кемонень* [Кирдяшкин, 1989, с. 84] «Все село разделили по десять»; эрз. *Нилесь явови кавтов* [Сятко, 1998, 3, с. 47] «Четыре делится на два»; *Ниленть эйстэ саемс вейке кадови колмо* [Там же, 4, с. 58] «От четырех отнять один будет три»;

4) глагольные словосочетания с зависимым инфинитивом: мокш. *Эряви мезе – мезе заказамс ярхцамс, – мярьгсь Аверяскин секретаренцты* [Девин, 1969, с. 216] «Надо что –нибудь заказать поесть, – сказал Аверяскин своему секретарю»; *Аня ученды Грушань и Верань эса, сят исяк надияфтсть тейнза лездомс кудонь урядамста* [Там же, с. 112] «Аня ждет Грушу и Веру, они вчера обещали ей помочь в уборке дома».

Лиихть каркне ичкозденъ страна,

Эрямс вешендихть од васта [Циликин, 1996, с. 35]

«Летят птицы в далекие страны,

Ищут для жизни новое место».

Эрз. *Сонензе чиёмс кадовсь еше сядошка метра* [Абрамов, 1964, с. 213] «Ему осталось бежать еще метров сто»; *Уроконтъ ушодомс Степа*

кенерсь невтёмс рисунканть весе тонавтницятненень [Абрамов, 1957, с.113] «До начала урока Степа успел показать рисунок всем свои ученикам»; *Горький терди валонь художниктненень тейнемс произведеният, конат эрявить народонтень* [Сятко, 1998, 5, с. 59] «Горький призывает художников слова создавать произведения, нужные народу»;

5) глагольные словосочетания с зависимым наречием: мокш. *Асько-лясь Аня саворня, пильгонь путозня, этай пингсь да пара* [Девин, 1969, с. 37] «Шла Аня медленно, переставляя ноги, пройдет время да хорошо»; *Микита шураста уленди ошса* [Девин, 1982, с. 58] «Микита редко бывает в городе».

Кунара сембе лопатне тюжалгодсть,

Мон пизелксть ала кочксян якстерь ожнат [Алешина, 1996, с. 37]

«Давно уж листья пожелтели,

Я под калиной красные бусинки собираю».

Эрз. *Те кизэстэнтъ сюрось чачсь вадрясто* [Абрамов, 1957, с. 214] «В это лето хлеб уродился хорошо»; *Чувтось сурдов-сярдов, тарадонза срадсть келейстэ* [Там же, с. 47] «Дерево сучковатое, ветви его раскинулись широко»; *Тонавтнема иесь ютась парсте* [Радин, 1958, с. 36] «Учебный год прошел хорошо»; *Леесь валдосто цильдерды лембестэ эждиця чинть каршо* [Там же, с. 42] «Речка ярко сверкает под изливающим теплым солнцем»; *Прась Сурань томбале Каргонь кись, састо тусь эзганзо маней чись* [Эркай, 1991, с. 58] «За Суру спустился Млечный путь, тихо по нему плыло солнце»;

б) глагольные словосочетания с зависимым деепричастием: мокш. *Вера панжезе кенкишь, а сонць ащесь фкя вастса, учезь ванць Анять сельмос* [Девин, 1969, с. 46] «Вера открыла дверь, а сама смотрела в ожидании в Анины глаза стоя на одном месте»; *Пивкин ащезе сода, мезе от-вечамс, ванць атять лангс ужяльдезь* [Там же, с. 83] «Пивкин не знал, что ответить, смотрел на дедушку с сожалением»;

Хоть лов, хоть пизем менельсь кучи,

Мон молян пеедезь, кепотьф мяштть [Самошкин, 1975, с. 52]

«Хоть снег, хоть дождь пошлет нам небо,

Я пойду смеясь, с открытой грудью».

Эрз. *Ванька кенярдозь эскелясь аванзо вакссо* [Коломасов, 1989, с. 94] «Ванька радостно шагал возле матери»; *Капишазь ютась кие-бути вальманть алга* [Чесноков, 1974, с. 117] «Кто-то торопливо прошел под окном»; *Толкан леесь, тей-тов пуворязь чудесь веленть кувалт* [Сятко, 1989, 6, с. 58] «Река Толкан, туда-сюда извиваясь, текла вдоль села»;

7) глагольные словосочетания с зависимым послелогом (с лично-притяжательным суффиксом): мокш. *Каравин тя минутаня марязе прянци станя, бьта эряфонц шарфтозе алубрят и ванць лангозонза лия ширде* [Пинясов, 1985, с. 94] «Каравин в эту минуту почувствовал себя так, как-

будто свою жизнь перевернул с ног на голову и смотрел на него с другой стороны»; *Саша ерась тумс ошу, но ульсь няк лама тевдонза: молямаль директорти, корхтамаль мархтонза* [Мокша, 1999, 6, с. 53] «Саша хотел уехать в город, но у него очень много дел: сходить к председателю, поговорить с ним»; *А мес, прокурор ялгась, корхтат колганза и ванат ширезон ширем сельмоса* [Пинясов, 1985, с. 82] «А почему, товарищ прокурор, говорите о нем и смотрите в мою сторону косыми глазами»; *Оля баба ладязе кяденц конязонза и ваны лангозон* [Мокша, 1999, 6, с. 59] «Бабушка Ольга положила ладонь на лоб и смотрит на меня»; эрз. *Машинась ютась ваксканзо пижнема марто* [Сятко, 1999, 3, с. 72] «Машина проехала мимо него с шумом»; *Ансяк церась мольсь малазонзо, кармась вечкемань валт евтнеме* [Абрамов, 1957, с. 240] «Как только парень подошел к ней, стал признаваться в любви»; *Кепедьса пильгем ды мезе вийть икелензэ кирнявтсо* [Коломасов, 1989, с. 70] «Подниму ногу и сколько есть силы перед ним прыгну»; *Икелензэ аштесть колмо церат, кенишкаяк а кельгитъ* [Сятко, 1999, 3, с. 74] «Перед ним стояли три парня, в дверь не умещаются».

В данной группе словосочетаний происходит переход из одного формального класса в другой, то есть переход послелогов (служебных слов) в местоимения. Это явление принято называть прономинализацией. В мордовских языках получил распространение такой способ словообразования, как безаффиксный (или семантический), который производит новые слова путем лексико-грамматического переосмысления имеющихся в языке лексических единиц без материальных изменений.

2.2 ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

В глагольных словосочетаниях в зависимости от лексических и грамматических свойств составляющих их компонентов могут выражаться разные синтаксические отношения. Словосочетания, выражающие те или другие отношения, отличаются друг от друга и по значению, и по характеру связи между сочетающимися компонентами:

1) мокш. *морамс мора*, эрз. *морамс моро* «петь песню»; мокш. *вельхтявсь ловса*, эрз. *вельтявсь ловсо* «покрылся снегом»; мокш. *рамамс книга*, эрз. *рамамс книга* «купить книгу»;

2) мокш. *работамс школаса*, эрз. *важодемс школасо* «работать в школе»; мокш. *саян тялонда*, эрз. *самс тельня* «приеду зимой»; мокш. *етамс кить кувалма*, эрз. *ютамс кинть кувалт* «идти вдоль дороги».

В первом случае мы имеем дело с объектными отношениями, а во втором – обстоятельственными. В данных словосочетаниях различные от-

ношения между компонентами обнаруживаются формами зависимых слов. Выражаемые отношения определяются не только формами, но и вещественными признаками компонентов.

Словосочетания с объектными отношениями выражают большое количество разнообразных значений и представляют собой особую группу синтаксических явлений, обладающую специфическими структурными и лексико-семантическими показателями, взаимообусловленными в системе этих отношений.

Следует подчеркнуть, что само понятие *объекта и объектных отношений* и в относительно недавнее время привлекало внимание ряда исследователей [Золотова, Симулик и др.].

Нами вопрос об объекте и объектных отношениях ставится в плане изучения большой группы конструкций глагольного типа, обобщающих целый комплекс структурно-семантических образований, с целью определить, какое многообразие явлений скрывается под чрезвычайно общим названием «*объектные отношения*», каковы лексические и грамматические показатели этих отношений.

2.2.1 ГЛАГОЛНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Объектные отношения в глагольных словосочетаниях представляют собой многообразный по содержанию и форме круг синтаксических отношений. Среди глагольных конструкций они играют роль определяющую, так как словосочетания с иными значениями входят в диапазон их распространения.

Рассмотрим классификацию глагольных словосочетаний, выражающих объектные отношения, по принадлежности управляющих глаголов к определенной лексико-семантической группе:

1) словосочетания, главное слово которых называет конкретное физическое действие: мокш. *кандомс книга*, эрз. *кандомс книга* «принести книгу»; мокш. *тонадомс мора*, эрз. *тонадомс моро* «выучить песню»; мокш. *рамамс алаша*, эрз. *рамамс лишме* «купить лошадь»; мокш. *салыяфтомс куяр*, эрз. *салыявтомс куяр* «посолить огурец»; мокш. *ускомс нурдонять*, эрз. *ускомс саласкетъ* «тащить салазки»;

2) словосочетания, главное слово которых называет восприятие, говорение, внутреннее состояние, чувствование: мокш. *марямс мора*, эрз. *марямс моро* «слышать песню»; мокш. *пелемс вѣръгазда*, эрз. *пелемс вѣръгиздэ* «бояться волков»; мокш. *сафтомс кяж*, эрз. *савтомс кеж* «вызвать гнев»; мокш. *арьсемс наваз*, эрз. *арсемс уцяска* «пожелать счастья»;

3) словосочетания, выражающие объектно-пространственные отно-

шения, главное слово в них – переходный глагол со значением движения, зависимое слово – имя существительное с предметно-пространственным значением: мокш. *етамс паксять*, эрз. *ютамс паксянтъ* «перейти поле»; мокш. *ласькомс кить*, эрз. *чиемс кинтъ* «пробежать дорогу»; мокш. *корх-тамс ломантъ колга*, эрз. *кортамс ломанентъ эйстэ* «говорить о человеке»; мокш. *ваномс шить лангс*, эрз. *ваномс чинтъ лангс* «смотреть на солнце».

Объектная модель весьма разнообразна по характеру выражаемых ею отношений: кроме основного отношения физического воздействия и воздействия на предмет, она подразумевает отношения типа воздействия для перемещения предметов в пространстве и отношений психического порядка. Одним словом, объект, то есть предмет или лицо, подвержен физическому или психическому влиянию, действию со стороны.

Физическое или психическое воздействие имеет своей постоянной функцией направленность на объект: мокш. *Война пингтъ ломаттне пнярдсть пец аш мзяра сельмоведеь* [Мокша, 1999, 5, с. 72] «Во время войны люди пролили много слез»; *Председательсь васьфтезе Анянь кельмоста* [Девин, 1969, с. 63] «Председатель встретил Аню холодно»; *Сашок анась алянц кядьста ярмак* [Мокша, 1989, 5, с. 79] «Саша попросил у отца деньги»; *Владимир Федорович юксозенъ пальта пунянзон, валхтозе иляпанц* [Кузнецов, 1979, с. 142] «Владимир Федорович расстегнул пуговицы на пальто, снял шляпу»; эрз. *Колхозонтъ улишь понанзо, снартнетяно чавовтомс ды кевердемс кемтъ* [Абрамов, 1957, с. 68] «У колхоза есть шерсть, попытаемся расчесать и свалять валенки»; *Пурнызь паксятнестэ сюронтъ, кадовсь ансяк модамаресь* [Сятко, 2010, 5, с. 48] «Убрали с поля хлеб, остался только картофель»; *Машинась кузизе пандочаминентъ ды совась куринкас, кекшевсь сельме икельде* [Там же, 5, с. 69] «Машина преодолела подъем и, достигнув улицы, скрылась с глаз».

Что же обозначает понятие «объектные отношения»? Как отмечает Е. Н. Смольянинова, понятие «объект» давно стало всеобъемлющим [Смольянинова, 1963, с. 66]. Кроме объекта прямого, имеются объекты косвенные, выражаемые формами косвенных падежей. Объектные отношения – это отношения, которые складываются между компонентами словосочетания, при которых зависимый член в формах косвенных падежей обозначает объект, на который направлено действие глагола или в интересах которого он совершается: мокш. *сокамс мода*, эрз. *сокамс мода* «пахать землю»; мокш. *кодамс варягат*, эрз. *кодамс варьгат* «связать варежки»; мокш. *кундамс нумол*, эрз. *кундамс нумоло* «поймать зайца»; мокш. *ярхцамс марьда*, эрз. *ярсамс умарьде* «кушать яблоко»; мокш. *симомс ведьта*, эрз. *симемс ведтэ* «попить воды»; мокш. *илядомс ялгада*, эрз. *кадовомс ялгадо* «отстать от товарищей»; мокш. *урядамс содта*, эрз. *урядамс содто* «чистить от сажи».

Ф. И. Буслаев определяет объект как «другой предмет, не субъект»: «Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже. Он подчеркивает, что объектом является предмет «подлежащий действию» [Буслаев, 1959, с. 96].

Определение объектных отношений как таковых впервые мы встречаем у А. А. Шахматова: «процесс мышления соединил в одно сложное представление, сблизив их между собой, два по существу своему друг от друга независимых представления. Здесь возникают объектные отношения, которые по своему существу являются отношениями между двумя субстанциями, из которых одна становится объектом при субъекте» [Шахматов, 1941, с. 73].

Употребительность и разнообразие беспредложных и предложных глагольных словосочетаний объясняется прежде всего наличием в их составе глагола-сказуемого, который выступает в этих словосочетаниях как «стержневое», грамматическое слово, то есть грамматически господствующее слово как определяющий компонент.

В глагольных словосочетаниях с объектными отношениями главное, стержневое слово (глагол) выражает действие, а зависимое – объект, на который направлено это действие. При этом образуются словосочетания с прямым объектом и косвенным. Словосочетания, образуемые переходными глаголами различной семантики с прямым объектом, составляют наиболее употребительный тип и представляют многочисленную группу. Как мы уже отметили, в мордовских языках основным фактором, определяющим сочетаемость слов в модели, является переходность и тесно сочетающееся с ним вещественное значение глагола. Ею определяется синтаксическая связь глагола с объектом: мокш. *вадемс пача*, эрз. *вадемс пачалксе* «намазать блин»; мокш. *нолдамс шудерькс*, эрз. *нолдамс чудерькс* «пустить ручей». И мокш. *тонадомс ломаненди*, эрз. *тонадомс ломаннень* «привыкнуть к человеку»; мокш. *обжавомс валти*, эрз. *покордавомс валонтень* «обидеться на слово».

Прямой объект выражают:

1) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме номинатива основного склонения: мокш. *Исатнень прява зарясь повфни кумацекс якстерь киленят* [Малькин, 2003, с. 48] «Красные ленты заря развесила на ветлы»; *Тон максоть тейнек оцю паваз* [Мокша, 2011, с. 67] «Ты дал нам большое счастье»; *Гавря озась скомнать лангс, а азорсь сувась куду, лихтсь панар да штанат* [Тяпаев, 1979, с. 63] «Гавря сел на скамейку, а хозяин зашел домой, вынес рубашку и штаны»; *Аня кандсь эшиста ведарка кельме ведь* [Девин, 1969, с. 82] «Аня принесла с колодца ведро холодной воды»; эрз. *Неи уш паксясто вармась канды тикшень ды васень цецянь чине* [Абрамов, 1957, с. 161] «Теперь уж с поля ветер при-

носит запах травы и первых цветов»; *Марят* ансяк атякшонь *морамо* ды *школанть* вакссо, *переменань* *шкасто*, *эйкакшонь* *шалнома* [Лукьянов, 1955, с. 52] «Слышишь только пение петухов и около школы, во время перемены, крик детей»; *Мон* молян нормам *топавтса*, *монень* *эрявсть* *течи* *ускомс* *кеменьшка* *улав* *навозт* [Эркай, 1991, с. 53] «Я пойду выполню свою норму, мне надо сегодня привезти десять возов навоза»;

2) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме генитива основного склонения: мокш. *Школаста няине* *Валянь* [Мокша, 2011, 4, с. 68] «В школе я видела Валью»; *Карпа атя* *сявозе* *Митреень* *кядьта*, *и тусть* *синь* *видеста* *лац* *вельхтяф* *кудти* [Мокшони, 1990, с. 58] «Дед Карп взял Митрия за руку, и пошли они к хорошо покрытому дому»; *Крыленця* *лангста* *Ваня* *няезе* *Настянь* [Пинясов, 1985, с. 72] «На крыльце Ваня увидел Настю»;

3) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме аблатива основного склонения: мокш. *Васькарьась* *траксонц* *илять* *симдезе* *ведьта*, *андозе* *тишеда* [Левчаев, 1983, с. 62] «Жена Василия вечером напоила свою корову водой, покормила сеном»; *Сиренек-однек* *каваняйхть* *эсонк* *виноградта* [Радин, 1983, с. 42] «И стар, и млад угощают нас виноградом»; мокш. *Ефим* *коршась* *лямда*, *изезень* *аерфне* *сельмонзон* *шра* *лангста*, *порембачк* *ерясь* *тифтенъ-кафтонъ* *валня* [Девин, 1982, с. 69] «Ефим ел щи, не поднимал глаза от стола, жуя, бросал одно-два словечка»; *Жувататнень* *симнезь* *ляйста* *усксев* *ведьта* [Бебан, 1962, с. 39] «Скотину поили водой, привезенной с реки»; эрз. *Анды* *Эрьмезень* *бабась* *салмадо*, *симди* *эйсэнзэ* *исень* *позадо* [Кадоркин, 1979, с. 73] «Кормит бабка Эрьмезя галушками, поит его своим квасом»; Мейле сась Коля кудов, *симсь* *ловсодо* ды *мадсь* [Сятко, 2011, 3, с. 58] «После Коля пришел домой попил молока и лег спать»; *Татю* *пельсь* *мельде*, *пельсь* *апаро* *кулядо* [Раптанов, 1933, с. 57] «Таня боялась осуждения, боялась плохих слухов»;

4) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме номинатива указательного склонения: мокш. *Финцне* *эняльдсть*, *омбонцне* *вешть*, *колмонцне* – *гразясть*, *къда* *ламос* *ашезь* *макссев* *тейст* *эрявикс* *номерсь* [Пинясов, 1985, с. 57] «Одни просили, другие умоляли, третьи – грозились, если долго не соединял их с нужным номером»; *Тячи* *мон* *сизень* *а* *нинге* *потяма* *тракссь* [Кирдяшкин, 1989, с. 59] «Сегодня я устала, а еще надо подоить корову»; *Шобдава* *стяма* *рананя* *и* *панема* *киишь* [Пинясов, 1980, с. 69] «Утром встать надо пораньше и испечь хлеб»; эрз. *Валске* *эряви* *стямс* *скал* *мейле* ды *пидемс* *саразось* [Коломасов, 1989, с. 51] «Завтра надо встать после коров и сварить курицу»;

5) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме генитива указательного склонения: мокш. *Аннась* *кильдезе* *алашать* *и* *улавти* *маразень* *серода* *пяшксе* *кяскафнень* [Левчаев, 1983, с. 63] «Аня запрягла

лошадь и погрузила на телегу мешки, полные зерном»; *Ломаттне анокт араламс мирть, перямс войнать кинц* [Девятаев, 2000, с. 53] «Люди готовы защитить мир, преградить дорогу войне»; *Ванды тязя марнек республикаста сайхть зоотехникне ваном, кода касфтсазь вазнятнень* [Радин, 1983, с. 60] «Завтра сюда приедут все зоотехники республики посмотреть, как выращивают телят»; *Елена утызе калень тараткянь, синдсь эздонза пакшкя, ушедсь яфиема шаманц инголе, панезень сяськнень* [Мокша, 2011, 4, с. 63] «Елена дотянулась до ивовой веточки, сломала, начала размахивать перед лицом, прогоняла комаров»; эрз. *Сундерьксэнь чоподась аламось-аламось копачизэ леенть томбале виренть тустосэнь сувсо* [Абрамов, 1957, с. 70] «Сумерки постепенно укрыли лес за рекой темно-синим туманом»; *Вагононт чаротне кенярдозь ловность ваигяльбетнень* [Коломасов, 1989, с. 63] «Колеса вагонов радостно считали километры»; *Авась одс сюлмизе шаленть, нежесдсь крыленцянтнень* [Абрамов, 1957, с. 83] «Женщина по-новому завязала шаль, подошла к крыльцу»; *Лиза тага комась скалонт алов, салава варишась вить кавалаксканзо ды цють эзизе вало ведранть* [Щеглов, 1960, с. 42] «Лиза снова нагнулась под корову, потихоньку посмотрела через правую подмышку и чуть не опрокинула ведро»;

6) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме генитива притяжательного склонения: мокш. *Степан Иванович люпштазе церац кядениц* [Малькин, 2003, с. 72] «Степан Иванович пожал руку сына»; *Шабатне кельме ведьса оргалдозь шаваняснон и куцюснон* [Пинясов, 1985, с. 73] «Дети в холодной воде ополоснули тарелки и ложки»; *Стирнясь и церанясь озафтольхть ряцок табуретка лангс и ванондсть, кода толгяльхне нолсесазь цюгуннять боконзон* [Пинясов, 1980, с. 73] «Мальчик и девочка сидели рядом на табуретке и смотрели, как языки пламени облизывали бока чугунка»; *Церанясь ашезе сода, мезе отвечамс, начка сурса ангорязе шовонениц* [Там же, с. 26] «Мальчик не знал, что ответить, мокрым пальцем чесал затылок»; эрз. *Максим ютась пирев тей-терензэ серьгедеме* [Сятко, 2010, 4, с. 69] «Максим прошел в огород позвать свою дочь»;

7) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме аблатива притяжательного склонения: мокш. *ярхцамс марьдонза*, эрз. *ярсамс умарьдензэ* «есть его яблоки»; мокш. *Мзяра жуватада тялонда муворшидонза урадсь* [Пинясов, 1985, с. 68] «Сколько скотины зимой по его вине пало»; эрз. *Авам пидесь Миша пангтонзо тантей ям* [Сятко, 2011, 6, с. 58] «Мать сварила вкусный суп из Мишиных грибов»;

8) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме генитива всех трех склонений с послесловом: мокш. *эса*, эрз. *эйсэ* «в, во, на»: мокш. *Корхнян-леснян ялгазень эса, а сон аф верондай* [Пинясов, 1966, с. 73] «Уговариваю я своего друга, а он не верит»; *Тянемс быта сельмин-*

голенет качам-тол потмос ваяф Минскясь, Могилевсь, кона **ошнень эса аралань** [Девятаев, 2000, с. 47] «И сейчас перед глазами стоят в дыму Минск, Могилев, которые города я защищал»; *Михаил Иванович марясы – рямишт, рямишт кие-бди **пори** марлю **судть эса*** [Сайгин, 1988, с. 59] «Михаил Иванович слышит – кто-то грызет кору яблони»; *Сярядись **кулхцонды тундань вайгяльхнень эса*** [Кудашкин, 1996, с. 49] «Больной слушает весенние голоса»; эрз. *Якшам седеяк виемсь, **нолсезь нолси ловажан эйсэ*** [Чесноков, 1974, с. 83] «Мороз усилился, пронизывает кости мои насквозь».

Косвенный объект выражают:

1) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме датива основного и указательного склонений: мокш. *сермадомс сазоронди*, эрз. *сермадомс патянень* «писать старшей сестре»; мокш. *кенярдемс сермати*, эрз. *кенярдомс сермантень* «порадоваться письму»; мокш. *Мон няк **лажадонь ялганенди*** [Мокша, 2011, 5, с. 63] «Я очень соскучился по друзьям»: *Пурейкин ашезь кирде, **шарфтсь Веряскинонди*** [Бебан, 1962, с. 60] «Пурейкин не выдержал, повернулся к Веряскину»; *Васильев **няфтсь инжихненди** вастт и вятезе уроконц сяда тов* [Макулов, 1960, с. 53] «Васильев показал гостям места и продолжил урок дальше»; *Ингольдень кизотнень Алда **лядихненди каннесь** газетат, велеста кулят* [Пинясов, 1985, с. 28] «В предыдущие годы Евдокия косарям приносила газеты, новости из деревни»; эрз. *Совась Ага сазорозо, ды сон **радовась эсь ломанентень*** [Абрамов, 1962, с. 60] «Зашла сестра Ага, и он обрадовался своему человеку»; *Ней жо минек икеле тынк марто задачас вейке – седе вадрясто **анокстамс тундонь видемантень*** [Коломасов, 1989, с. 79] «Теперь же перед нами одна задача – лучше подготовиться к весеннему севу»; *Молевлить клубов, тоса, паряк, невтить кино – **пишкадсь Петр Игнатьевич нуцькантень*** [Абрамов, 1980, с. 269] «Пошел бы в клуб, там, может быть, покажут кино, – заговорил Петр Игнатьевич с внуком»;

2) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме элатива основного склонения: мокш. *тиемс шуфтста*, эрз. *теемс чувтосто* «сделать из дерева»; мокш. *стамс котфста*, эрз. *стамс котсто* «сшить из холста»; мокш. *валомс сияста*, эрз. *валомс сиясто* «вылить из серебра»; мокш. *шовамс кевста*, эрз. *човамс кевстэ* «точить из камня»; мокш. *Тяк юксне: сразу мяньдсак – сялись синдеви, а саворня – **поюста шары тият*** [Ларионов, 1989, с. 72] «Не забывай: сразу согнешь – вяз сломается, а потихонечку – из осины колесо сделаешь»; эрз. *Вирь кунчкасо **яван ялгаство*** [Сятко, 2011, 6, с. 58] «Посреди леса отделяюсь от друзей, от товарищей».

3) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме латива основного склонения: мокш. *токавомс кевс*, эрз. *томбавомс кевс* «ушибиться о камень»; мокш. *сотомс пиксс*, эрз. *сюлмамс пиксэс* «привя-

зять за веревку»; мокш. *кундамс тевс*, эрз. *кундамс тевс* «взяться за дело»; мокш. *содамс сермас*, эрз. *содамс сермас* «знать грамоту», мокш. *Ашель, штоба сембе велесь вдруг кепедель тяфтама тевс* [Девин, 1969, с. 92] «Не было, чтобы все село вдруг поднялось на такое дело»; эрз. *Чизэяк лиси – мазый кальс токи, ковозояк валги – каль тарадс токи* [Сятко, 2011, 5, с. 63] «И солнце восходит – красивую иву озаряет, и луна заходит – ивовые веточки озаряет»;

4) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме транслатива основного склонения: мокш. *сявомс рьвакс*, эрз. *саемс никс* «взять в жены»; мокш. *кочкамс председателъкс*, эрз. *кочкамс председателъкс* «выбрать председателем»; мокш. *тиемс ломанъкс*, эрз. *теемс ломанекс* «сделать человеком»: мокш. *Эряфса сидеста токатъкини станя, мзярда ломаттне фкя-фкянь мушендыхть и тиендихть ялгакс седис-ваймос коря* [Бебан, 1962, с. 38] «В жизни часто так бывает, когда люди друг друга находят и становятся друзьями душа в душу»; *Юбилеец арась оцюдонга оцю праздникокс* [Мокша, 2011, 6, с. 69] «Его юбилей стал пребольшим праздником»; *Якстерь пачкалгокс вирть эшксста кеподсь ишсь* [Бебан, 1962, с. 60] «Красной сковородкой над лесом поднялось солнце»; эрз. *Стака розь зернась цярахманокс невери прязонзо, ацави алов ашо итакс* [Абрамов, 1980, с. 73] «Тяжелое ржаное зерно градом сыплется на его голову, стелется под его ноги белым воском»; *Чирева касыця пеиште чувтнэ неявить тензэ раужо ломанекс* [Там же, с. 58] «По краям растущие орешники кажутся ему черными людьми»;

5) словосочетания с переходными глаголами и именем в форме абессива основного склонения: мокш. *шарьхкодемс валфтома*, эрз. *чарькодемс валтомо* «понять без слов»; мокш. *самс книгафтома*, эрз. *самс книгавтомо* «прийти без книг»; мокш. *иялдомс ялгафтома*, эрз. *кадовомс ялгавтомо* «остаться без друзей»; мокш. *ащемс тевфтома*, эрз. *аштемс тевтеме* «сидеть без дела»: мокш. *Тяда пеле, почфтома пачат аф пиде-вихть, – мярьгсь бабанысь* [Ларионов, 1989, с. 25] «Не бойтесь, без муки блины не испечь, – сказала бабушка»; *Стака, пяк така эрямс аляфтома* [Пинясов, 1983, с. 63] «Трудно, очень трудно жить без отца»; эрз. *Кадык изнямонь киява тьякан нужавтомо молить* [Кириллов, 1958, с. 63] «Пусть дети мои идут дорогой побед без нужды»; *Несынк, вете ломанть аштитъ тевтеме, – корты Вирысов* [Лукиянов, 1958, с. 38] «Видите, пять человек сидят без дела», – говорит Вирысов»; *Тетявтомо эри Анка аванзо марто* [Эркай, 1991, с. 53] «Без отца живет Анка с матерью».

В мордовских языках глагольные словосочетания с прямым объектом встречаются наиболее часто. Как мы увидели из рассмотренных примеров, словосочетания с именами существительными в форме номинатива и генитива, выражающие прямой объект, самые распространенные.

2.2.2 ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Глагольные словосочетания с обстоятельственными отношениями в мордовских языках имеют самые разные значения.

Выразителем конкретного обстоятельственного значения в глагольных словосочетаниях выступает зависимый от глагола член. В зависимости от семантики подчиненного слова глагольные словосочетания выражают различные обстоятельственные отношения. По этому признаку словосочетания подразделяются на следующие группы:

- 1) словосочетания, выражающие отношения меры и степени действия;
- 2) словосочетания, выражающие пространственные отношения;
- 3) словосочетания, выражающие временные отношения;
- 4) словосочетания, выражающие причинные отношения;
- 5) словосочетания, выражающие целевые отношения.
- 6) словосочетания, выражающие определительно-обстоятельственные отношения.

Остановимся более подробно на вышеперечисленных группах глагольных словосочетаний.

2.2.2.1 Словосочетания, выражающие отношения меры и степени действия

Глагольные конструкции с названными отношениями в мордовских языках встречаются наиболее часто, то есть данные типы словосочетаний весьма употребительны и распространены. Зависимым компонентом выступают наречия, иначе говоря, данные отношения выражаются наречиями: мокш. *Федяшев Савват кабинетонц вальманза селкфтольхть кемоста, тьялонь коряс* [Кирдяшкин, 1989, с. 84] «Окна кабинета Федяшева Саввы закрыты крепко, по-зимнему»; *Вармась уфась вииста, мярьгат, тьячи сась пе* [Кузнецов, 1979, с. 43] «Ветер дул сильно, как-будто сегодня пришел конец»; *Омбоцеда потязь траксень, и аватне сьрхкасть обедама* [Кирдяшкин, 1989, с. 68] «Во второй раз подоив коров, женщины собрались обедать»; *Тя пингть кенкшити колмоксть чакасть* [Кузнецов, 1979, с. 63] «В это время в дверь три раза постучали»; *Ся кизотнень Микита сядонга лац марязе и няезе, конашка киить питнец* [Девин, 1982, с. 118] «В те годы Микита еще лучше узнал и увидел цену хлеба»; мокш. *Аф кржа книгада каземе минь иттненди* [Пинясов, 1980, 68] «Немало книг мы подарили детям»; *Нинге весть ладязе кяскавь, моркиш лангста посудать эзда симсь ведьта и лиссь* [Левчаев, 1983, с. 49] «Еще раз поправил мешок, из стоящей на столе посуды попил воды и вышел; эрз.

Прокопыч весть варишазь чарькодизе Яхимонь потмо ежонзо, кевкст-немасо эзь налкстав церанть [Коломасов, 1989, с. 82] «Прокопыч с первого взгляда определил душевное состояние Ефима, вопросами не донимал парня»; *Велесь явозель колмов: вере не, куншкасо куро ды ало не* [Радаев, 2008, с. 48] «Село было разделено на три части: верхний конец, середина и нижний конец»; *Зина пижакадсь верьга вайгельть* [Сятко, 2011, 6, с. 79] «Зина закричала неистовым голосом»; *Ансяк сундерьгадома малав менелесь кармась аламодо валдомомо* [Щеглов, 1960, с. 42] «Только к вечеру небо стало немного светлеть»; Но те «Оводось...» **колмоксть ловныя** [Там же, с. 51] «Но этого «Овода...» я три раза прочитал».

2.2.2.2 Словосочетания, выражающие пространственные отношения

Словосочетания с названными отношениями относятся к числу самых распространенных и дифференцированных. Для выражения пространственных отношений в глагольных словосочетаниях выступают наречия и существительные в различных падежных формах.

Наиболее распространенными структурными типами глагольных словосочетаний с пространственными значениями являются:

1) глагольные словосочетания с наречиями: мокш. *А нинге сяда вьаре куйгорнясь няевсь уле равжа кеднякс* [Девин, 1982, с. 93] «А еще выше береста казалась серо-черной кожицей»; *Инголе ащесь туста и сянгяря вирсь* [Кишняков, 1985, с. 217] «Впереди стоял густой и зеленый лес»; *И сонцьке (Ваня) тусь ичкози-ичкози, ся ширети, коса эряйхть аньцек павазу ломатть* [Кузнецов, 1979, с. 52] «И сам [Ваня] ушел далеко-далеко, туда, где живут только счастливые люди»; *Сяда тов Федя ардсь кепотьф мяльса* [Там же, с. 28] «Дальше Федор ехал в приподнятом настроении»; *Тяста лац няеви марнек велесь, сонь перьфканза келемсть паксятне* [Девин, 1982, с. 59] «Отсюда хорошо видно все село, вокруг него раскинулись поля»; *Коста-бди види ширде кулевсь виш пешкодма и дуборф, да стама – шерьхкозевсь модаське* [Тяпаев, 1979, с. 51] «Откуда-то справа доносился сильный крик и топот, да такой – дрожала земля»; эрз. *Икелев сыргамс, удалов потамс, витев или кершев мурдамс – весе тень сон курок тонавтнизэ* [Коломасов, 1989, с. 41] «Вперед двинуться, отойти назад, направо или налево повернуться – всему этому он очень скоро выучился»; *Васов келемсь паксясь* [Чесноков, 1974, с. 110] «Далеко раскинулось поле»; *Чувтось парсте няеви, ансяк маласто, а виресь – васолдо* [Абрамов, 1964, с. 38] «Дерево хорошо видно лишь вблизи, а лес – издали»; *Гайгест васолга тонь теветь, мокиэрзянь тиринь мода* [Любаев, 2005, с. 28] «Пусть далеко гремит слава о твоих делах, родная мордовская земля»; *Тия теке те в ливтнить эрьва кодамо туюсонь нимилявт ды теке*

тев кирнявтнить пиже цирькунт [Мартынов, 1946, с. 37] «Здесь то и дело летают разноцветные бабочки и прыгают зеленые кузнечики»; *Костомуемс истят питней валт ды потмаксос панжомс седей оймесь* [Моро, 1970, с. 117] «Где найти такие дорогие слова, чтобы до дна раскрыть душу»; *Косо-бути а васоло, кудонть удало, чуди лей* [Абрамов, 1957, с. 48] «Где-то недалеко, за домом, течет река»;

2) глагольные словосочетания с именами существительными в форме аблатива. Аблатив по характеру выражаемых отношений относится к субъектно-объектным падежам, но он может передавать и пространственно-временные отношения.

Сочетаясь с глаголами, существительные обозначают:

а) место или предмет, с которого или за который берутся, держатся, с которым соприкасаются, от которого отходят, отдаляются: мокш. *Пята фатязе ялганц сялдазда – и ушу* [Девин, 1969, с. 173] «Пята схватил друга за шею – и на улицу»; *Сембонь мархта Пяштельмов шумбракинешь кядьта* [Бебан, 1962, с. 74] «Пяштельмов со всеми здоровался за руку»; эрз. *Бути учат монь эйсэ, сестэ листяк каршозон, вить кеднеде саемак, сур прядо кундамак* [Моро, 1970, с. 59] «Если ждешь ты меня, тогда выходи встречать меня, за правую ручку меня возьми, за кончики пальцев ты меня возьми»;

б) предмет, от которого начинается движение в пространстве. В этом случае аблатив чаще всего употребляется в парных выражениях с именем в форме иллатива, указывающим, до каких пространственных пределов доходит движение: мокш. *Пичевелеса якасть вальмада вальмас кафта ломатть, чакиесть байдекса куд бокненди* [Бебан, 1962, с. 69] «Целый день в селе Пиче ходили от окна к окну два человека, стучали палкой об угол домов»; *Аня тячи якась кудта кудс и серматкинезень сембе велеряйхнень* [Девин, 1969, с. 58] «Сегодня Аня ходила от дома к дому и записывала всех жителей села»; эрз. *Сильдейтеме Мика пупорькини, стенадо стенас Мика нежеди* [Чесноков, 1974, с. 50] «Без кочек Мика спотыкается, от стены к стене Мика прислоняется»;

3) глагольные словосочетания с именами существительными в форме инессива. Инессив принадлежит к местным падежам, его основная функция – указывать на место. Эта функция хорошо развита как в мордовских, так и в других финно-угорских языках. Можно отметить целый ряд особых нюансов этой функции.

Глагольные словосочетания с инессивом указывают на:

а) названия конкретных мест (городов, поселений, садов, полей), где кто-либо, что-либо находится: мокш. *Анясь эрясь ошса, а тянь ашезе няенде* [Девин, 1969, с. 72] «Аня жила в городе, а этого не видела»; *А брадо-зе работай Алтайса од совхозса* [Мокша, 2011, 3, с. 58] «А мой брат работает на Алтае в новом совхозе»; *Этай кизоть, кепотьксонди, Ленин-*

градса улень [Пинясов, 1955, с. 32] «В прошлом году, например, был в Ленинграде»; *Шить фкя пирьфса шабатне ушедсть налхксема ьрвянянь сявикс* [Кирдяшкин, 1989, с. 25] «Днем в одном дворе дети начали играть в свадьбу»; *Микита музе эсь стиренц переса работазь* [Мокша, 2011, 5, с. 62] «Микита нашел свою дочь в огороде работающей»; *Аньцек аф кунара солась ловсь, а паксяса сокайхть ни тракторхне* [Пинясов, 1966, с. 63] «Только недавно растаял снег, а на полях уже пашут трактора»; *Сась лямбе тундась и садса моразевсть нармоттне* [Мокша, 2011, 6, с. 38] «Пришла теплая весна и в саду запели птицы»; *Азондозь, што фкя велеса эряй стама ломань, конань сельмованфонц эзда пельсть сембе велеряйхне* [Мокша, 2012, 5, с. 39] «Рассказывали, что в одном селе живет такой человек, взгляда которого боялись все жители села»; эрз. *Са-зорон эрить Охонькинасо* [Сятко, 2011, 3, с. 73] «Мои сестры живут в Афонькино»; *Кизна эйкакшгне экишелить эрьксэ* [Абрамов, 1957, с. 63] «Летом дети купаются в озере»; *Кавто ялакстнэ, Вова ды Севко, чув-ность пиресэ мода* [Радин, 1963, с. 12] «Два друга, Вова и Сева, копали в огороде землю»; *Морасть письмартнэ велесэ, славасть паксянтъ нор-вжорчтнэ* [Эркай, 1991, с. 47] «Пели скворцы в селе, прославляли поле жаворонки»;

б) место деятельности, действия, пребывания: мокш. *Пуромкссь етась заводса* [Кирдяшкин, 1989, с. 63] «Собрание прошло на заводе»; *Аф кунара Вера баба ащесь больницяса* [Кузнецов, 1979, с. 59] «Недавно бабушка Вера лежала в больнице»; *Заводса Тихон васьфтьсь Меховонь мархта* [Кирдяшкин, 1989, с. 64] «На заводе Тихон встретился с Меховым»; *Правленияса тячи етай оцю пуромкс* [Кирдяшкин, 1989, с. 136] «В правлении сегодня пройдет большое собрание»; *Стирьхне и цератне пуромкишнесть клубса, а сяльде тушендсть моразь роца лашму* [Кирдяшкин, 1989, с. 73] «Девушки и парни собирались в клубе, а потом с песнями уходили на поляну»; эрз. *Вейкенть беряньстэ чарькодян: тонавтнян заочно институтсо, а вана мирдесь сессияв эйсэнь а нолды* [Радин, 1983, с. 93] «Одно плохо понимаю: учусь заочно в институте, а вот муж на сессию не пускает»; *Сельпонь конторасо мерсть Григорий Сергеевиченень ветямс букатнень* [Кадоркин, 1979, с. 32] «В конторе сельпо сказали Григорий Сергеевичу привести быков»; *Клубсо Гриша морась гармониясо* [Сятко, 2011, 5, с. 83] «В клубе Гриша играл на гармошке»; *Пекарнясо лиясто макснить, ды эрь ва чи виськс тов якамс* [Кадоркин, 1987, с. 36] «В пекарне иногда дают, да стыдно каждый день ходить туда»;

в) вообще место в пространстве, где что-либо происходит (в космосе, на небе): мокш. *Кунара ни кръвязсть менельса тяшттне* [Девин, 1982, с. 74] «Давно уже зажглись в небе звезды»; *Сембе ломаттне арьсихть ся кулять ланга, што минь курок юматама, сяс мес планетаса лисси зиян* [Мокша, 2011, 4, с. 6] «Все люди задумались над новостью, что мы скоро пропадем, так как на планете произойдет трагедия»; эрз. *Менельсэ*

кирвазсь пешксе ковсь [Раптанов, 1933, с. 43] «В небе зажглась полная луна»;

4) глагольные словосочетания с именами существительными в форме элатива. Основное значение элатива – обозначение места, откуда удаляется, исходит что-то или кто-то. В мордовских языках элатив обозначает как внутреннее, так и внешнее место исхода, удаления чего-либо.

Выступая в своей основной функции, элатив в сочетании с глаголами движения указывает на:

а) предметы, имеющие определенные границы: жилые помещения, части построек, учреждения, откуда исходит движение, действие: мокш. *Од ломаттнень кучсезь практикас сельскохозяйственной институтста* [Ларионов, 1989, с. 48] «Молодых людей отправляли на практику из сельскохозяйственного института»; *Колхозонь председателсь азсь оцю спасиба сянкса, што школаста састь тяфтама цебярь ломатть* [Радин, 1963, с. 41] «Председатель колхоза выразил огромную благодарность по по-поводу того, что из школы пришли такие хорошие люди»; *Ваня армияста кучсь тядяцты серма* [Пинясов, 1955, с. 21] «Из армии Ваня прислал матери письмо»; эрз. *Мон истямо кедькс музейстэ неинь* [Радин, 1963, с. 72] «Я такую посуду видел в музее»; *Коля сась больницясто* [Кадоркин, 1987, с. 59] «Коля пришел из больницы»;

б) конкретные населенные пункты, то есть названия городов, сел, откуда исходит начало движения, действия: мокш. *Москуста сась оцю комиссия механический заводу* [Ларионов, 1989, с. 163] «Из Москвы приехала большая комиссия на механический завод»; *Курташкин усксь рузаваня мянь Саранскяйста* [Мокша, 2003, 4, с. 74] «Курташкин привез русскую женщину аж из Саранска»; эрз. *Кадык сьть Саранскоестэ ды вансызь те чакшонть* [Радин, 1963, с. 14] «Пусть приедут из Саранска и посмотрят этот горшок»; *Ораньбуестэ сась* Коля ялго [Сятко, 2011, 6, с. 63] «Из Ардатова пришел Коля пешком»;

в) место, откуда исходит действие: мокш. *Паксяста серотнень сембонь урядазь* [Кирдяшкин, 1989, с. 153] «С поля все зерновые убрали»; *Аньцек менельста валомня пярсь сетьме ловня* [Макулов, 1960, с. 48] «Только с неба тихо падал спокойный снежок»; *Нинге Аня нязе: костабди пирьфста юпадсь Просаня, пильгонек-прянек равчса* [Девин, 1969, с. 157] «И еще Аня увидела: откуда-то со двора выскочила Прасковья, с ног до головы в черном»; эрз. *Паксятнесэ ловось еще эзь арсеяк сыргамо таркастонзо но тундось уш марявсь эрьва мейсэ* [Доронин, 2005, с. 52] «На полях снег еще и не думал трогаться с места, но весна уже чувствовалась во всем»; *Маней менельстэнтэ валдосто вансь чись ды кучсь ловсо вельтызь моданть лангс эсь лямбе струянзо* [Доронин, 2005, с. 52] «С ясного неба светло смотрело солнце и посылало на покрытую снегом землю свои теплые лучи»;

г) неопределенное место, откуда идет, уезжает кто-либо: мокш. *Мо-*

дамарень таргама **састь ошста** студентт [Пинясов, 1955, с. 50] «На уборку картофеля приехали из города студенты»; **Велеста ушедсть тушендома** тифтень-тифтень семья [Кузнецов, 1979, с. 203] «Из села стали уезжать друг за другом семьи»; эрз. **Велестэ сась ломань** [Абрамов, 1988, с. 79] «Из села пришел человек»; **Совхозстэ Зоя Дмитриевна туи кавто неделядо мейлэ** [Радин, 1985, с. 94] «Из совхоза Зоя Дмитриевна уедет после двух недель»;

д) поверхность какого-либо предмета, откуда удаляется кто-либо: мокш. **Аня афи шарьхкодсь, кода церанятне комотсть тележкаста** [Девин, 1969, с. 26] «Аня и не заметила, как мальчики прыгнули с тележки»; **Проса баба лиссь ведарканц мархта и афи фатясь кода пупордась и прась крыленцяста** [Пинясов, 1966, с. 24] «Вышла бабушка Прасковья с ведром своим, неожиданно споткнулась и упала с крыльца»; эрз. **Эшеламсто эйкакшине кирнявтсть сэдьстэ** [Эркай, 1991, с. 58] «Во время купания дети прыгнули с моста»; **Коля валгсь кудопрясто** [Там же] «Коля спустился с крыши»;

е) определенное место на вещах, предметах, откуда удаляется что-либо: мокш. **Церанясь таргазе сурстонза сардть** [Пинясов, 1955, с. 24] «Мальчик вытащил из пальца занозу»; **Марина ялганц пряста панезе няк мазы мелавнять** [Мокша, 2011, 6, с. 59] «Марина с головы подруги отогнала очень красивую бабочку»; Валентина Ивановна **пчкафтозень** Ванынь **шамаста** сембе токаф васттнень [Радин, 1985, с. 48] «Валентина Ивановна вылечила на лице Вани все пораненные места»; эрз. **Церынкесь таргизе сурстонзо сардо** [Сятко, 2011, 6, с. 47] «Мальчик вытащил из пальца занозу»; **Зоя Васильевна орожиязе Колян кирьганарьстэ** покш **орманть** [Сятко, 1998, 4, с. 5] «Зоя Васильевна вылечила с горла Коли большую болячку»;

5) глагольные словосочетания с именами существительными в форме латива. Его значение – внешне-направительное. Употребляясь в основном с глаголами движения, данный падеж обозначает направление действия предмета к определенному месту: мокш. **Аня ласьксь куду, а кудса кивок ашель, кенкись някстафоль замокса** [Девин, 1969, с. 33] «Аня добежала до дома, а дома никого, дверь закрыта на замок»; Гурьянов люкштядызе прянц и ласькозь **тусь паксяв** [Ларионов, 1989, с. 93] «Гурьянов покачнул головой и побежал в поле»; **Максоза алашат, вандыкиге минць мольхтяма вири** [Макулов, 1960, с. 62] «Пусть даст лошадей, завтра же мы сами поедem в лес»; **Сембоц ниле ломатть работайхть, а серось сонць моли утому** [Ларионов, 1989, с. 117] «Всего четыре человека работают, а зерно само идет в амбар»; **«Победась» саворня валгсь лотконяв и ушедсь валомня етама** [Бebан, 1962, с. 82] «Победа» потихонечку спустилась в низину и начала медленно проезжать»; эрз. **Вова сайсь кедезэнзо койме ды пезнавтызе модас** [Радин, 1958, с. 32] «Вова взял в руки

лопату и воткнул в землю»; Нина марто Костяк **тусь школав** [Сятко, 2011, 5, с. 62] «И Костя вместе с Ниной пошел в школу»; *Мон а кадован тонтеметь ськамон кудос*, – корты Нина Диманянь, – пелян [Сятко, 2004, 6, с. 82] «Я не останусь в доме один без тебя, – говорит Нина Дмитрию, – боюсь»; *Уроктнень ютамодо мейле сован лавкав* [Сятко, 2012, 6, с. 49] «После окончания уроков зайду в магазин»; *Михаил чамдызе улавонзо, перьгавтыксэлизе лишменть, но сонзэ эйсэ таго тусь вирев пальманкс чувто мельга* [Эркай, 1991, с. 72] «Михаил освободил воз, хотел запрячь коня, но на нем опять уехали в лес за бревнами для столбов»;

б) глагольные словосочетания с именами существительными в форме пролатива. Пролатив обозначает пространство, по которому кто-либо, что-либо движется, переносится, переходит:

а) место или предмет, по поверхности которого кто-либо, что-либо движется: мокш. *Аня аськолясь пулю кигя кенордазь* [Девин, 1969, с. 25] «Аня шагала по пыльной дороге, торопилась»; *Нардишесь касы улыцява* [Там же, с. 83] «Трава-мурава растет по улицам»; *Федоторясь тусь базарга шарондома* [Кирдяшкин, 1989, с. 59] «Жена Федота пошла гулять по базару»; *Сась мазы и лямбе тундась, а вирьгя кайгихть нармоттнень вайгяльсна* [Кузнецов, 1979, с. 52] «Пришла красивая и теплая весна, а по лесу звенят птичьи голоса»; эрз. *Менельганть састо уйсть ашо пель панкст* [Абрамов, 1980, с. 69] «Медленно по небу плыли куски белых облаков»; *Зина симизе стопканзо цератнень марто ды ушедсь евтнема, кода ютазь недлясто сынъ ардсть паксява* [Сятко, 2012, 2, с. 82] «Зина выпила свою стопку с мужиками и начала рассказывать, как они на прошлой неделе ехали по полю»;

б) место или предмет, через или сквозь который кто-либо, что-либо передвигается: мокш. *Кой-кинди савсь мянемс панжада вальмава* [Макулов, 1960, с. 69] «Кое-кому пришлось убежать через открытое окно»; *Кудбрыва куцсь ни шись* [Кузнецов, 1979, с. 38] «По крыше плыло уже солнце»; эрз. *Лато прянь варятнева лангозонзо вансь валдо-сень менелесь* [Абрамов, 1980, с. 59] «Через отверстия крыши навеса на него смотрело светло-синее небо»; *Вальмава марявсь, кода Алопесэ сидясь гармония* [Раптанов, 1933, с. 63] «Через окно слышно, как на конце улицы играла гармошка»;

в) место или предмет, служащий для размещения или рассеивания других предметов: мокш. *Ломаттне получают наряд и срадсть кудгаст* [Макулов, 1960, с. 53] «Люди получили наряд и разошлись по домам»; *Ня шитнень нолдасть кудгаст электричества* [Ларионов, 1989, с. 163] «В эти дни дали в дома электричество»; *Састь шабатне вири, ванозь перьфпяльть, а сальде явфтозь бригадава и макссть тев* [Пинясов, 1980, с. 93] «Пришли ребята в лес, осмотрелись, а потом разделили их по бригадам и дали дело»; эрз. *Весе вирень ванстыцянтне срадсть бригадава*

[Сятко, 2011, 5, с. 38] «Все лесники разошлись по бригадам»;

г) место или предмет, к которому направляется действие другого предмета или лица: мокш. *Коля ушеды тyani якама больницява тя кальдяв урманц мархта* [Пинясов, 1985, с. 38] «Коля начнет теперь ходить по больницам с этой плохой болезнью»; *Вера, тон тyani туят шарома лавкава, а коса минь васьфттяма?* [Там же, с. 69] «Вера, ты сейчас пойдешь по магазинам, а где мы встретимся?»; эрз. *Елена капшазь валгсь крыльцяванть ды удалце ортава лиссь сад пирев* [Абрамов, 1980, с. 342] «Елена торопливо спустилась по крыльцу и через задние ворота вышла в сад»;

д) место или предмет, по внутренней части которого совершается перемещение лица или другого предмета. Чаще всего существительные при этом обозначают жилые помещения, постройки: мокш. *Пяк кальдяв куля якай общежитиява* [Пинясов, 1985, с. 68] «Очень плохая весть ходит по общежитию»; *Проса, афи виздят, якат кудга и вешат ярхцямбяль* [Радин, 1958, с. 56] «Прасковья, и не стыдно, ходишь по домам и просишь еду»; *Вальмава куци оцю и равжа котфонь кодай* [Кузнецов, 1979, с. 112] «По окну поднимается большой и черный паук»; эрз. *Институтова яки покш комиссия* [Сятко, 2012, 4, с. 62] «По институту ходит большая комиссия»; *Комнатава чийсь покш киска* [Калинкин, 1985, с. 62] «По комнате пробежала большая собака»;

е) место нахождения, пребывания кого-либо, чего-либо: мокш. *Сембе работникнень ульсть синцень тевсна и синь работасть кабинетова* [Пинясов, 1985, с. 79] «У всех работников были свои дела и они работали по своим кабинетам»; *Школать инголе етась торжественной линейкась, а меле шабатне суvastь классова* [Виард, 1958, с. 28] «Перед школой прошла торжественная линейка, а потом ребята разошлись по классам»; эрз. *Мазый картинатне понгавтневт стенава* [Сятко, 2012, 6, с. 49] «Красивые картины развесили по стенам»;

ж) перемещение по чему-либо в разнонаправленные стороны или место, откуда исходит действие: мокш. *Якась комнатава Пивкин и арьсесь эряфть колга* [Девин, 1969, с. 63] «Ходил по комнате Пивкин и размышлял о жизни»; *Максим якась пирьфка и учсесь Шура стиренц эса* [Мишанина, 1985, с. 52] «Максим ходил по двору и поджидал свою дочь Шуру»; эрз. *Председателесь яки паксятнева ды варишни сюротнень эйсэ* [Сятко, 2012, 7, с. 49] «Ходит по полям председатель и проверяет хлеба»; *Максим яки кудга ды кунсолы чатьмонежь* [Там же, 3, с. 9] «Максим ходит по дому и слушает молча».

Выражая пространственные отношения, различные грамматические средства, как то: имя в косвенных падежах, имя с послелогоми, чаще всего наречия, особенно при обозначении пространственного направления, сочетаются с глаголами движения. В связи с этим нам представляется целесообразным коротко остановиться на рассмотрении семантических, мор-

фологических и синтаксических особенностей данной группы глаголов в мордовских языках.

Термин «*глаголы движения*» появился в лингвистической литературе давно. Под «*глаголами движения*» обычно понимается группа слов, обозначающих физическое перемещение в пространстве. Наиболее полно данный вопрос изучен в русском языке. В мордовском языкознании глаголы движения получили частичное освещение.

В мордовских языках глаголы движения выявляются вполне отчетливо, чему способствует наличие пространственных падежей и служебных слов. Основным семантическим критерием для выделения глаголов движения в особую группу должно быть наличие в них идей пространственного перемещения субъекта или объекта.

Среди глаголов движения в мордовских языках различают глаголы, обозначающие направления движения. В связи с богатым разнообразием глаголов направления движения можно выделить следующие группы:

а) *однонаправленные глаголы, обозначающие движение*: мокш., эрз. *самс* «прибыть, прийти, прилететь, приплыть, приехать, наступить (о временах года, частях суток)»; мокш. *самс куду*, эрз. *самс кудов* «прийти, приехать, прибыть домой»; мокш. *самс школаста*, эрз. *самс школасто* «прийти из школы»;

– мокш., эрз. *пачкодемс* «дойти, доехать, добраться, достичь, донестись»; мокш. *пачкодемс школав*, эрз. *пачкодемс школав* «дойти до школы»; мокш. *пачкодемс ошу*, эрз. *пачкодемс ошов* «доехать до города»; мокш. *пачкодемс панда лангс*, эрз. *пачкодемс пандо лангс* «добраться на гору»;

– мокш., эрз. *ускомс* «везти, привезти, увезти, тащить, тянуть, стягивать, притянуть, вытянуть»; мокш. *ускомс ошста*, эрз. *ускомс ошсто* «привезти из города»; мокш. *ускомс алашаса*, эрз. *ускомс лишмесэ* «везти на лошади»; мокш. *усксемс шеерьда*, эрз. *усксемс черде* «таскать за волосы»;

– мокш., эрз. *панемс* «гнать, выслать, уволить, выселить, отогнать, пригнать» и т. д.: мокш. *панемс кудста*, эрз. *панемс кудосто* «гнать из дома»; мокш. *панемс работама вастста*, эрз. *панемс важодема таркасто* «уволить с работы»; мокш. *панемс куд бокста*, эрз. *панемс кудо бокасто* «отогнать от дома»;

– мокш., эрз. *кандомс* «нести, принести, отнести, перенести, доставить»; мокш. *кандомс народть пачк*, эрз. *кандомс народонть пачк* «нести через народ»; мокш. *кандомс эшиста*, эрз. *кандомс лисьмасто* «принести из колодца»; мокш. *кандомс заводста*, эрз. *кандомс заводсто* «принести с завода»; мокш. *кандомс паксяв*, эрз. *кандомс паксяв* «отнести в поле»; мокш., эрз. *кандомс школав* «доставить в школу»;

– мокш. *мърдамс*, эрз. *мурдамс* «вернуться», мокш. *мърдамс охота-ста*, эрз. *мурдамс охота-сто* «вернуться с охоты»; мокш. *мърдамс куду*,

эрз. *мурдамс кудов* «вернуться домой»; мокш. *мърдамс ошста*, эрз. *мурдамс ошсто* «вернуться из города»;

– мокш. *вятемс*, эрз. *ветямс* «вести, привести, завести, ввести»; мокш. *вятемс пуромксста*, эрз. *ветямс промксстэ* «привести с собрания»; мокш. *вятемс кядьта*, эрз. *ветямс кедьта* «привести за руку»;

б) глаголы, обозначающие движение от субъекта: мокш. *ильхтемс*, эрз. *ильтямс* «проводить»: мокш. *ильхтемс куду*, эрз. *ильтямс кудов* «проводить до дома»; мокш. *ильхтемс школав*, эрз. *ильтямс школав* «проводить в школу»;

– мокш. *тумс*, эрз. *туемс* «уйти, уехать, отбыть, подойти, годиться»: мокш. *тумс вири*, эрз. *туемс вирев* «пойти в лес»; мокш. *тумс Саранскяи*, эрз. *туемс Саранскоев* «уехать в Саранск»; мокш. *тумс занятияста*, эрз. *туемс занятиясто* «уйти с занятий»;

– мокш. *кучемс*, эрз. *кучомс* «послать, отправить, переслать, при-слать, выслать»: мокш. *кучемс школав*, эрз. *кучомс школав* «отправить в школу»; мокш. *кучемс вирь пачк*, эрз. *кучомс вирень пачк* «отправить через лес»;

в) глаголы, обозначающие движение по линии координата вниз: мокш., эрз. *бухадемс* «бухнуться, бухнуть»: мокш. *бухадемс пянакуд лангста*, эрз. *бухадемс каштом лангсто* «бухнуться с печки»;

– мокш., эрз. *ваямс* «утонуть, утопиться, провалиться, вязнуть, увязнуть, ввалиться»: мокш. *ваямс ляи*, эрз. *ваямс леи* «утонуть в реке»; мокш. *ваямс шайс*, эрз. *ваямс челдовкс* «увязнуть в болоте»; мокш. *ваямс лоткс*, эрз. *ваямс лоткав* «провалиться в яму»;

– мокш., эрз. *валгомс* «спуститься, слезть, высадиться, понизиться, зайти»: мокш. *валгомс машинаста*, эрз. *валгомс машинасто* «слезть с машины»; мокш. *валгомс алаша лангста*, эрз. *валгомс лишме лангсто* «слезть с коня»; мокш. *валгомс кудбрыста*, эрз. *валгомс кудо прясто* «спуститься с крыши»;

– мокш., эрз. *комамс* «наклониться, нагнуться, поклониться»: мокш. *комамс ляйти*, эрз. *комамс лей эйс* «наклониться к реке»; мокш. *комамс келуть ала*, эрз. *комамс килей ало* «наклониться под березой»; мокш. *комамс тядязень инголе*, эрз. *комамс авам икеле* «поклониться перед матерью»;

– мокш., эрз. *прамс* «упасть, свалиться, выпасть, пасть, уйти, впадать»: мокш. *прамс шуфта пряста*, эрз. *прамс чувто прясто* «упасть с дерева»;

– мокш. *мяндемс*, эрз. *менчемс* «согнуть, перегнуть, нагнуть, выгнуть, искривить»; мокш. *мяндемс шра ала*, эрз. *менчемс столь ало* «согнуть под столом»;

– мокш. *чепафтомс*, эрз. *чопавтемс* «нырнуть»: мокш. *чепафтомс ляи*, эрз. *чопавтемс леи* «нырнуть в реку»;

г) глаголы, обозначающие движение предмета по линии координата

вверх: мокш., эрз. *таргамс* «тянуть, вытянуть, тащить, вытащить, извлечь, выдернуть, вырыть, протянуть»: мокш. *таргамс сурста*, эрз. *таргамс сурсто* «вытащить из пальца»; мокш. *таргамс эрьхкста*, эрз. *таргамс эрькстэ* «вытащить из пруда»; мокш. *таргамс лоткста*, эрз. *таргамс латкосто* «вытащить из ямы»;

– мокш. *кеподемс*, эрз. *кепедемс* «поднять»: мокш. *кеподемс ира лангс*, эрз. *кепедемс столь лангс* «поднять на стол»;

д) глаголы, обозначающие движение предмета от линии координата в разные стороны (разнонаправленные глаголы): мокш., эрз. *срадомс* «разрушиться, разойтись, износиться»: мокш. *срадомс кудга*, эрз. *срадомс кудова* «разойтись по домам»;

– мокш. *ласькондемс*, эрз. *чийнемс* «бегать, побегать»: мокш. *ласькондемс кудга*, эрз. *чийнемс кудова* «бегать по дому»; мокш. *ласькондемс ляй ширеса*, эрз. *чийнемс леи чиресэ* «бегать у реки»;

– мокш., эрз. *якамс* «ходить, прогуливаться, двигаться, колебаться»: мокш. *якамс вирьга*, эрз. *якамс вирьга* «прогуливаться по лесу»; мокш., эрз. *якамс школав* «ходить в школу»; мокш. *якамс куд фталга*, эрз. *якамс кудо удалга* «ходить за домом»;

е) глаголы, обозначающие одновременное движение предмета от крайних точек линий координата к центру (встречное движение): мокш. *васедемс*, эрз. *васодемс* «встретиться, столкнуться»: мокш. *васедемс ки лангса*, эрз. *васодемс ки лангсо* «встретиться на дороге»; мокш. *васедемс кенкиш ваксса*, эрз. *васодемс кенкиш вакссо* «столкнуться около дверей»; мокш. *васедемс концертса*, эрз. *васодемс концертсо* «встретиться на концерте»;

– мокш. *пуромомс*, эрз. *пурнамс* «собраться, стечься, накопиться, сойтись, сбиться»: мокш. *пуромомс паксяса*, эрз. *пурнамс паксясо* «собраться на поле»; мокш. *пуромомс авазень пяли*, эрз. *пурнамс авам пелев* «собраться у матери»;

– мокш. *эрьхтемс*, эрз. *вачкодемс* «ударить, стукнуть, столкнуть»: мокш. *эрьхтемс вирть фтала*, эрз. *вачкодемс виренть удало* «стукнуть за лесом»; мокш. *эрьхтемс пря ланга*, эрз. *вачкодемс пре ланго* «ударить по голове»;

ж) глаголы, обозначающие движение одного предмета во внутрь другого: мокш. *сувамс*, эрз. *совамс* «войти, зайти, забежать, заехать, пролезть, пробраться, просочиться, опуститься, спуститься»: мокш. *сувамс бохаряму*, эрз. *совамс мацт потс* «спуститься в погреб»; мокш. *сувамс кудть эс*, эрз. *совамс кудонть эйс* «войти в дом»; мокш. *сувамс шууж еткс*, эрз. *совамс шууж юткс* «пробраться в ячмень»;

– мокш., эрз. *тонгомс* «сунуть, всунуть, воткнуть, вдеть, засунуть»: мокш. *тонгомс салмоксс*, эрз. *тонгомс салмуксс* «вдеть в иголку»; мокш. *тонгомс зепе потмос*, эрз. *тонгомс зепе потс* «сунуть в карман»;

– мокш., эрз. *эцемс* «лезть, пролезть, засунуть, перелезть, наполнит», мокш. *эцемс перяфкс вельхкскса*, эрз. *эцемс пирявкс велькскса* «перелезть

над изгородью»; мокш. *эцемс вальмять пачк*, эрз. *эцемс вальманть пачк* «лезть через окно».

По способу, средствам передвижения глаголы также можно разделить на несколько семантических групп. Но здесь следует иметь в виду, что способ движения в мордовских языках не является доминирующим признаком, а выступает в качестве второстепенного момента в общем содержании всех глаголов движения. Способ движения в мордовских языках передается не прямо, а косвенными путями, с помощью контекста и специальных обстоятельственных слов, в отличие от глаголов движения русского языка. Учитывая эту особенность мордовских глаголов движения, мы выделяем следующие группы:

а) глаголы, не указывающие ни на средства и способ движения, ни на определенное направление: мокш. *арнемс*, эрз. *ардтнемс* «ездить, бегать, скакать, ходить, объезжать, обкатывать»; мокш. *арнемс тракторса*, эрз. *ардтнемс тракторсо* «ездить на тракторе»; мокш. *арнемс алаша лангса*, эрз. *ардтнемс лишме лангсо* «скакать на лошади»;

– мокш., эрз. *якамс* «ходить, двигаться, прогуливаться», мокш. *якамс вирьгя*, эрз. *якамс вирева* «прогуливаться по лесу»; мокш. *якамс ки ланга*, эрз. *якамс ки ланга* «двигаться по дороге»; мокш. *якамс ошу*, эрз. *якамс ошов* «ходить в город»;

– мокш., эрз. *молемс* «идти, шагать, пойти, направиться, поехать»: мокш. *молемс модать ланга*, эрз. *молемс моданть ланго* «шагать по земле»; мокш. *молемс Атяшевав*, эрз. *молемс Атяшевов* «поехать в Атяшево»;

– мокш. *етамс*, эрз. *ютамс* «пройти, перейти, пересечь, переехать, перелезть, перебраться, пробраться, перегнать, миновать»: мокш. *етамс паксять*, эрз. *ютамс паксянть* «пройти поле»; мокш. *етамс ляйт*, эрз. *ютамс леент* «перейти реку»; мокш. *етамс перяфкс пачк*, эрз. *ютамс пиревкс пачк* «перелезть через изгородь»;

б) глаголы называющие способ, средство передвижения, но не указывающие на определенное направление: мокш. *аськолямс*, эрз. *эскелямс* «шагать, перешагивать, ступать»: мокш. *аськолямс паксянь пачк*, эрз. *эскелямс паксянь пачк* «шагать через поле»; мокш. *аськолямс ошу*, эрз. *эскелямс ошов* «шагать в город»;

– мокш. *кялемс*, эрз. *келемс* «идти, пройти»: мокш. *кялемс ловонь пачк*, эрз. *келемс ловонь пачк* «пройти по снегу»; мокш. *кялемс тише потмова*, эрз. *келемс тикише потмова* «идти по траве»; мокш. *кялемс ведь ланга*, эрз. *келемс ведь ланга* «пройти по воде»;

– мокш. *ласькомс*, эрз. *чиемс* «бежать, прибежать, забежать, мчаться, вбежать»: мокш. *ласькомс куд потмос*, эрз. *чиемс кудо потс* «забежать в дом»; мокш. *ласькомс школав*, эрз. *чиемс школав* «прибежать в школу»; мокш. *ласькомс вирень пачк*, эрз. *чиемс вирень пачк* «бежать через лес»;

в) глаголы, указывающие на определенное направление, но не называющие способ, средства передвижения: мокш. *ворьгодемс*, эрз. *оргодемс*

«сбежать, скрыться»: мокш. *ворьгодемс клубста*, эрз. *оргодемс клубсто* «сбежать из клуба»; мокш. *ворьгодемс больницяста*, эрз. *оргодемс больницясто* «сбежать из больницы»;

г) глаголы, указывающие и на способ действия, и на определенное направление: мокш., эрз. *озамс* «сесть, присесть, приземлиться, засесть»: мокш. *озамс эзем лангс*, эрз. *озамс эзем лангс* «сесть на скамейку»; мокш., эрз. *озамс машинас* «сесть в машину»;

– мокш. *мадомс*, эрз. *мадемс* «лечь, залечь, гаснуть, потухнуть»: мокш. *мадомс пianaкуд лангс*, эрз. *мадемс каштом лангс* «лечь на печку»; мокш. *мадомс тише кучкас*, эрз. *мадемс тикише куникас* «залечь среди травы»;

д) глаголы, выражающие одновременно и движение, и состояние, и статистику, и динамику в зависимости от контекста: мокш. *ащемс*, эрз. *аштемс* «находиться, быть»: мокш. *ащемс кудса*, эрз. *аштемс кудосо* «находиться дома»; мокш. *ащемс кить лангса*, эрз. *аштемс кинть лангсо* «быть на дороге»; мокш. *ащемс больницяса*, эрз. *аштемс больницясо* «находиться в больнице»;

– мокш. *лоткамс*, эрз. *лоткамс* «остановиться, перестать, прекратить, стихнуть»: мокш. *лоткамс школа инголи*, эрз. *лоткамс школа икелев* «остановиться перед школой»; мокш. *лоткамс вирь кунчкас*, эрз. *лоткамс вирь куникас* «остановиться среди леса».

Процесс движения может протекать быстро, медленно или умеренно. В зависимости от этого различают:

а) глаголы быстрого темпа движения: мокш., эрз. *ардомс* «ехать»; мокш. *ласькомс*, эрз. *чиемс* «бежать»;

б) глаголы нормального темпа действия: мокш., эрз. *кандомс* «нести»; мокш., эрз. *лисемс* «выйти»; мокш. *вятемс*, эрз. *ветямс* «привести»;

в) глаголы замедленного действия: мокш. *кокольдемс*, эрз. *еколдомс* «ковылять».

2.2.2.3 Словосочетания, выражающие временные отношения

К числу распространенных в современных мордовских языках относятся разнообразные синтаксические конструкции, выражающие временные отношения в глагольных словосочетаниях. Эти конструкции непрерывно развиваются. Временные отношения не так широко дифференцированы, как пространственные, но и здесь наблюдается разнообразная и сложная синонимика.

Наиболее распространенными структурными типами словосочетаний с временными отношениями являются конструкции, где зависимым словом выступает существительное, а также наречие:

1) глагольные словосочетания с именами существительными с временным значением в номинативе с количественным числительным или словом: мокш. *Ниле кизот ашель Пивкин эсь паксясост* [Девин, 1969, с. 147] «Четыре года не был Пивкин на своих полях»; *Колма неделят ащесь Коля больницяса* [Мокша, 2012, 5, с. 58] «Три недели лежал Коля в больнице»; эрз. *Сынь (немецне) цела час бомбасть веленть* [Прохоров, 1985, с. 100] «Они (немцы) целый час бомбили деревню»;

2) глагольные словосочетания с именами существительными в форме генитива с послелогом: мокш. *пингста, няли*, эрз. *пелев*, «к»: мокш. *Шобдава няли мольсь сетьме ловня* [Кузнецов, 1979, с. 79] «К утру пошел тихий снежок»; *Митричень пингста тиф тя мастерскойсь* [Ларионов, 1989, с. 173] «Мастерская сделана при Митриче»; эрз. *Валскень пелев тусь сэтьме лов* [Сятко, 2012, 4, с. 72] «К утру пошел тихий снег»;

3) глагольные словосочетания с именами существительными в форме датива: мокш. *Поездсь сай станцияв рана, сяс эряви пачкодемс ся пингти* [Девин, 1969, с. 32] «Поезд придет на станцию рано, поэтому надо добраться к этому времени»; *Менельсь полафтсь, таки таргай шобдавати пизем* [Пинясов, 1966, с. 26] «Небо испортилось, так и жди, что к утру пойдет дождь»; эрз. *Тевенть прядомс валскенень* [Сятко, 2012, 4, с. 67] «Дело закончить к утру»;

4) глагольные словосочетания с именами существительными в форме аблатива с послелогом: мокш. *меле*, эрз. *мейле* «после»: мокш. *Весть недляшиста, обеда меле Марянь тердезь ульцяста куду* [Кирдяшкин, 1989, с. 92] «Однажды в воскресенье, после обеда, Марию позвали с улицы домой»; *Частшкада меле сась тяза Федянь Микита* [Кузнецов, 1979, с. 149] «Спустя час пришел сюда Микита Федора»; *Федотонь тяфтама корхтамдонза меле сембе фкянь-бес стясть пильге лангс, кочказь сумкаснон* [Кирдяшкин, 1989, с. 206] «После таких речей все до одного встали на ноги, собрали свои сумки»; эрз. *Совещаниядонть мейле Лебедевень одс тердизе Галаджев* [Прохоров, 1980, с. 83] «После совещания Лебедева вновь вызвал Галаджев»;

5) глагольные словосочетания с именами существительными в форме инессива: мокш. *Од пораса Гриша работась тя заводса* [Ларионов, 1989, с. 48] «В молодости Гриша работал на этом заводе»; эрз. *Те эрси августонь песэ* [Калинкин, 1985, с. 67] «Это бывает в конце августа»;

6) глагольные словосочетания с именами существительными в форме элатива: мокш. *Еткишиста илять тунь тянкса батюшкати* [Тяпаев, 1967, с. 36] «В субботу вечером из-за этого я пошел к батюшке»; *Шуваланяста мон тядязень мархта молян базару* [Эркай, 1991, с. 49] «В четверг вместе с матерью я поеду на базар»; эрз. *Тундосто саезь тевть ды тевть* [Брыжинский, 1987, с. 58] «Начиная с весны дела да дела»;

7) глагольные словосочетания с именами существительными в фор-

ме илллатива: мокш. *Аня обедс шарондсь велеряйхнень ланга* [Девин, 1969, с. 53] «Аня до обеда ходила по жителям села»; *Церанясь шобдавас изь матодов оцю температуранц мархта* [Мокша, 2012, 5, с. 82] «Мальчик до утра не мог уснуть с высокой температурой»; эрз. *Обедс кавонест нусть кавто гектарт* [Абрамов, 1957, с. 274] «До обеда вдвоем сжали два гектара»; *Чокинес якась кудосто кудос Коля* [Сятко, 2012, 4, с. 37] «Коля до вечера ходил из дома в дом»;

8) глагольные словосочетания с именами существительными в форме пролатива: мокш. *Нона кизотнень тя порава либордсть ни келуфнень сянгяря лопасна* [Ларионов, 1962, с. 143] «В прошлые годы в это время шелестели уже листочки у берез»; эрз. *Атякиш морамо порава Анкань звенась пуромкиность* [Сятко, 1998, 4, с. 63] «В пору пения петухов звено Анны собиралось»;

9) глагольные словосочетания с наречиями: мокш. *Шобдава пидесь шись, косьфтазень сексень рдазу шудерькснень* [Ларионов, 1962, с. 58] «Утром палило солнце, высушило грязные осенние ручьи»; эрз. *Валске чизэ налкsezь стясь виренть томбальде* [Чесноков, 1974, с. 50] «Утром солнце, играя, встало из-за леса».

Представляется целесообразным сделать несколько общих замечаний по структуре и функциям отдельных типов словосочетаний, выражающих временные отношения в современных мордовских языках.

Временные отношения, выражаемые с помощью падежных форм, в мордовских языках имеют различные оттенки, среди которых можно выделить следующие:

- 1) определенный момент времени;
- 2) начало протекания действия;
- 3) конец совершения действия;
- 4) продолжительность действия во времени;
- 5) приблизительное или неопределенное время совершения действия;
- 6) последовательность события во времени;
- 7) одновременность совершения действия;
- 8) регулярность, постоянство действия, повторяемость события.

Временные отношения в глагольных словосочетаниях мордовских языков могут выражаться различными падежными формами, среди которых местные падежи чаще всего указывают на обстоятельства времени.

1) глагольные словосочетания с именами существительными в форме номинатива. Среди многообразных функций номинатива в глагольных словосочетаниях обстоятельственная функция времени наименее распространенная. Номинатив в данном значении показывает длительность, продолжительность действия во времени и отвечает на вопрос **как долго?**, сочетаясь при этом с числительным или с другими количественными сло-

вами: мокш. *Целай час ащесь Аня Проса бабань пяле* [Пинясов, 1955, с. 31] «Целый час сидела Аня у бабушки Прасковьи»; *Колма кизот илядсь Федоронди работамс колхозса, а сяльде пенсияс* [Пинясов, 1985, с. 118] «Три года осталось Федору работать в колхозе, а затем на пенсию»; эрз. *Кавксо чить ды веть мошьс те покш тюремась* [Абрамов, 1964, с. 27] «Восемь дней и ночей продолжались эти сильные бои»;

2) глагольные словосочетания с именами существительными в форме генитива с послелогоми мокш. *пингста*, эрз. *пингстэ* «при»: мокш. *Анянь пингста Вера мезевок изь корхта* [Девин, 1969, с. 26] «При Ане Вера ничего не говорила»; *Атямть пингста Алешка кяишь седялу* [Эркай, 1991, с. 53] «При грозе Алешка спрятался в подпол»; *Архт ни, архт, сарасне ворьгодихть, церац пингста Лида изь пеле юватькинемс мирденц лангс* [Пинясов, 1980, с. 37] «Иди уж, иди, куры убегут, при сыне Лида не боялась ругаться на мужа»; эрз. *Даволонть пингстэ вармась сезсь ламо умарина* [Чесноков, 1974, с. 72] «При шторме ветер вырвал много яблонь»;

3) глагольные словосочетания с именами существительными в форме датива. Дативные формы, как и все остальные конструкции с субъектно-объектными падежами, для выражения временных отношений употребляются весьма редко. В мокшанском языке датив времени указывает на предел во времени и на протяженность, длительность действия: *Обедти идень серматкшнемать аделаць* [Макулов, 1960, с. 42] «К обеду перепись детей закончили»; *Кизоти касы церанясь, и афи содасак* [Пинясов, 1985, с. 116] «К лету вырастет мальчик и не узнаешь». В диалектах эрзянского языка имя существительное в форме датива может указывать на предел времени: *Одов самонень анокстасынек алашатнень* [Радин, 1963, с. 27] «До нового прихода приготовим лошадей». Иногда возможно идентичное употребление наречия (субстантивированное) в форме датива как в мокшанском, так и в эрзянском языках: мокш. *сермать учемс вандыенди*, эрз. *серманть учомс вандынень* «письмо ждать к завтрашнему дню»; мокш. *пуромксть кочкамс тячиенди*, эрз. *промксонть пурнамс течинень* «соборание собрать к сегодняшнему дню»;

4) глагольные словосочетания с именами существительными в форме аблатива. Употребление аблатива с временным значением в мордовских языках уходит в глубокую древность – финно-волжскую эпоху.

В современных мордовских языках при выражении временных отношений форма аблатива употребляется гораздо реже, чем при выражении пространственных отношений. Сочетаясь с глаголом, аблатив обозначает начало протекания действия или следование одного события за другим. В этом значении аблатив чаще всего употребляется с временными послелогоми мокш. *меле*, эрз. *мейле* «после»; мокш. *инголе*, эрз. *икеле* «перед»: мокш. *Обедта меле од монашкатнень вятесь колма вальмя мархта оцю*

кельяв [Мокша, 1989, 4, с. 37] «После обеда молодых монахинь привели в большую келью с тремя окнами»; *Тячи тутама урокта меле станцияв вагононь шамнема* [Пинясов, 1980, с. 59] «Сегодня после уроков пойдем на станцию разгружать вагоны»; *Весть каникулада инголе сась Поля бабанди аф оцю серманя* [Виард, 1958, с. 36] «Однажды перед каникулами пришло бабушке Полине небольшое письмецо»; *Лама кизода меле етамбачк лоткань Москву* [Пинясов, 1955, с. 13] «После многих лет по пути остановился в Москве»; эрз. *Чинзэ валгомадо икеле Микита сась лездомастогань вачкицятненень* [Коломасов, 1989, с. 153] «Перед заходом солнца Микита пришел помогать стогоукладчикам»; *Ильтямодост мейле Стяпан мадсь кияксс ськамонза* [Абрамов, 1957, с. 251] «После проводов Степан лег на пол один».

При употреблении в парных выражениях с элативом или иллативом аблатив указывает на повторяемость действия или его предел, начиная *от* и кончая *до*: мокш. *Ся пингть, шоподема меле варьхмодемс, ульцява якамать кардазь*; эрз. *Се шканть, чоподемадо мейле чилисемс, ульцясо якамось лоткавтось* «В то время от заката до рассвета выходить на улицу запретили»;

5) глагольные словосочетания с именами существительными в форме инессива. Существительные в форме инессива чаще всего обозначают различные периоды времени (части суток, дни недели, месяцы, времена года), имея при себе в большинстве случаев при этом определение-числительное или другое какое-либо количественное слово. Сочетаясь с глаголом, инессив выражает:

а) возрастной этап чего-либо, кого-либо: мокш. *Сергей аляфтома илядсь киза няленяса* [Пинясов, 1983, с. 48] «Сергей остался без отца в полтора года»; *Вете кизоса Полина тусь шачема велестонза* [Пинясов, 1985, с. 69] «В пять лет Полина уехала из родного села»; *Вейхкса частса пуромсть конторань работникне* [Пинясов, 1983, с. 92] «В девять часов собрались работники конторы»; эрз. *Эйкакшось колмо иесэ а кады поте* [Сятко, 1989, 4, с. 82] «Ребенок в три года не оставляет грудь»; *Пель иесэ кадовсь Коля тетявтомом* [Абрамов, 1957, с. 69] «В полгода остался Коля без отца»;

б) определенный период какого-то промежутка времени: мокш. *Од пораса Кузьма Сергеевич работась тя заводса* [Ларионов, 1989, с. 48] «В молодости Кузьма Сергеевич работал на этом заводе»; эрз. *Те эрси каникулань песэ* [Сятко, 1989, 4, с. 59] «Это бывает в конце каникул»;

в) глагольные словосочетания с именами существительными в форме элатива. Элатив времени в мордовских языках весьма распространен, причем им обозначается время не только в ограниченных пределах, но и не ограниченное каким-либо промежутком.

Сочетаясь с глаголами, форма элатива выражает:

а) начало протекания действия: мокш. *Саранскяйса Ваня эряй 1991 кизоста сявомок* [Пинясов, 1985, с. 164] «В Саранске Иван живет с 1991 года»; эрз. *Тундосто саезь молитъ ды молитъ пиземтъ* [Брыжинский, 1987, с. 35] «С весны идут и идут дожди»;

б) продолжительность действия во времени: мокш. *Аватне заняфтольхть озксти анокламати мархта: шобдаваста мянь илядти пихтсть; штасть, урядасть куттнень* [Кирдяшкин, 1989, с. 173] «Женщины были заняты в подготовке к празднику: с утра до вечера сушили, мыли, убрали дома»; *Тишка сярядсь май ковста мянь кизоть пiales* [Там же, с. 194] «Тишка болел с мая месяца до середины лета»; *Марса трактористтнень мархта ладяфоль-арьсефоль сокама-видема графиксь, мзяра шиста видемс серотнень* [Бебан, 1962, с. 69] «Вместе с трактористами был согласован график пахоты и сева, за сколько дней засеять хлеба»; эрз. *Тундосто саезь чары прям* [Сятко, 2012, 5, с. 63] «Начиная с весны кружится голова»; *Каникуласто саезь сексес эйкакштне роботыть колхозсо* [Сятко, 1989, 5, с. 59] «Начиная с каникул и до осени ребята работают в колхозе»;

в) повторяемость, регулярность постоянство действия выражается совместно с формой иллатива: мокш. *Кизоста кизос коль виензась Гераскянь потмоса кяжсь Макаронь лангс* [Бебан, 1962, с. 148] «Из года в год усиливалось зло в душе Герасима на Макара»; *Сась лямбе тундась, и шиста шис полафты сембе перьфпяльсь* [Кузнецов, 1979, с. 69] «Пришла теплая весна и со дня на день меняется все вокруг»; эрз. *Шкасто шкас Кирилл Петрович тейтернень эйстэ кой-конатнень макснилинзе мирденень* [Сятко, 1980, 8, с. 83] «Время от времени Кирилл Петрович выдавал кое-кого из дочерей замуж»;

г) определенный момент времени, в который совершается действие: мокш. *Тя пингста Петя работась вишкста и сталмоть кирдезе эсь лацонза* [Пинясов, 1985, с. 74] «В это время Петя работал быстро и тяжесть выдерживал по-своему»; *Чеберчина пандть шири, конань пряста мани шиня няевихть Атяшева станцияса паровозонь качапне, пяк сетьме пингста кулевихть вайгяльсна* [Бебан, 1962, с. 163] «До Чеберчинской горы в тихую погоду доносятся гудки паровозов, откуда видна станция Атяшево»; *Нинге од пингста Юра арьсесь тонафнемать колга* [Пинясов, 1955, с. 14] «Еще в юности Юра думал про учебу»; эрз. *Еще од пингстэ Гриша бажась тонавтнемс немецень кялентъ* [Прохоров, 1980, с. 92] «Еще в молодости Григорий хотел выучить немецкий язык»; *Вадря чистэ Гогин эскелясь ошонть сэтьме ульцявантъ* [Радин, 1963, с. 6] «В хороший день Гогин шагал по тихим улицам города».

Как видно, элативные формы при указании на временное значение часто употребляются с определяющими словами: прилагательными, числительными, местоимениями, обозначая при этом время не только в ограниченных пределах, но и не ограниченное каким-либо промежутком:

д) указание на возраст, части суток, дни недели, праздники, календарные даты и т. д.: мокш. *И тяфта моли пингсь Казанскыйста Ильгянь шить самс* [Кирдяшкин, 1989, с. 168] «И так идет время с Казанского до дня Ильи»; эрз. *Августонь 8-це чистэ карми уleme* парад Киевень Крещатик улыцясонть [Прохоров, 1978, с. 58] «Восьмого августа в Киеве на улице Крещатника пройдет парад»;

7) глагольные словосочетания с именами существительными в форме иллатива. Для выражения временных отношений иллативная форма употребляется значительно реже, чем для выражения пространственных отношений. Формой иллатива обычно выражаются:

а) время совершения действия: мокш. *Тихон мадсь вастозонза, но ашезь матодов мянь шобдакас* [Кирдяшкин, 1989, с. 163] «Тихон лег на свою постель, но не мог заснуть до утра»; *Аня обедс тиезень сембе те-вонзон* [Девин, 1969, с. 79] «Аня до обеда сделала все свои дела»; эрз. *Обедс учонь ялгам эсе* [Сятко, 2012, 2, с. 70] «До обеда ждал друга»; *Кавто чис сась* церынкесь кудов [Там же, 6, с. 37] «На два дня приехал мальчик домой»;

б) время продолжительности действия: мокш. *Алятне тусть кудста кафта кизос* [Ларионов, 1962, с. 62] «Мужики ушли из дома на два года»; *Аватне ужнамда меле илядень зарява мянь пялевес нуйхть* [Кирдяшкин, 1989, с. 72] «Женщины после ужина на закате жнут аж до полуночи»; *Васенда Тихон юмсесь ошу фкя недяляс* [Там же, с. 163] «Сначала Тихон пропадал в городе на одну неделю»; эрз. *Черненко энялдсь примамс сонзэ колмошка недляс эстеест эрямо* [Прохоров, 1980, с. 82] «Черненко просил принять его к себе жить недели на три»; *Валскес сад умартне кенерить* [Абрамов, 1957, с. 53] «До утра созреют яблоки»; *Чись а кекшни вень чоподас. Азе ней чокшнес оймсек* [Кадоркин, 1987, с. 37] «Солнце не скроется до ночной темноты. Иди теперь, до вечера отдохни».

Следует отметить, что на продолжительность, длительность действия в данном случае почти всегда указывает числительное, стоящее перед именем существительным. Иллативная форма со значением времени часто сочетается с элативом, указывая при этом на:

а) повторяемость действия во времени: мокш. *Тихононь мялец тона-фнемс касондсь шиста шис* [Кирдяшкин, 1989, с. 63] «Желание учиться у Тихона росло из-за дня в день»; *Минь организацияньке кочксевсь недяляста недяляс, кизоста кизос* [Пинясов, 1983, с. 72] «Наша организация собиралась с недели на неделю, из года в год»; эрз. *Истя вана эрясть ломаттне чиде чис, иеде иес* [Сятко, 2012, 5, с. 8] «Так вот жили люди со дня на день, из года в год»;

б) начало и окончание действия: мокш. *Эрь тундась и сексесь трактористтне работайхть паксяса шобдаваста шобдас* [Бибан, 1962, с. 69] «Каждую весну и осень трактористы работают на поле от темна до темна»; *Шобдаваста илядьс кулевсь цехса Максимть кайги вайгялец*

[Ларионов, 1989, с. 169] «С утра до вечера слышался в цехе громкий голос Максима»; эрз. *Чоподадо чоподас важоды Коля паксясо* [Радин, 1985, с. 73] «От темна до темна Коля работает в поле»;

8) глагольные словосочетания с именами существительными в форме пролатива. Со значением времени пролатив в мордовских языках употребляется редко. С этим значением он встречается лишь в тех случаях, когда в семантике имени наличествует признак времени, указывая при этом на момент совершения действия: мокш. *Тя порава морасть ни нармоттне* [Ларионов, 1989, с. 26] «В эту пору пели уже птицы»; эрз. *Сеянть марто Яхим сыргась зорява, штобу кияк аволизе нее* [Коломасов, 1989, с. 163] «С козой Яхим собрался на заре, чтобы никто его не видел»; *Пока машинанть эйстэ кекинешь, пока пиземеде кекинешь, кудов пачкодсь чоподава* [Там же, с. 82] «Пока прятался от машины, пока прятался от дождя, домой дошел в потемках»;

9) глагольные словосочетания с наречиями: Синтаксические функции временных наречий во многом определяются отношением к глаголу, точнее – степенью участия в обозначении признаков действия – явления, выражаемого глаголом.

Именно в связи с этим в ряде исследований и общих пособий наречия подразделяются на определительные (качественные), изобразительные и обстоятельственные, которые указывают на внешние условия протекания действия (пространство, время, причина и пр.).

Таким образом, наречия времени принято относить к группе обстоятельственных наречий, означающих время, в которое совершается действие. Словосочетания, выражающие временные отношения в глагольных сочетаниях с наречиями широко употребительны и со стороны глаголов лексически не ограничены. Порядок слов в словосочетаниях этой группы свободный: мокш. *А модать ланга кунара ни аськолясь тундась* [Кузнецов, 1979, с. 35] «А по земле давно уже шагала весна»; *Паксятне куро́к ердасазь акша орснон, тердьсазь сокайснон-видиснон* [Там же, с. 36] «Поля скоро сбросят свои белые одеяния, позовут земледельцев»; *Шить пизесь пизем, а илять лиссь шинясь* [Там же, с. 68] «Днем шел дождь, а вечером вышло солнышко»; эрз. *Веть ютась пиземе, вармась еше эзизе чукаде чувтнэнь прясто начконтъ* [Щеглов, 1960, с. 38] «Ночью прошел дождь, ветер еще не успел стряхнуть капельки с деревьев»; *Синдезь чувтынеськак тунда вельми, нолды тарадт, карми пижелдомо чинть каршо* [Чесноков, 1974, с. 36] «Даже сломанное деревце оживает весной, пускает ветки, будет зеленеть на солнце».

Рассмотрев глагольные словосочетания с временными отношениями, мы пришли к выводу, что самой продуктивной падежной формой, служащей для выражения данных отношений в мордовских языках, является элатив. Другие же падежи, как местные, так и субъектно-объектные, на

обстоятельства времени указывают реже. Названные конструкции с наречиями, а также послеложные конструкции распространены и употребительны. При рассмотрении пространственных и временных отношений мы опирались на ряд исследований, а именно Н. А. Щанкиной, но мы внесли некоторые уточнения, которые можно проследить из примеров данной работы.

2.2.2.4 Словосочетания, выражающие причинные отношения

Наряду с разнообразными и широко употребительными словосочетаниями, выражающими пространственные и временные отношения, значительной распространенностью в современных мордовских языках характеризуются синтаксические конструкции других, более отвлеченных значений. К ним относятся глагольные словосочетания с причинными отношениями. Разнообразные причинные отношения выражаются:

1) с именами существительными в форме каузатива в мокшанском и генитива указательного склонения в эрзянском языках: мокш. *Цебярьста рабатаманкса директорсь азсь оцю спасибо цератненди* [Пинясов, 1955, с. 37] «За хорошую работу директор поблагодарил парней»; *Азонкинеше атызе, кода мокшетне эрсесть инголе, сире пингоня, кода моданкса баярхнень каршес русне, мокшетне тюренкинешть марса* [Безбородов, 1990, с. 23] «Дедушка рассказывал, как жила мордва в старое время, как боролись за землю вместе и русские, и мордва»; *Мораманкса цераняти венептихть ярмакт, и кишморяй эсост, аф ваны лангозост* [Девин, 1969, с. 163] «За пение дают мальчику деньги, а он мнет их, не смотрит на них»; – *Визьксцевок аш, Татю, пиненкса шаба пикссят* [Пинясов, 1966, с. 26] «– У тебя нет и совести, Таня, бьешь ребенка из-за собаки»; эрз. *Шнамонть Палькань превензэ чаракадсть* [Глухов, 1974, с. 21] «От похвал у Павлика закружилась голова»;

2) с именами существительными в форме родительного падежа в мокшанском языке и именительного в эрзянском с послелогом мокш. *инкса*, эрз. *кис* «из-за, через»: мокш. *Клим Петрович потмова кяжисясь учительницать лангс и анок ульсь сюцемс валонзон инкса* [Макулов, 1960, с. 41] «Клим Петрович рассердился на учительницу и готов был отчитать за ее слова»; *Мон кельгса, велезень, сонь паксянзон, луганзон, сонь марнек мазышини инкса* [Кудашкин, 1996, с. 68] «Я люблю свое село, его луга, поля, за его красоту»; *Авардемани инкса Петянь ашезь сяве мархтост* [Глухов, 1974, с. 26] «Из-за плача не взяли Петю с собой»; *Кода и ломанць, нармонць эряй цебярь тевони инкса* [Пинясов, 1983, с. 59] «Как и человек, птица живет ради добрых дел»; эрз. *Лайши менелесь, Сурась аварди чавозь прятнень кис, конат максизь эсь народост кис* [Радаев, 2008, с. 71] «Рыдает небо, плачет по погибшим, которые сложили головы и за

народ»; *Лемензе кис ансяк кирдить а ламо скотина* [Сятко, 1998, 3, с. 48] «Из-за названия только держат немного скотины»;

3) с именами существительными в родительном падеже и послелогом мокш. *эзда*, эрз. *кисэ* «из-за, от»; мокш. *Лятфнематнень эзда мезень-бди лямбоня етась Степанонь седива* [Кишняков, 1985, с. 72] «От воспоминаний что-то теплое прошло через сердце Степана»; *Увфть эзда кальдявста марайне эсь вайгялезеньге* [Радин, 1983, с. 36] «Из-за шума плохо слышал даже свой голос»; *Кенярдемать эзда полафтсь Анять шамац* [Девин, 1969, с. 37] «От радости изменилось лицо Ани»; эрз. *Паро работанть кисэ Кузьмань казизь орденса* [Прохоров, 1978, с. 69] «За хорошую работу наградили Кузьму орденом»; *Максим леляй, арась мелем тонь покордамс, ульть тонгак церакс, ванынь, тейтеренть кисэ пелят, ней ванст эйсэнзэ* [Раптанов, 1933, с. 30] «Дядя Максим, нет у меня желания тебя обидеть, был и ты молодым, смотрю, боишься из-за дочери, вот и охраняй ее»; *Мишк тень вейкенть, питненть кисэ а аштян, зяро вешат, зняро максан* [Абрамов, 1957, с. 153] «Продай мне одного, из-за цены не постою, сколько спросишь, столько и дам»; *Реченть кисэ сась кирдемс Щиблетовонть знярошка майсемат* [Сятко, 1998, 4, с. 82] «Из-за «речи» пришлось выдержать Щиблетову много мучений»; *Те сепоманть кисэ эзизь вечкиак Танянь велесэ* [Абрамов, 1980, с. 262] «Из-за обмана не любили Таню в селе».

В глагольных словосочетаниях с причинными отношениями самыми продуктивными оказались конструкции с послелогам.

2.2.2.5 Словосочетания, выражающие целевые отношения

Словосочетания, выражающие целевые отношения, характеризуются сравнительно небольшой употребительностью. Тем не менее они занимают определенное место в синтаксической системе мордовских языков и заслуживают особого внимания и изучения.

Словосочетания с целевыми отношениями неоднородны по своим структурно-функциональным признакам. Не все они получили достаточную разработку на большом фактическом материале и всестороннюю характеристику.

Целевые значения в глагольных словосочетаниях выражаются:

1) инфинитивом: мокш. *Егор Семеновичень эса учсть кудса завтра-кама* [Абрамов, 1980, с. 63] «Егора Семеновича ждали дома завтракать»; *Сидеста шабатне сашендыхть тя прудти калонь кундама* [Пинясов, 1985, с. 58] «Часто дети приходят на этот пруд на рыбалку»; *Максим тячи изь сашенда обедама* [Мишанина, 1992, с. 47] «Максим сегодня не приходил обедать»; эрз. *Эрзянь велентень Гриша ды Вова озасть оймсеме*

[Беззубова, 1958, с. 15] «В эрзянском селе Гриша и Вова сели отдохнуть»; *Максим сась фермасто обедамо* [Сятко, 1998, 4, с. 63] «Максим пришел с фермы на обед»; *Максим чиремсь диван лангс, цератне лиссть таргамо* [Там же, с. 74] «Максим лег на диван, сыновья вышли покурить»;

2) с именами существительными в форме иллатива: мокш. *Сембе курнясь сашенды тя эшиняти ведьс* [Пинясов, 1980, с. 92] «Вся улица приходит к этому колодцу за водой»; *Молеме весть Дружокть мархта пангс тиче порав* [Пинясов, 1985, с. 71] «Пошли мы раз с Дружком за грибами в сосновый лес»; *Алда баба кучсыне стирензон танцти ягодас, кстыняс* [Мокша, 1998, 5, с. 38] «Пошлет бабушка своих дочерей за вкусной ягодой, земляникой»; эрз. *Мольсть тейтернетне вирев умарьс* [Сятко, 1998, 4, с. 69] «Шли девочки в лес за яблоками»; *Сергей симсь пси ловсодо, оринешь ды тусь калс* [Там же, 5, с. 93] «Сергей попил горячего молока, оделся и пошел за рыбой»;

3) с именами существительными в форме каузатива: мокш. *А мон модамарьянкса якань* [Макулов, 1960, с. 38] «А я ходила за картошкой». *Трактористсь путозе тракторть кить крайс и тусь запчастенкса мастерскои* [Пинясов, 1966, с. 26] «Тракторист оставил трактор на краю дороги и пошел за запчастями в мастерскую»; *Тядязе якась бохаряму капстанкса и салыяфтф куяронкса* [Пинясов, 1985, с. 72] «Моя мать ходила в погреб за капустой и солеными огурцами»; *Магазину якаме тетраденкса* [Мокша, 1998, 3, с. 38] «Ходили мы в магазин за тетрадями».

Рассматривая словосочетания с каузативом, мы должны отметить, что в эрзянском языке этой падежной формы нет. В ее значении выступает именительный или родительный падеж с соответствующими послелогоми.

4) с именами существительными в именительном и родительном падежах и послелогом мокш. *мельгя*, эрз. *мельга* «за»: *Тячи якаме омба вели ветеце класса тонафнемань учебник мельгя* [Пинясов, 1955, с. 28] «Сегодня мы ходили в другое село за учебниками для пятого класса»; *Кизонда минь якатама вири лекарственной растения мельгя* [Мокша, 1998, 3, с. 16] «Летом мы ходим в лес за лекарственными растениями»; *Ширдень ломаттненди исть мярьгонде якамс панга мельге заповеднику* [Пинясов, 1985, с. 173] «Посторонним запрещали ходить в заповедник за грибами»; эрз. *Сыргакинось Катя кстый мельга* [Сятко, 1998, 3, с. 59] «Собиралась Катя в лес за земляникой»; *Коля сась больницяв Верань мельга* [Радин, 1963, с. 21] «Коля приехал в больницу за Верой»;

5) с именами существительными в форме генитива и послелогом: мокш. *инкса*, эрз. *кис, кисэ* «за, ради»: мокш. *Артур Матвеевич тюрсь поэзиянц инкса, сонь панжада ваймоц инкса* [Мокша, 1998, 4, с. 41] «Артур Матвеевич боролся ради поэзии, за его чистую душу»; *Паша тюри мирть инкса* [Пинясов, 1966, с. 37] «Паша борется за мир»; *Аня тусь Верань шабанц инкса* [Девин, 1969, с. 72] «Аня пошла за ребенком Веры»;

эрз. *Родинань кис тюремс эряви эрьва ломанень* [Прохоров, 1980, с. 161] «За Родину бороться надо каждому человеку»: *Кис лездаволь, аздаса ко- дамо питне пандовлинь пичкаман кисэ* [Радин, 1983, с. 58] «Кто-бы помог мне, не знаю какую цену заплатил бы ради здоровья»; *Вейсень темень кисэ Коля тусь контора* [Прохоров, 1985, с. 59] «Ради общего дела Коля зашел в контору»;

б) с именами существительными в форме номинатива и генитива и послелогом мокш. *колга, кувалма*, эрз. *кувалт* «по, по поводу, ради»: мокш. *Якань ялгазенди инжикс оцю тевоень колга* [Пинясов, 1955, с. 25] «Ходил к своему другу в гости по поводу важного дела»; *Мон сань тейть важнай тевоень колга* [Макулов, 1960, с. 38] «Я пришел к тебе по важному делу»; *Мон сань ширезот церазень тонафнеманц кувалма* [Мокша, 1998, 4, с. 15] «Я пришел к тебе по поводу учебы моего сына»; эрз. *Мон сынъ вейке тев кувалт* [Сятко, 1998, 2, с. 88] «Я пришел ради одного дела»;

7) глагольные словосочетания с наречиями. Этот тип словосочетаний в мордовских языках мало употребителен, то есть он встречается редко. Например: мокш. *Эряскодомшовор аф нарошна Тихон кафцьке кядензон мархта фатязе Марянь мяште видева* [Кирдяшкин, 1989, с. 163] «Второпях не нарочно Тихон двумя руками обхватил Марию».

2.2.2.6 Словосочетания, выражающие определительно-обстоятельственные отношения

Глагольные конструкции с определительно-обстоятельными отношениями в мордовских языках встречаются довольно часто. В данных словосочетаниях зависимым компонентом выступают имя существительное (с послелогом и без), наречия и деепричастия. Например: мокш. *етась тяфта*, эрз. *ютась истя* «прошел так»; мокш. *ардомс ластя*, эрз. *ардомс ласте* «ехать верхом»; мокш. *корхтамс пейдезь*, эрз. *кортамс пейдезь* «говорить смеясь».

Глагольные словосочетания с определительно-обстоятельными отношениями выражаются:

а) существительными в форме инессива: мокш. *Тя ломанць сембе тевоонзон тиендьсыне лямбе кядьса, арьсесыне оцю седиса* [Ларионов, 1962, с. 40] «Этот человек все свои дела делает теплыми руками, обдумывает с большим желанием»; эрз. *Нетъ чувтнэ усксезь тестэ колхозонь алашасо* [Эркай, 1991, с. 48] «Эти бревна вывезены отсюда на колхозных лошадях»; *Перть-пельга весе эрицятне шныть паро теვენзэ, шнамо валсо вастыть-ильтитъ* [Там же, с. 62] «Вокруг все жители хвалят его хорошие дела, похвальным словом встречают-проводжают его»;

б) существительными в форме абессива: мокш. *Картузфтома пряц*

пиндолдсь шить каршеса [Ларионов, 1989, с. 59] «Его голова без фуражки блестела на солнце»; *Ефим ятя удось тячи онфтома* [Мокша, 1998, 5, с. 46] «Дед Ефим сегодня спал без сновидений»; *Вирьхне ащесть лопафтома* [Там же, 4, с. 28] «Леса стояли без листьев»; эрз. *Зярдо чийсь сонензэ Михаил, Ваня ульнесь прок ежовтомо* [Эркай, 1991, с. 69] «Когда к нему подбежал Михаил, Ваня был словно без памяти»; *Тетявтомо, аванзо марто эри Анка* [Там же, с. 29] «Без отца, с матерью живет Анка»;

в) существительными с послелогоми мокш. *вельде*, эрз. *вельде* «посредством, по, за, с»: мокш. *Аньцек телефон вельде Порговти савсь корхтамс Салмовть мархта* [Ларионов, 1989, с. 62] «Только по телефону пришлось Поргову поговорить с Салмовым»; *Пикскя вельде етазь шабатне вишкста шуди ляйт* [Мокша, 1998, 3, с. 58] «По веревке прошли дети через быстро текущую реку»; эрз. *Кортынть комбинатонь директорнь марто телефон вельде* [Сятко, 1998, 5, с. 81] «Я разговаривал с директором комбината по телефону»;

г) существительными с послелогоми мокш. *пачк*, эрз. *пачк* «через, сквозь»: мокш. *Минь прязонк щафтоме сеткат, кядезонк – брезонтонь перчаткат, но синь (сяськне) сускондомазь сеткатыке пачк* [Левчаев, 1959, с. 73] «Мы на головы надели сетки, на руки – брезентовые перчатки, но они (комары) жалили нас и через сетку»; *Туста вирьхненъ пачк пачкотькини шинясь нарняти* [Кузнецов, 1979, с. 58] «Через густые леса доходит солнышко до травы»; эрз. *Кизна эйкакштнэ, будто дозорсо, ашитть ды ваныть вальматненъ пачк* [Кадоркин, 1979, с. 47] «Летом дети, как-будто на дозоре, стоят и смотрят через окна»;

д) существительными с послелогоми мокш. *каршес*, эрз. *каршо*, «против»: мокш. *Ефси алга паксятненъ ширде варматненъ каршес саворня лийсть ошу грацне, пьсьмархне, чавкатне* [Ларионов, 1980, с. 92] «Совсем низко с полей против ветра медленно летели в город грачи, скворцы, галки»; эрз. *Но Сергей Андреевич а мельсэ чаравтсь шержев прянзо, ды весемева неавсь: моли эсь мелень каршо* [Абрамов, 1957, с. 261] «Но Сергей Андреевич недоволен покачал седой головой и по всему было видно: идет вопреки своему желанию»;

е) наречиями: мокш. *Тяфта етнестъ шитне-ветне* [Сайгин, 1988, с. 62] «Так проходили дни и ночи»; *Микита лиссь ульцяв, да кода-бди теждялгодсь седиец* [Девин, 1982, с. 82] «Микита вышел на улицу и как-то стало легче у него на душе»; *Кода арьсезь, станя и тисть* [Тяпаев, 1979, с. 41] «Как надумали, так и сделали»; *Эста тевсь лиякс шарксты* [Ларионов, 1980, с. 83] «Тогда дело обернется по-иному»; *Кода мянь Москуву пачфтят эшелонца лямбе?* [Пинясов, 1966, с. 58] «Как до самой Москвы довезешь в эшелоне тепло?»; *Монга содаса, кода сяда курок кундамс келаськят* [Левчаев, 1959, с. 82] «Я тоже знаю, как быстрее поймать лисичку»; эрз. *Полавтызь морост виртнеяк, лиякс увныть пичетне*

[Чесноков, 1974, с. 96] «И леса сменили свои песни, и сосны шумят иначе»; *Виресь кармась шалнома* *кода-бути лиякс*, *аволь истя*, *кода шалнось пиземеденть* [Абрамов, 1964, с. 301] «Лес стал шуметь как-то иначе, не так, как шумел от дождя»; *Алкукс*, *тевесь лиссь истя*, *кода арсесь Степа* [Абрамов, 1980, с. 217] «Действительно, дело пошло так, как думал Степа»;

ж) деепричастиями: мокш. *Фекла озась эземти и ужяльдезь ванць Митреень лангс* [Мокшони, 1990, с. 58] «Фекла села на лавочку и с жалостью смотрела на Митрея»; *Розь паксать вармась кельгсезь сюдеряй* [Малькин, 2003, с. 78] «Лаская, ветер гладит ржаное поле»; *Федоторясь виздезь анась симомс ведня* [Кирдяшкин, 1989, с. 93] «Жена Федота, стесняясь, попросила попить водички»; *Од ловня пухокс шарозь прай, и лямбоньфнесы ушениц* [Малькин, 2003, с. 64] «Падает свежий снежок, пушинками кружась, и на улице теплеет»; эрз. *Степа нувсезь карсинзе пильгензэ, оршизе пиджаконзо ды тусь чамань апак шля* [Абрамов, 1957, с. 70] «Степа, подремывая, обулся, надел пиджак и пошел, не умывшись»; *Чо-подаванть Степа мольсь пупорькинезь* [Там же] «В темноте Степа шел спотыкаясь»; *Тяят-цера т ярсась чатьмонезь* [Там же, с. 152] «Отец с сыном ели молча».

Рассмотрев глагольные словосочетания в мордовских языках с обстоятельственными отношениями, можно сказать следующее: из перечисленных групп словосочетаний самыми распространенными являются глагольные словосочетания с пространственными отношениями. Зависимый компонент в форме пространственных падежей может выражать: место совершения действия, место, куда направлено действие и откуда направлено действие.

Глагольные словосочетания с временными отношениями, так же, как и с пространственными отношениями, имеют большое распространение. В названных словосочетаниях в роли главного компонента могут выступать глаголы с любым значением, а в роли зависимого – имена существительные и наречия, служащие для обозначения отрезков времени, периоды, то есть понятия, связанные с определенным периодом времени.

Наименее распространенными и употребительными являются глагольные словосочетания с причинными и целевыми отношениями. Глагольные словосочетания с определительно-обстоятельственными, а также меры и степени в мордовских языках встречаются довольно часто.

Глава 3

ТИПЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ СЛОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

3.1 УПРАВЛЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ СВЯЗИ СЛОВ

Управление – такой вид подчинительной связи, при котором подчиненное слово принимает форму того или иного падежа в зависимости от грамматических возможностей господствующего слова и выражаемого им значения.

Вопрос об управлении имеет большую историю, он неоднократно освещался во многих работах [Скобликова, 1971, с. 167; Ведерников, 1961, с. 56 и др]. Но тем не менее до настоящего времени в современной науке о языке весьма неодинаково определяется сам объем явлений, относящихся к различным типам связи слов в словосочетании, и прежде всего к управлению.

Разногласия в понимании и, следовательно, определении управления в современной лингвистике сводятся к попытке преодоления различными путями основного противоречия традиционного взгляда на сущность управления. Традиционное понимание управления, идущее от грамматик 19 века через «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского, заключается в том, что практически под управление подводятся все случаи употребления имен существительных с послелогоми или без них, хотя теоретический факт управления определяется тем, что главное слово требует от зависимого конкретной формы. Это противоречие вызвало неоднократные попытки уточнения как термина «управления», так и двух его разновидностей: сильного и слабого. Таким образом, в современном языкознании сложилось два понимания управления: «широкое» и «узкое».

А. А. Потебня считал, что под управлением «следует понимать только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого» [Потебня, 1958, с. 120].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечал дополнения, которые «только примыкают к глаголу, состоят при нем, а не управляются им непосредственно, не обуславливаются ни лексическим значением глагола, ни его залоговой формой, ни характером целого оборота» [Овсяннико-Куликовский, 1962, с. 239].

А. М. Пешковский, стараясь удержать все именные формы в статусе управляемых, использует термины сильного и слабого управления. Вводя эти понятия, ученый ориентируется на степень спаянности глагола и зави-

симых от него падежных и предложно-падежных форм: «под сильным» управлением мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, словарной или грамматической стороной глагола, с другой, есть необходимая связь» [Пешковский, 1956, с. 61].

Е. С. Скобликова пишет, что «управление нужно определить как употребление подчиненного слова в косвенном падеже для передачи определенных значений» и что «наиболее точно специфика управления определяется лингвистами, подчеркивающими предметный характер устанавливаемых управлением смысловых отношений» [Скобликова, 1971, с. 26].

Е. В. Кротевич считает, что «выделение сильного и слабого управления не имеет под собой грамматического основания и ничего не дает для выяснения специфики управления как одного из способов грамматической связи слов», потому что вопрос о сильном и слабом управлении имеет непосредственное отношение к области семантики, смысловой сочетаемости слов» [Кротевич, 1959, с. 16].

Эта мысль ярко выражена и у Е. С. Скобликовой: «Различия, связанные с «силой» управления, не отражаются на грамматической форме управляемого слова: она не реагирует на эти различия. И, естественно, неправомерно видеть разные синтаксические приемы там, где именно синтаксический характер соотношения с предметом выражается одинаково» [Скобликова, 1971, с. 67].

М. Д. Лесник считает, что управление есть только там, где «употребление косвенного падежа имени существительного (или любого субстантивированного слова) вызывается лексическим значением или грамматическими особенностями господствующего слова» [Лесник, 1957, с. 47]. Автор отмечает, что выделение сильного и слабого управления следует считать целесообразным, так как оно соответствует фактам языка. Сильное управление М. Д. Лесник видит там, где главное слово требует для раскрытия полноты своей определенной формы косвенного падежа. Данная падежная форма обусловлена лексическим или грамматическим значением главного слова, его морфологическим строением или традиционностью употребления.

При слабом управлении, по мнению М. Д. Лесник, глагол в зависимости от своего лексического значения может иметь различные варианты падежных форм, одна из которых выбирается в каждом отдельном случае.

В. П. Малащенко, опираясь на высказывания С. Д. Кацнельсона [1948, с. 132], В. Г. Адмони [1958, с. 111], Л. Д. Чесноковой [1968, с. 86], считает, что способность глагола подчинить словоформы с объектным или обстоятельственным значением можно рассматривать как его семантиче-

скую валентность или семантическую сочетаемость. Наличие и взаимодействие определенных грамматических значений глагола, а также некоторых особенностей его морфологической структуры обуславливает семантическую сочетаемость этой части речи, то есть выбор зависимых компонентов, имеющих определенные значения и соответствующим образом оформленных» [Малашенко, 1972, с.180].

Ю. Д. Апресян считает, что «силу управления можно установить лишь при учете значения главного слова словосочетания. Определение факта управления через частотность появления зависимой падежной формы и предложно-падежной формы в тексте сомнительно и потому, что при сочетании слов действуют не только грамматические факторы, но и экстралингвистические» [Апресян, 1964, с. 32].

Мы, учитывая взгляды исследователей русского языка, в мордовских языках считаем целесообразным выделение сильного и слабого подтипов управления. Иначе говоря, употребление зависимого слова в той или иной падежной форме с послелогом или без него может определяться или лексико-грамматическим значением опорного слова (компонентом), или смыслом высказывания в целом. В зависимости от этого различают сильное и слабое управление.

При *сильном управлении* зависимое слово в той или иной падежной форме с послелогом или без него появляется по требованию главного слова: мокш. *кундамс калхт*, эрз. *кундамс калт* «ловить, поймать рыбу»; мокш. *рамамс книга*, эрз. *рамамс книга* «кипит книга»; мокш. *таргамс сарда*, эрз. *таргамс сардо* «вынуть занозу»: мокш. *Платон таргась зепстонза кишня* и *венептезе пиненяти* [Сайгин, 1988, с. 90] «Платон вытащил из кармана кусочек хлеба и дал собачке»; эрз. *Таня таргась зепстэнзэ печеният ды конфеткат*, *максынзе эйкашонть*, *тона сеске лоткась авардемеде ды мизолдозевсь* [Абрамов, 1980, с. 318] «Таня вытащила из кармана печенье и конфеты, отдала ребенку, тот сразу же перестал плакать и улыбнулся».

При сильном управлении наблюдается регулярное появление при главном слове строго определенной управляемой формы (или форм). Эта связь – обязательная с точки зрения лексико-грамматических свойств главенствующего слова. Сильное управление мы наблюдаем прежде всего в сфере глагольных словосочетаний. При обязательной связи главное слово требует постановки зависимого в определенной форме. Обязательность связи возникает в том случае, если стержневое слово само по себе или в составе определенной конструкции характеризуется лексической, лексико-грамматической, грамматической (или структурной) недостаточностью или многозначностью и нуждается в конкретизации.

При *слабом управлении* зависимое слово в той или иной падежной форме с послелогом или без него предопределяется только принадлежно-

стью опорного слова к определенной части речи, независимо от морфологических характеристик и морфемного состава: мокш. *морамс нюдиса*, эрз. *морамс вешкемасо* «играть на дудке»; мокш. *сявомс кстыс*, эрз. *саемс кстыйс* «взять по ягоды»; мокш. *работамс узерьса*, эрз. *роботамс узересэ* «работать топором»; мокш. *Тя праздник ииня кит гуляндайхть, а кит обедта меле тюрихть клокса* [Кирдяшкин, 1989, с. 217] «В этот праздничный день кто гуляет, а кто после обеда дерется кулаками»; эрз. *Светлана ношкстась залов*, кенкиш *лангсо эшкевсь тетяньстэнь* [Абрамов, 1980, с. 201] «Светлана бросилась в зал, у дверей столкнулась с отцом».

При слабом управлении оформляется факультативная связь, когда главное слово допускает постановку зависимого слова в определенной форме.

В качестве управляемого слова всегда бывает существительное или его эквивалент: мокш. *вачкодемс байдекса*, эрз. *вачкодемс палкасо* «ударить палкой»; мокш. *кундамс нармонь*, эрз. *кундамс нармунь* «поймать птицу»; мокш. *сявомс кафта*, эрз. *саемс кавто* «получить два»; мокш. *штамс вальмя*, эрз. *шлямс вальма* «мыть окно»; мокш. *кирдемс ведьфтома*, эрз. *кирдемс ведьвтеме* «выдержать без воды»; мокш. *марямс кашторф*, эрз. *марямс кашторкс* «слышать шорок»; мокш. *сявомс ялгазень кядьста*, эрз. *саемс ялгам кедьстэ* «взять у друга (моего)»; мокш. *лазондомс пенгат*, эрз. *лазномс пенгть* «колоть дрова»; мокш. *лопафтомс марьхть*, эрз. *чапавтомс умарть* «мочить яблоки».

Управление в мордовских языках может быть непосредственным или падежным и опосредственным, или послеложным. Такое различие в управлении наблюдается и в других финно-угорских языках, как например, в венгерском, эстонском, марийском.

Непосредственное управление. При непосредственном управлении зависимое слово употребляется без предлога. Здесь между компонентами глагольного словосочетания при этом устанавливаются различные отношения: мокш. *таргамс ведьста*, эрз. *таргамс ведьстэ* «вытащить из воды»; мокш. *илядомс аляфтома*, эрз. *кадовомс тетявтомомо* «остаться без отца»; мокш. *виздемс ломаньда*, эрз. *виздемс ломанде* «стесняться людей»; мокш. *марямс куля*, эрз. *марямс куля* «слышать новость»: мокш. *Вадиморясь максозе пешуфтанц авозенцты, етась шрать ваксс и сюконясь пульзьяда* [Кирдяшкин, 1989, с. 153] «Жена Вадима отдала ухват своей све-крови, прошла к столу и помолилась»; мокш. *Федя явозень почфнень палыхненди* [Там же, с. 204] «Федя раздал муку погорельцам»; эрз. *Николай Петрович корштаксь весть- кавксть чай ды велявтсь Феликснэнь* [Абрамов, 1971, с. 59] «Николай Петрович глотнул раза два чая и повернулся к Феликсу»; *Мирдесь ды нись лиссть удалце комнатав, кадызь тейтерт-нень* [Абрамов, 1980, с. 310] «Муж с женой вышли в заднюю комнату, оставили детей».

Опосредственное управление. Опосредственное управление в мордовских языках наблюдается в основном в глагольных словосочетаниях, где зависимый компонент выражен послеложной конструкцией. При послеложном управлении между компонентами словосочетания обычно имеют:

1) объектные отношения: мокш. *корхнемс ялга мархта*, эрз. *кортнемс ялго марто* «разговаривать с другом»; мокш. *арьсемс нумолть колга*, эрз. *арсемс нумолонть эйстэ* «думать о зайце»; мокш. *Илья ламос арьсесь самста Настянь колга* [Пинясов, 1985, с. 116] «По дороге Илья долго думал про Настю»; *Анна Петровна аватнень мархта кафта шит лисендсь работама* [Макулов, 1960, с. 48] «Анна Петровна вместе с женщинами два дня выходила на работу»; эрз. *Тимофеев боецэнзэ марто сыр-гась танкатнень мельга* [Прохоров, 1980, с. 71] «Тимофеев со своими бойцами пошел за танками»; *Монсяк тень кувалт арсян-мелявтан* [Радаев, 2008, с. 97] «И сам я об этом думаю-печалюсь»;

2) обстоятельственные отношения: мокш. *эрымс панда ала*, эрз. *эрымс пандо ало* «жить под горой»; мокш. *работамс обедта меле*, эрз. *работамс обедтэ мейле* «работать после обеда»; мокш. *Дуня кандозе пачать шра лангс, сон алнек – вярнек туюся, рязфкя, пухокс ащи ляпе, краенза мянтьфт вяри* [Кирдяшкин, 1989, с. 82] «Дуня принесла блин на стол, он весь желтый, прожарен, мягкий, как пух, края согнуты вверх»; *Маря шаштсь ефси Тишкань ваксс, сязозе види кяденц и кармась кафцьке кядензон мархта каписема сонь суронзон, а сонць трнаты* [Там же, с. 153] «Мария подвинулась ближе к Тихону, взяла его правую руку и стала двумя руками щупать его пальцы, а сама волнуется»; эрз. *Вася озадо аштесь столь экисэ ды чулгонесь чиньжарамо видьмеде* [Абрамов, 1957, с. 282] «Вася сидел около стола и грыз семечки»; *Наста каясь пси ям, путынзе тейтеренть икелев, керсесь киши ды озась ваксозонзо* [Абрамов, 1980, с. 68] «Настя налила горячие щи, поставила перед девушкой, нарезала хлеб и села возле нее».

Заимствованные слова, вступая в семантическое взаимодействие с мордовскими словами, приобретают управляемые формы, характерные для мокшанских и эрзянских слов: мокш. *братта явомс*, эрз. *братто явомс* «отделиться от брата»; мокш. *уендемс берякта берякс*, эрз. *уйнемс берексто берекс* «плавать от берега до берега»; мокш. *сермадомс пераса*, эрз. *сермадомс перасо* «писать пером».

3.2 ПРИМЫКАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ТИП СВЯЗИ СЛОВ

Примыкание – это такой тип связи, при котором подчиненность одного слова другому выражается не только местоположением первого, порядком слов, но и прежде всего смыслом; других грамматических выразителей связи не может быть, так как примыкают неизменяемые формы и части речи. Определяющее слово связывается с главным по смыслу.

Примыкание как особый тип связи был выделен позднее из согласования. А. Х. Востоков впервые отметил отличие связи неизменяемых слов от управления и включил ее в согласование. Ф. И. Буслаев [1959, с. 273] выделил примыкание в самостоятельный тип связи, хотя и не дал ему названия. Термин «примыкание» был введен Д. Н. Овсянико-Куликовским [1962, с. 254].

Большинство современных ученых вслед за В. В. Виноградовым относят примыкание к подчинительной связи. Примыканием называется такой вид подчинительной связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения.

В отличие от вышеназванных исследователей Г. А. Золотова примыкание выносит за рамки подчинительной связи, противопоставляя его, наряду со сложением, управлению (в весьма узком понимании) и согласованию, считая, что только последние составляют две разновидности подчинения, создающего словосочетание [Золотова, 1973, с. 351]. Она объясняет это тем фактом, что в случаях примыкания и сложения сочетания слов характеризуются односторонностью.

Л. К. Чикина выражает сомнение относительно тезиса об односторонней связи. Наиболее типичной частью речи, вступающей в связь примыкания, является наречие. Оно по своей природе обладает несамостоятельным характером выражаемых грамматических значений. Поэтому, вступая в связь с другими словами, наречие удовлетворяет потребности не только определяемого слова, но и свои собственные.

Примыканием характеризуются различные словосочетания. В глагольных примыкают:

а) наречия: мокш. *парста работамс*, эрз. *парсте роботамс* «хорошо работать»; мокш. *молемс мазыста*, эрз. *молемс мазыйстэ* «идти красиво»; мокш. *корхтамс лянста*, эрз. *кортамс чевтьстэ* «говорить мягко»; мокш. *мес-бди аф матодован*, эрз. *мекс-бути а матедеван* «почему-то не могу уснуть»; мокш. *сърхкамс куроқта*, эрз. *пурнамс куроқта* «собраться быстро»; мокш. *ваномс ичкози*, эрз. *ваномс васов* «смотреть вдаль»; мокш. *эрымс маласа*, эрз. *эрымс маласо* «жить вблизи»; мокш. *кельмомс пачк*, эрз.

кельмемс пачк «замерзнуть насквозь»; мокш. *Вася сяда теждяста кукфкстсь и варжакстсь перьфпяли* [Левчаев, 1959, с. 129] «Вася более легко вздохнул и оглянулся вокруг»; эрз. *Кинть лангс теевезь рудазонть эйстэ модемс савсь састо* [Абрамов, 1957, с. 82] «Из-за грязи, образовавшейся на дороге, идти пришлось тихо»;

б) инфинитив: мокш. *озасть ваймосема*, эрз. *озасть оймсеме* «сели отдыхать»; мокш. *сърхкась лисемс*, эрз. *сыргась лисемс* «собрался выйти»; мокш. *ушedomс арьсема*, эрз. *ушedomс арсема* «начать думать»; мокш. *лисемс таргама*, эрз. *лисемс таргамо* «выйти покурить»; мокш. *Монга еран тондейть арьсемс оцю паваз, кяжень апак кирнек, кенкищень панчк* [Циликин, 1996, с. 37] «И я хочу пожелать тебе большое счастье, зла не держа, свою дверь открой»; *Тяни, тон Тишка, тонадоть сермадома, лувом* [Кирдяшкин, 1989, с. 59] «Теперь, ты Тихон, научился писать, читать»; эрз. *Коля приказась седе куроосто кучомс гонец* [Сятко, 1998, 4, с. 80] «Коля приказал поскорее послать гонца»;

в) деепричастие: мокш. *неедезь корхтамс*, эрз. *нейдезь кортамс* «говорить смеясь»; мокш. *якай моразь*, эрз. *яки моразь* «ходит поя»; мокш. *шаронды кельгозь*, эрз. *велявтни вечкезь* «крутится любя»; мокш. *поремс коршинезь*, эрз. *чевелямс коршинезь* «жевать прихлебывая»; мокш. *прамс шарозь*, эрз. *велязь прамс* «падать кружась»; мокш. *В. Радин мокшэрзянь писательхнень еткс сувась аф эряскодозь, оцю шумфтома, но эсь виень марязь* [Мокша, 1998, 3, с. 61] «В. Радин в круг мордовских писателей влился не торопясь, без шума, чувствуя свои силы»; эрз. *Наста сельмень сявадозь ваны, кода кишитить од ломантне* [Коломасов, 1989, с. 47] «Настя завидуя, смотрит, как танцует молодежь»;

г) послелого с лично-притяжательными суффиксами: мокш. *озамс мархтонза*, эрз. *озамс мартонзо* «сесть с ним»; мокш. *ащемс вакссонза*, эрз. *аштемс вакссонзо* «стоять около него»; мокш. *тюремс инксонза*, эрз. *тюремс кисэнзо* «бороться ради него»; мокш. *сявомс алдонза*, эрз. *саемс алдонзо* «взять из-под него»; мокш. *Вельхксонк сетьмоняста лиендсь няк оцю карьхциган* [Виард, 1961, с. 35] «Над нами тихо летал огромный ястреб»; *Курооста мусь Степан эстейнза ялгат и кармась мархтост колленкишнema и тонафнema* [Мокшони, 1990, с. 72] «Скоро нашел Степан себе друзей и стал с ними играть и учиться»; эрз. *Михалнэнь марявсь будкась караблякс, кона уйсь келейдеяк келей паксяванть ды ветясь мельганзо паксяс пурнавозь весе виенть. Састь малазонзо* [Эркай, 1991, с. 59] «Михаилу будка казалась кораблем, который плыл по широчайшему полю и вел за собой всю собранную в поле силу. Подошли к нему».

В словосочетаниях, где наречия примыкают к глаголу, первые выступают в качестве его определителей, выражая качество действия, а также всякого рода добавочные указания на обстановку и характер действия, темпоральные, причинные и прочие значения.

Инфинитив выступает в качестве компонента в составе сложного сказуемого, в качестве выразителя прямого объекта и цели действия.

Деепричастия примыкают к глаголу, выражая различного рода добавочные указания на характер и обстановку действия, преимущественно на способ, время и качество действия.

Итак, рассмотрев вопрос о типах связи, мы пришли к такому выводу, что в мордовских языках в глагольных словосочетаниях самый распространенный тип – управление, а примыкание по употребительности занимает следующее место.

3.3 СРЕДСТВА СВЯЗИ СЛОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

В образовании глагольных словосочетаний мордовских языков немаловажную роль играют *средства связи слов*. Грамматические отношения и связи слов в глагольном словосочетании могут выражаться формами зависимых слов, служебными словами, порядком слов, по смыслу.

Важным средством выражения синтаксических отношений и связи слов в глагольном словосочетании является *форма слова*. Все изменяемые слова, вступая в зависимую связь со стержневым словом словосочетания, оформляются аффиксом часто и нулевым. Употребление же тех или других форм подчиненных слов зависит прежде всего от лексических и грамматических свойств глагола: мокш. *рамамс куд*, эрз. *рамамс кудо* «купить дом»; мокш. *сафтомс кяшт*, эрз. *савтомс кежть* «вызвать гнев»; мокш. *сяземс кагодть*, эрз. *сеземс коневонть* «разорвать бумагу»; мокш. *лажадонь ялганенди* «соскучился по товарищам»; эрз. *радовась ломанентень* «обрадовался человеку»; мокш. *усксезь алашаса*, эрз. *усксезь алашасо* «вывозили на лошадях»; мокш. *яфодсь кядьсонза*, эрз. *яходсь кедьсэнзэ* «махнул рукой»; мокш. *ащесть лопафтома*, эрз. *аштесть лопавтомо* «стояли без листьев»; мокш. *эрымс аляфтома*, эрз. *эрымс тетявтомо* «жить без отца»; мокш. *Колмоце шиня Тюляйсь макссь алянцты фкя мо-дамарь* [Мокшони, 1990, с. 72] «На третий день Тюляй своему отцу дал картошку»; *Варжазень-тиезень Савва соканзон-инзаманзон, симдезень алашанзон да тусь тинге фталу корманкса* [Там же, с. 49] «Проверил-поправил Савва свои плуга-бороны, напоил лошадей и поехал за кормом на гумно»; эрз. *Аштетьяно минь Николай Петрович морта колхозонь правлениясо* [Щеглов, 1960, с. 46] «Сидим мы с Николай Петровичем в правлении колхоза».

Средством выражения синтаксических отношений и связи слов большую роль играют служебные слова – *послелог*. Послелог используется при связи именных частей речи с различными падежными формами с предметным и личным значением, с глаголами. Обычно послелог служит средством связи совместно с формой зависимого слова.

При помощи послелогов передаются различные отношения и оттенки этих отношений: мокш. *инамс Ванянь эса*, эрз. *инамс Ванянь эйсэ*

«хвалить Ваню»; мокш. *анттама пинеть эса*, эрз. *андтано кисканть эйсэ* «кормим собаку»; мокш. *канни одежатнень эса*, эрз. *кантли одежатнень эйсэ* «носить одежду» – послелог мокш. *эса*, эрз. *эйсэ* «в, во» с существительным выражает значение прямого объекта;

мокш. *Тя шинельть колга можна книжсканя тяштемс и ефкска азондомс* [Пинясов, 1955, с. 52] «Об этой шинели можно книжку написать и сказку рассказать»; эрз. *Тон мезе арсят те музыканть кувалма, Николай Андреевич?* [Прохоров, 1980, с. 63] «Что ты думаешь об этой музыке, Николай Андреевич?» – послелог мокш. *колга*, эрз. *кувалт* «о, про, насчет» выражает объектные отношения;

мокш. *Федор Михайлович туркс сельмот варжакстсь церанц лагс* [Пинясов, 1985, с. 75] «Федор Михайлович косыми глазами взглянул на сына»; эрз. *Гриша эзь сода, кона кевкстеманть ланг отвечаемс* [Абрамов, 1980, с. 261] «Гриша не знал, на какой вопрос ответить» – послелог мокш., эрз. *лангс* «на» выражает значение прямого объекта;

мокш. *ащемс мода лангса*, эрз. *аштемс мода лангсо* «лежать на земле»; мокш. *пуютомс ира лангс*, эрз. *пуютомс столь лангс* «положить на стол»; мокш. *Шобдаза ведть ланга уйсть акша туматт* [Кузнецов, 1979, с. 38] «По темной воде плыли темные туманы»; *Авдю Волгатъ лангс и степи работама якась аф вестъ ни* [Кирдяшкин, 1989, с. 38] «Авдей на Волгу и в степь ходил на работу не раз уж»; эрз. *Яков атя велявтсь омбоце бока лангс* [Чесноков, 1974, с. 69] «Дед Яков повернулся на второй бок»; *Вариштак, кода чись налкси чопода пиже волнатнень ютксо, кода вармась кияксни суронть ланга* [Эркай, 1991, с. 72] «Посмотри, как солнце играет между темно-зелеными волнами, как ветер скользит по просу» – послелог мокш. *лангса*, эрз. *лангсо* «на», мокш., эрз. *лангс* «на» – участвуют в выражении пространственных отношений;

мокш. *изень яка пиземть инкса*, эрз. *эзинь яка пизементъ кувалт* «из-за дождя не ходил»; мокш. *изень кенере сазорозень инкса*, эрз. *эзинь кенере сазоронъ кувалт* «опоздал из-за сестры»; мокш. *Петр Ильичень солдаттне кельгозь виде ваймешиниц инкса* [Бибан, 1962, с. 70] «Солдаты Петра Ильича любили за его справедливость»; эрз. *Паро роботанть кисэ казизь вадря казнесэ* [Сятко, 1998, 3, с. 37] «Из-за хорошей работы наградили ценным подарком» – послелог мокш. *инкса*, эрз. *кис, кисэ* «из-за» передают причинные отношения;

мокш. *тусь урядама пингста*, эрз. *тусь урядамо пингстэ* «ушел при уборке»; мокш. *сась занятияда меле*, эрз. *сась занятиядо мейле* «пришел после занятий»; мокш. *Омбоце шиня занятияда меле школьникне директорсон и учительсон мархта мольсть фермав ведрашнень примамма* [Макулов, 1960, с. 58] «На второй день после занятий школьники вместе с директором и со своим учителем пошли на ферму на прием телят»; эрз. *Тесэ вана, крепостной праванть пингстэ, лутастъ розгасо кутьмере кедест сокицятнень* [Сятко, 1998, 5, с. 80] «Здесь вот, во время крепост-

ного права, рвали розгами спины пахарей» – послелог *мокш. пингста*, эрз. *пингстэ* «при»; *мокш. меле*, эрз. *мейле* «после» передают временные отношения.

Важным средством связи слов выступает *порядок слов*, который в словосочетании играет грамматическую роль.

По мнению Д. В. Цыганкина, «порядок слов в мордовских языках нельзя считать устоявшимся, твердым порядком слов характеризуются лишь субстантивные словосочетания. Но в ряде случаев он является единственной формой выражения определенных значений, единственным способом выражения определенных значений, единственным способом выражения синтаксических отношений между словами» [Цыганкин, 1975, с. 39].

Как отмечает М. Н. Коляденков, «мордовские языки допускают некоторую возможность изменения порядка слов, но весьма ограниченную, значительно более ограниченную, чем, например, русский язык. В мордовских языках наблюдается обязательный порядок размещения определителей и определяемых слов в субстантивных словосочетаниях, а средством выражения атрибутивных отношений является препозитивное положение определяющего слова по отношению к определяемому» [Коляденков, 1954, с. 13].

В мордовских языках в глагольных словосочетаниях с объектными отношениями, которые устанавливаются не местом следования подчиняемого и подчиняющего слова, а морфологическими признаками глагола и дополнения – имени. Поэтому порядок размещения слов, выражающих объектные отношения, в мордовских языках свободный. Правда, любое перемещение слов при их свободном порядке в предложении вносит особые оттенки в выражаемые ими значения, но эти оттенки не являются изменением основных синтаксических отношений между словами.

Наблюдается, что дополнения группируются вокруг сказуемого – глагола, но они могут находиться от глагола и через одно, два и несколько слов: *мокш. те книгать исяк шиньберьф лувондыне*, эрз. *те книганть исяк чинь перть ловнынь* «эту книгу вчера целый день читал (я)» или *мокш. лувондыне шиньберьф исяк те книгать*, эрз. *ловнынь чинь перть исяк те книганть* «читал (я) вчера целый день эту книгу».

В глагольных словосочетаниях с обстоятельственными отношениями порядок слов относительно свободный. Обстоятельства тяготеют к глаголу, группируются вокруг него но, в зависимости от стилистических особенностей высказывания, могут размещаться в отдалении от глагола: *мокш. ичкозде те отрядсь сась*, эрз. *васолдо те отрядось сась* «издалека этот отряд пришел», или: *мокш. сась те отрядсь ичкозде*, эрз. *сась те отрядось васолдо* «пришел этот отряд издалека».

Рассмотрев средства связи в глагольных словосочетаниях, мы пришли к выводу, что в мордовских языках все перечисленные средства необходимы и обязательны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография посвящена сложной, но вместе с тем актуальной проблеме мордовского языкознания – проблеме словосочетания. Учение о словосочетаниях относится к числу важнейших вопросов современного синтаксиса. Теоретическая разработка проблемы словосочетания и практическое изучение его типов в современных мордовских языках является насущной задачей мордовского языкознания. Без разработки теории словосочетания нельзя создать развернутого учения о синтаксическом строе родного языка.

Противопоставление предложения как коммуникативного средства и словосочетания как номинативного имело принципиальное значение для развития синтаксической теории.

В мордовских языках, как и в других языках, глагольные словосочетания представляют собой один из самых распространенных и употребительных типов.

В финно-угорских языках учение о словосочетаниях стало самостоятельным разделом относительно недавно. Не все вопросы, связанные с различными типами и структурными особенностями словосочетания как отдельной синтаксической единицы, нашли пока исчерпывающее освещение.

Словосочетание, наряду с предложением, является самостоятельной синтаксической единицей, состоящей из двух и более самостоятельных слов и выражающей единое, но расчлененное понятие.

Словосочетание – это синтаксическая категория, таящая в себе национальные особенности одного определенного языка. Поэтому разработка проблемы словосочетания является одной из важных и сложных задач синтаксиса не только мордовских, но и других финно-угорских языков. Предметом синтаксиса словосочетания является изучение структуры, типов словосочетания в том или другом языке, анализ тех синтаксических отношений, которые обусловлены признаками, заключенными в паре связанных между собой слов.

Структура словосочетания обуславливается прежде всего принадлежностью ведущего слова к той или другой части речи, то есть к тому или другому лексико-грамматическому разряду слов. С грамматическим (категориальным) значением, выражаемым той или иной частью речи, неразрывно связан характер отношений и связей слов. В зависимости от лексико-грамматической принадлежности ведущего слова к определенной части речи различают, как известно, словосочетания именные, глагольные и адвербиальные. Поскольку глагол в образовании словосочетаний является одной из активных частей речи, мы в своей работе анализируем глагольный тип словосочетаний. С глаголом могут сочетаться все имена су-

существительные (с послелогом и без), числительные, местоимения, наречия, деепричастия, инфинитив, послелоги с лично-притяжательными суффиксами. Сочетания глагола с именем существительным в мордовских языках представляют собой самый употребительный тип глагольных словосочетаний.

В глагольных словосочетаниях с зависимыми именами выражаются различные объектные отношения. Объектные отношения – это отношения, складывающиеся между компонентами словосочетания, при которых зависимый член обозначает объект, на который направлено действие глагола. Formой выражения объектных отношений является сильное управление, при котором имеется необходимая внутренняя связь между глаголом и управляемым словом.

Глагольные словосочетания с обстоятельственными отношениями в зависимости от семантики подчиненного слова подразделяются на следующие группы:

- 1) словосочетания, выражающие отношения меры и степени действия;
- 2) словосочетания, выражающие пространственные отношения;
- 3) словосочетания, выражающие временные отношения;
- 4) словосочетания, выражающие причинные отношения;
- 5) словосочетания, выражающие целевые отношения;
- 6) словосочетания, выражающие определительно-обстоятельственные отношения.

В мордовских языках глагольные словосочетания с пространственными отношениями являются самыми распространенными. В рассмотренных словосочетаниях между компонентами складываются различные смысловые отношения. Характер этих отношений определяется как управляемой послеложной конструкцией, так и лексическим значением управляющего глагола.

Глагольные словосочетания – такая синтаксическая единица, которая состоит из двух организованных по правилам данного языка слов и в которой главным компонентом выступает глагол. При образовании словосочетаний средством связи между словами в мордовских языках служат: форма зависимого слова, форма зависимого слова в сочетании с послелогом, смысл слов и порядок слов.

В словосочетании компоненты находятся в подчинительной связи – управлении и примыкании. Управление в мордовских языках может быть непосредственным или падежным, и опосредственным, или послеложным.

При непосредственном управлении показателем косвенного падежа оформляется имя существительное или другая часть речи, замещающая существительное, между компонентами устанавливаются объектные и обстоятельственные отношения.

При опосредственном же управлении зависимый член выражается

последующей конструкцией, отношения между компонентами имеют обычно обстоятельственный характер. Глагольные словосочетания с объектными и обстоятельными отношениями отличаются друг от друга по значению и по характеру связи сочетающихся компонентов.

В мордовских языках в глагольных словосочетаниях примыкают наречия, инфинитив, деепричастия и послелоги с лично-притяжательными суффиксами.

Таким образом, словосочетание как отдельная синтаксическая единица имеет в мордовских языках свои специфические структурные, лексико-грамматические особенности. Изучение словосочетания в каждом языке имеет очень важное значение для разработки синтаксических проблем, так как именно в словосочетаниях раскрываются специфические черты одного конкретного языка.

Мы в самой общей форме изложили в заключении те наблюдения и выводы, которые делались нами в процессе анализа собранного и систематизированного фактического материала с учетом наблюдений других исследователей финно-угорских языков. Частные выводы по главам формулировались в процессе изложения. Можно не сомневаться, что дальнейшие исследования уточнят, расширят и дополнят то, что уже сделано, и продвинут вперед разрешение актуальной и сложной проблемы в синтаксисе мордовского языкознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адмони, В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы / В. Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С. 111–117.
2. Альбинский, А. Черемисская грамматика / А. Альбинский. – Казань, 1837. – 330 с.
3. Андуганов, Ю. В. Мут але мутсочетаний? / Ю. В. Андуганов. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1985. – 157 с.
4. Анисимова, О. В. Модальные слова и словосочетания в современном марийском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Анисимова. – Йошкар-Ола, 2007. – 21 с.
5. Апресян, Ю. Д. О сильном и слабом управлении / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1964. – № 3. – С. 32–49.
6. Апресян, Ю. Д. Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1965. – № 5. – С. 51–67.
7. Балакаев, М. Б. Основные типы словосочетаний в казахском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Маулен Балакаевич Балакаев. – Алма-Ата, 1957. – 15 с.
8. Баландина, М. П. Выражение значения времени и места в языках угорской группы / М. П. Баландина // Вопросы советского финно-угроведения «Тезисы докладов и сообщений на 15 конференции по финно-угроведению, посвященные 250-летию АН СССР». – Петрозаводск, 1974. – С. 36–38.
9. Балашша, И. Венгерский язык / И. Балашша. – М., 1951. – 375 с.
10. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 416 с.
11. Баскаков, И. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков / И. А. Баскаков. – М., 1979. – 266 с.
12. Белый, В. В. К вопросу о словосочетании / А. В. Белый // Филологические науки. – 1960. – № 4. – С. 108–116.
13. Богдашкина, С. В. Мокшанский язык : учеб. пособие для русскоязычных студентов / С. В. Богдашкина, Л. И. Макушкина [и др.] – Саранск : Мордовия-Экспо, 2009. – 162 с.
14. Бубрих, Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1953. – 272 с.
15. Бубрих, Д. В. Эрзя-мордовская грамматика-минимум / Д. В. Бубрих. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1974. – 50 с.
16. Бузакова, Р. Н. Синонимия словосочетаний в мордовских языках / Р. Н. Бузакова // Проблемы грамматического строя мордовских языков. – Саранск, 1983. – С. 3–12.
17. Бурлакова, В. В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке / В. В. Бурлакова. – Л., 1975. – С. 5–15.
18. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка : учебник / Н. С. Валгина. – 3-е изд., испр. – М. : Агар, 2000. – 416 с.
19. Видеман, Ф. И. Эрзя-мордовская грамматика / Ф. И. Видеман. – СПб, 1865. – С. 7. – Т. 9. – № 5. – 261 с.
20. Виноградов, В. В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 3–24.
21. Виноградов, В. В. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. А. Пешковского, ее эклетизм и внутренние противоречия / В. В. Виноградов // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 38.

22. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – С. 11.
23. Виноградов, В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 1. – С. 4.
24. Виноградов, В. В. Современный русский язык / В. В. Виноградов. – М., 1938. – Вып. 1, 2. – С. 12.
25. Водясова Л. П. Сложное синтаксическое целое: его основные признаки в современных мордовских языках / Л. П. Водясова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2011. – № 2 (18). – С. 107–112.
26. Водясова, Л. П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке / Л. П. Водясова. – Саранск, 2000. – 155 с.
27. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – М., 1839. – С. 319.
28. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. – М., 1973. – С. 25.
29. Годер, Н. М. О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием / Н. М. Годер // Логико-грамматические очерки. – М., 1961. – С. 49.
30. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – М., 1966. – С. 201.
31. Гомбоц, З. Синтаксис / З. Гомбоц. – Будапешт, 1951. – 280 с.
32. Грамматика мордовских языков: фонетика, графика, орфография, морфология : учебник для национальных отделений вузов / под ред. проф. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1980. – 430 с.
33. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск, 1970. – 376 с.
34. Данилов, В. М. Элатив и его функции в мордовских и прибалтийско-финских языках / В. М. Данилов // Труды по финно-угроведению. – Тарту, 1975. – № 1. – С. 72–88.
35. Дерибас, В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания в русском языке / В. М. Дерибас. – М., 1975. – 330 с.
36. Дмитриев, Б. А. К вопросу об управлении / Б. А. Дерибас // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. – Новосибирск, 1966. – С. 115.
37. Долгов, Ю. С. Грамматическое и лексическое значения словосочетаний / Ю. С. Долгов // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. – Тамбов, 1971. – С. 63.
38. Евсевьев, М. Е. Основы мордовской грамматики : избр. тр. Т. 4 / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 470 с.
39. Егорова, А. С. Сложные субстантивные словосочетания в эрзянском языке / А. С. Егорова // Труды по финно-угроведению. – Тарту, 1976. – № 3. – С. 20–30.
40. Елисеев, Ю. С. Синтаксические словосочетания в современном финском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юрий Сергеевич Елисеев. – М., 1959. – 19 с.
41. Ермакова, О. П. Словосочетания, выражающие целевые отношения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ольга Павловна Ермакова. – М., 1959. – 18 с.
42. Засорина, Л. Н. Понятие валентности в языке / Л. Н. Засорина, В. П. Берков // Вестник ЛГ. – Вып. 2. – 1961. – № 8. – С. 133–140.
43. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – С. 48.

44. Кацнельсон, С. Д. О грамматической категории С. Д. Кацнельсон // Вестник ЛГУ. – 1948. – № 2. – С. 132–140.
45. Керт, Г. М. Саамский язык / Г. М. Керт. – Л., 1971. – 229 с.
46. Клемма, А. Исторический синтаксис венгерского языка / А. Клемма. – Будапешт, 1928–1941. – Т. III. – 314 с.
47. Кодухов, В. И. Функции и значения / В. И. Кодухов // Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии по проблеме «Язык и мышление». – М., 1965. – С. 105.
48. Коляденков, М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – С. 56.
49. Коляденков, М. Н. Грамматика мордовских языков / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1954. – 327 с.
50. Короткова, М. Ф. Классификация глагольных словосочетаний в мордовских языках / М. Ф. Короткова // Вопросы мордовского языкознания. – Саранск, 1975. – Вып. 46. – С. 42–46.
51. Котелова, Н. З. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов / Н. З. Котелова // Вопросы языкознания. – 1965. – № 4. – С. 53–65.
52. Кротевиц, Е. В. О связях слов / Е. В. Кротевиц. – Львов, 1959. – С. 67.
53. Кудяев, П. С. Лексико-грамматическая семантика генитива. Проблемы мордовско-русского билингвизма / П. С. Кудяев // Труды Мордов. НИИ яз., лит., истории и экономики. – Саранск, 1985. – Вып. 81. – С. 67–77.
54. Кудяев, П. С. Послелог в мордовском языке / П. С. Кудяев // Ученые записки Мордов. ун-та. – Саранск, 1968. – № 64. – С. 162–189.
55. Лаврентьев, Н. М. Словосочетание как единица языка и речи / Н. М. Лаврентьева. – Горький, 1980. – 86 с.
56. Лаврентьева, Н. М. Словосочетания в русском и мордовском языках / Н. М. Лаврентьева. – Саранск, 1974. – 104 с.
57. Лаврентьева, Н. М. Изменение структуры глагольно-именных словосочетаний, моделируемых по типу управления : учеб. пособие по специальному курсу / Н. М. Лаврентьева ; МГУ имени Н. П. Огарева. – Саранск, 1977. – 99 с.
58. Лаврентьева, Н. М. О некоторых специфических свойствах объектных словосочетаний мордовских языков / Н. М. Лаврентьева, В. С. Щемерова // Вопросы финно-угроведения. Языкознание. – Сыктывкар, 1979. – С. 46–52.
59. Лаврентьева, Н. М. Синтаксические отношения и связи уровня простого предложения / Н. М. Лаврентьева. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, Саранский филиал, 1989. – 150 с.
60. Лесник, М. Д. К вопросу о приглагольном управлении в современном русском языке / М. Д. Лесник // К вопросу управления (приглагольного и приименного). – Рига, 1957. – С. 15.
61. Майтинская, К. Е. Венгерский язык. Синтаксис / К. Е. Майтинская. – М. : Изд-во АН ССР, 1960. – С. 18.
62. Майтинская, К. Е. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков / К. Е. Майтинская // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М., 1974. – С. 214–381.
63. Майтинская, К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков / К. Е. Майтинская. – 2-е изд. – М. : URSS, 2009. – 158 с.
64. Макаров, Г. Н. Именные (субстантивные) определительные словосочетания в финских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Макаров. – М., 1955. – 14 с.

65. Максимов, В. Н. История изучения управления в марийском языке / В. Н. Макаров // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1997. – № 2. – С. 6–10.
66. Малащенко, В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм / В. П. Малащенко. – Ростов н/Д, 1972. – С. 47.
67. Малащенко, В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм / В. П. Малащенко. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1972. – С. 18.
68. Матвеева-Исаева, Л. В. Словосочетания и их семантическое значение в составе предложения / Л. В. Матвеева-Исаева // Ученые записки ЛГПИ, кафедры русского языка. – Т. 59. – 1948. – С. 217–221.
69. Мещанинов, И. И. Структура предложения / И. И. Мещанинов. – М. – Л., 1963. – С. 25.
70. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – М. – Л., 1945. – С. 127.
71. Моисеев, А. И. Некоторые вопросы теории словосочетаний / А. И. Моисеев // Филологические науки. – 1977. – № 2. – С. 54–61.
72. Мокшень кялень практикум / сост. В. П. Гришунина, Н. Ф. Кабаева, М. З. Левина. – Саранск: Крас. Окт., 2005. – 116 с.
73. Мокшень кяль. Синтаксис: учебник / аноклаф-тиф Н. С. Алямкинонь и О. Е. Поляковонь профессорхненъ вятмаснон ала. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 200 с.
74. Мокшень кяль. Синтаксис: учебник / аноклаф-тиф Н. С. Алямкинонь и О. Е. Поляковонь профессорхненъ вятмаснон ала. – Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 200 с.
75. Орнатов, П. О. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши / П. О. Орнатов. – М., 1838. – С. 83.
76. Пенттиля, А. Грамматика финского языка / А. Пенттиля. – Хельсинки, 1957. – 230 с.
77. Перфильева, Т. Г. Выражение временных и пространственных отношений средствами ненецкого языка / Т. Г. Перфильева // Финно-угристика. – 1974. – № 3. – С. 230–235.
78. Петерсон, М. Н. Введение в языковедение / М. Н. Петерсон. – М., 1929. – С. 137.
79. Петерсон, М. Н. Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – М. – Л., 1923. – С. 28.
80. Петухова, Л. А. Глагольное падежное управление в марийском языке / Л. А. Петухова // Вопросы финно-угроведения (Тезисы докладов на 16 Всесоюзной конференции финно-угроведов). – Сыктывкар, 1979. – С. 36–39.
81. Петухова, Л. А. Глагольно-именные словосочетания в марийском языке / Л. А. Петухова. – Йошкар-Ола: Марий-книга изд-во, 1980. – 108 с.
82. Петухова, Л. А. Из истории изучения словосочетаний в марийском языке / Л. А. Петухова // Вопросы марийского языка. – 1978. – № 4. – С. 91–95.
83. Пешковский, А. М. Глагольность как выразительное средство / А. М. Пешковский // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. – М. – Л., 1925. – С. 152.
84. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М., 1956. – С. 285.
85. Поржезинский, В. К. Введение в языковедение / В. К. Поржезинский. – М., 1916. – С. 152.

86. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М., 1950. – Т. II. – С. 120.
87. Прокопович, Н. Н. К вопросу о простых и сложных словосочетаниях / Н. Н. Прокопович // Вопросы языкознания. – 1959. – № 5. – С. 23.
88. Прокопович, Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке / Н. Н. Прокопович. – М. : Просвещение, 1966. – С. 42.
89. Распопов, И. П. О видах и способах конструктивно-синтаксических связей слов / И. П. Распопов // Русский язык в национальной школе. – 1966. – № 6. – С. 3–12.
90. Ревзин, И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие грамматической правильности / И. И. Ревзин. – М., 1975. – Т. 34. – № 1. – С. 16.
91. Рогожина, В.Ф. Краткий курс мокшанского языка с грамматическими заданиями : учеб. пособие / В. Ф. Рогожина, В. П. Гришунина. – Саранск, 2006. – 125 с.
92. Рятсеп, Х. К. Инфинитивные глагольные формы в финно-угорских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х. К. Рятсеп. – Тарту, 1954. – 17 с.
93. Савостькина, М. И. Глагольные словосочетания с пространственными отношениями в мокшанском языке / М. И. Савостькина // Гуманитарные науки и образование : науч.-метод. журн. – 2013. – № 3 (15). – С. 142–148.
94. Савостькина, М. И. Количественно-структурная характеристика глагольного словосочетания в мордовских языках / М. И. Савостькина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 5 (35). – С. 150–153.
95. Сельков, Н. Н. Современный коми язык : учеб. пособие для высших учебных заведений / Н. Н. Сельков. – Сыктывкар, 1967. – С. 7.
96. Сизова, И. А. Что такое синтаксис / И. А. Сизова. – М. : Наука, 1966. – 71 с.
97. Синтаксис и пунктуация мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Приняты научной сессией Мордовского научно-исследовательского института социальной культуры при СНК МАССР 25 июня – 3 июля 1940 г. и утверждена СНК МАССР 20 июля 1940 года. – Саранск, 1940.
98. Скобликова, Е. С. Очерки по теории словосочетания и предложения / Е. С. Скобликова. – Куйбышев : Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 141 с.
99. Скобликова, Е. С. Согласование и управление в русском языке / Е. С. Скобликова. – М. : Просвещение, 1971. – 239 с.
100. Смольянинова, Е. И. Глагольные словосочетания, выражающие объектные отношения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Смольянинова. – М., 1963. – 27 с.
101. Смольянинова, Е. И. Основы синтаксической связанности (словосочетания) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Смольянинова. – Л., 1982. – 32 с.
102. Современный русский литературный язык : учебник / под ред. акад. РАО В. Г. Костомарова, проф. В. И. Максимова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2010. – 916 с.
103. Сухотин, В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке / В. П. Сухотин // Вопросы синтаксиса современного русского языка, – М., 1950. – С. 152–160.
104. Сухотин, В. П. Синтаксическая синонимия в современном русском литературном языке (глагольные словосочетания) / В. П. Сухотин. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 160 с.
105. Тулина, Т. А. Функциональная типология словосочетания / Т. А. Тулина. – Киев : Высш. шк., 1976. – 176 с.

106. Тюркина, В. М. Глагольно-именные словосочетания, выражающие объектные отношения / В. М. Тюркина // Вопросы финно-угроведения. – Вып. 6. – Саранск, 1975. – С. 224–227.
107. Тюркина, В. М. Соотносительность именных и глагольных словосочетаний, выражающих объектные отношения / В. М. Тюркина // Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. – Саранск, 1972. – С. 97–98.
108. Тюркина, В. М. Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в абсолютной форме в мордовских языках / В. М. Тюркина // Вопросы финно-угроведения. – Вып. 5. – 1972. – С. 38–42.
109. Уткин, Д. В. Синонимические словосочетания с пространственными значениями в современном русском языке / Д. В. Уткин // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. – Новосибирск, 1966. – С. 211.
110. Феоктистов, А. П. Категория притяжательности в мордовских языках / А. П. Феоктистов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 180 с.
111. Феоктистов, А. П. Примыкание как латентная форма выражения притяжательности в мордовских языках / А. П. Феоктистов // Труды МНИИЯЛ. – Т. 23. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – С. 212.
112. Филичева, И. И. О словосочетаниях в современном немецком языке / И. И. Филичева. – М., 1969. – С. 32.
113. Фоменко, Ю. В. Является ли словосочетание единицей языка? / Ю. В. Фоменко // Филологические науки. – 1975. – № 6. – С. 60–66.
114. Фортунатов, Ф. Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе / Ф. Ф. Фортунатов // «Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях» : избр. тр. Т. 2. / Ф. Ф. Фортунатов. – М., 1957. – С. 451.
115. Цыганкин, Д. В. Некоторые особенности развития эрзянского литературного языка / Д. В. Цыганкин // Вопросы синтаксиса мордовских языков. – Саранск, 1973. – Вып. 46. – Ч. 2. – С. 90–103.
116. Цыганкин, Д. В. Очерк сравнительной грамматики мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков : учеб. пособие для студентов вузов / Д. В. Цыганкин, С. З. Деваев. – Саранск, 1975. – 115 с.
117. Цыганов, Н. Ф. Абсолютная (внепадежная) форма / Н. Ф. Цыганов. – Саранск, 1964. – С. 179–182.
118. Черосов, М. А. Основные типы синтаксических сочетаний в якутском языке / М. А. Черосов. – Якутск, 1972. – С. 14.
119. Чеснокова, Л. Д. Грамматическая сочетаемость слов в простом предложении и факторы, обуславливающие ее. Сочетаемость языковых единиц / Л. Д. Чеснокова. – Ростов н/Д, 1968. – С. 140.
120. Чеснокова, Л. Д. О разных аспектах синтаксической сочетаемости / Л. Д. Чеснокова // Материалы VIII конференции преподавателей русского языка педагогических институтов Московской зоны. – М., 1973. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 147.
121. Чикина, Л. К. Синтаксические связи между компонентами словосочетаний в современном русском языке / Л. К. Чикина. – Саранск, 1978. – 78 с.
122. Шапиро, М. А. О типах подчинительной связи внутри словосочетания / М. А. Шапиро // Русский язык в школе. – 1950. – № 2. – С. 21–32.
123. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л., 1941. – С. 101.
124. Шведова, Н. Ю. Активные процессы в современном русском языке / Н. Ю. Шведова. – М., 1966. – С. 124.

125. Шерер, В. Э. О выражении пространственных отношений в кетском языке / В. Э. Шерер // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1979. – С. 103–109.
126. Шишканов, П. С. О послелогох в мокшанском языке / П. С. Шишканов // Ученые записки Мордов. ун-та. – Саранск, 1966. – С. 179–183.
127. Щанкина, Н. А. Выражение пространственных отношений наречиями (на материале мордовских языков) / Н. А. Щанкина // Финно-угристика. – Саранск, 1980. – Вып. 3. – С. 95–109.
128. Щанкина, Н. А. Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках / Н. А. Щанкина. – Саранск, 1980. – 153 с.
129. Эрзянь кель. Синтаксис : тонавтнемапель / Н. А. Агафонова, Р. А. Алешкина, Г. Ф. Беспалова ; анокстась Д. А. Цыганкинэнь ветьмонзо ало. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов, К. Г. Найман : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1957. – 397 с.
2. Абрамов, К. Г. Пургаз : кезэрень пингеде евтнема / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – 480 с.
3. Абрамов, К. Г. Эрзянь цера : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. – 332 с.
4. Абрамов, К. Г. Велень тейтерь : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 448 с.
5. Абрамов, К. Г. Качамонь пачк : роман / К. Г. Абрамов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1964. – 554 с.
6. Алешина, П. В. Тят ета вакскан / П. В. Алешина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1996. – 96 с.
7. Бебан, М. Ф. Тундань нармотть : роман / М. Ф. Бебан. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1962. – 240 с.
8. Безбородов, М. И. Видиян, сокаян : стихт, поэма, повесть / М. И. Безбородов / Кочказень А. П. Тяпаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 100 с.
9. Беззубова, Ф. И. Сказт ды морот / Ф. И. Беззубова. – Саранск : Мордгиз, 1958. – 36 с.
10. Брыжинский, А. И. Вечкемань сюлмо : повесть, евтнемат / А. И. Брыжинский. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 84 с.
11. Виард, В. И. Вирень вайгяльхть : рассказ / В. И. Виард. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1958. – 41 с.
12. Виард, В. И. Кешань приключениянза : рассказ / В. И. Виард. – Саранск : Мордгиз, 1961. – 110 с.
13. Глухов, П. С. Кедровой пяштть : рассказ / П. С. Глухов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1974. – 27 с.
14. Девин, И. М. Ичкоздень ки : кочкаф стихт, поэмат, баснят, ялгань вал / И. М. Девин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1982. – 160 с.
15. Девин, И. М. Нардише : роман. – Саранск : Мордгиз, 1969. – 429 с.
16. Девятаев, М. П. Побег из ада : повесть / М. П. Девятаев. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2000. – 192 с.

17. Доронин, А. М. Тени колоколов : роман / А. М. Доронин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. – 400 с.
18. Кадоркин, А. С. Кизна Дубровкаса : повесть / А. С. Кадоркин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1979. – 76 с.
19. Кадоркин, А. С. Терди чачома мастером : стихотвореният ды поэма / А. С. Кадоркин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 32 с.
20. Калинин, И. А. Пиче вирь : повесть, поэма / И. А. Калинин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 128 с.
21. Кинякин, С. В. Кизот-вайгяльбет : стихт, поэма / С. В. Кинякин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1973. – 53 с.
22. Кирдяшкин, Т. А. Кели Мокша : роман / Т. А. Кирдяшкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 272 с.
23. Кишняков, И. П. Вешендса эсь тяштезень : роман / И. П. Кишняков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 308 с.
24. Коломасов, В. М. Лавгинов : роман / В. М. Коломасов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. – 224 с.
25. Кудашкин, И. Н. Ломанти эряви кельгома / И. Н. Кудашкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1996. – 156 с.
26. Кузнецов, Ю. Ф. Сексень пизелхт : рассказ / Ю. Ф. Кузнецов. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 1979. – 372 с.
27. Куторкин, А. Д. Лажныця Сура : роман / А. Д. Куторкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1987. – 392 с.
28. Куторкин, А. Д. Покш ки лангсо умарина : роман / А. Д. Куторкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1993. – 244 с.
29. Ларионов, С. С. Каргонь лай : повесть / С. С. Ларионов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 144 с.
30. Ларионов, С. С. Лямбе кядьса : роман / С. С. Ларионов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1962. – 294 с.
31. Ларионов, С. С. Хрусталень пайкт : роман / С. С. Ларионов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во 1989. – 256 с.
32. Левчаев, П. И. Стирнят-якстернят : роман / П. И. Левчаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 184 с.
33. Левчаев, П. И. Вирсь увнай : рассказ и очеркт / П. И. Левчаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – 243 с.
34. Любаев, П. К. Мужество : избранные стихотворения, баллады, поэмы, документально-худож. повесть / П. К. Любаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. – 176 с.
35. Макулов, Л. Ф. Учительница / Л. Ф. Макулов. – Саранск : Мордов. кн. изд-ва, 1960. – 208 с.
36. Малькин, А. С. Избранные произведения. Стихи и поэмы / А. С. Малькин. – Саранск : Мордов. кн. изд-вась, 2003. – 400 с.
37. Мартынов, А. К. Монь ялгам : сборник / А. К. Мартынов. – Саранск : Мордов. кн. изд-ва, 1946. – 140 с.
38. Мишанина, В. И. Ки лангса ломать : рассказ и повесть / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с.
39. Мишанина, В. И. Озкст тумоть тародонза : повесть, азкст, пьесат / В. И. Мишанина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1992. – 251 с.
40. Мокша : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1998. – № 5.

41. Мокша : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2011. – № 3.
42. Мокша : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2012. – № 6.
43. Мокша : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2012. – № 5.
44. Мокша : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1998. – № 5.
45. Мокшони, А. И. Виде киге : кочкаф произведеният / А. И. Мокшони. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1990. – 112 с.
46. Моро, А. Эрьва ломаненть ули морозо / А. Моро. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1970 – 160 с.
47. Орлова, Р. К. Пизелонь каштаз «Рябиновый венок» : стихи / Р. К. Орлова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2005. – 104 с.
48. Пинясов, Г. И. Пси киза : повесть и рассказ / Г. И. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 206 с.
49. Пинясов, Г. И. Ялгане и содафоне : рассказ и очеркт / Г. И. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 240 с.
50. Пинясов, Я. М. Азкет и ефкет / Я. М. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1955. – 47 с.
51. Пинясов, Я. М. Стака ятт : азкет / Я. М. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1966. – 50 с.
52. Пинясов, Я. М. Эрек лихтибря : азкет и ефкет / Я. М. Пинясов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 128 с.
53. Прохоров, П. В. Военная повесть / П. В. Прохоров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1980. – 228 с.
54. Прохоров, П. В. Цидярдома : роман / П. В. Прохоров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1978. – 296 с.
55. Прохоров, П. В. Стака изнямот : роман / П. В. Прохоров. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 212 с.
56. Радаев, В. К. Кочказь произведеният : сборник / В. К. Радаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 208 с.
57. Радин, В. И. Велень евтнемат / В. И. Радин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1958. – 71 с.
58. Радин, В. И. Заботиця эйкакшт : рассказ / В. И. Радин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – 36 с.
59. Радин, В. И. Моронь ваймот : повесть и рассказ / В. И. Радин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1983. – 176 с.
60. Радин, В. И. Шуваронь кельгихть : рассказ / В. И. Радин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – 72 с.
61. Сайгин, М. Л. Стака паваз : роман / М. Л. Сайгин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1988. – 210 с.
62. Самошкин, С. А. Виияма : стихт и поэма / С. А. Самошкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1975. – 72 с.
63. Самошкин, С. А. Эряфть юроц : стихт / С. А. Самошкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. – 40 с.
64. Сятко : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 1998. – № 5.
65. Сятко : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2004. – № 3.
66. Сятко : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2011. – № 6.
67. Сятко : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. – 2012. – № 5.
68. Терешкина, Е. Я. Сай акша лишмоса : рассказ, повесть / Е. Я. Терешкина. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – 208 с.

69. Тяпаев, А. П. Алят : стихт и поэмат / А. П. Тяпаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1967. – 54 с.
70. Тяпаев, А. П. Мекольдень атямсь : повесть и рассказ / А. П. Тяпаев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1979. – 136 с.
71. Циликин, Н. П. Седись таколфтсы сидить / Н. П. Циликин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1996. – 72 с.
68. Щеглов, А. С. Алкуксовь вечкема / А. С. Щеглов. – Саранск : Мордов. кн. изд-ва, 1960. – 127 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	4
1.1 Словосочетание как объект лингвистических исследований.....	4
1.2 Словосочетание как единица синтаксиса.....	21
Глава 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ	39
2.1 Классификация глагольных словосочетаний.....	39
2.2 Типы синтаксических отношений в глагольных словосочетаниях.....	43
2.2.1 Глагольные словосочетания, выражающие объектные отношения...	44
2.2.2 Глагольные словосочетания, выражающие обстоятельственные от-	
ношения.....	51
2.2.2.1 Словосочетания, выражающие отношения меры и степени дей-	
ствия.....	51
2.2.2.2 Словосочетания, выражающие пространственные отношения.....	52
2.2.2.3 Словосочетания, выражающие временные отношения.....	64
2.2.2.4 Словосочетания, выражающие причинные отношения.....	71
2.2.2.5 Словосочетания, выражающие целевые отношения.....	72
2.2.2.6 Словосочетания, выражающие определительно-обстоятельствен-	
ные отношения.....	74
Глава 3. ТИПЫ И СРЕДСТВА СВЯЗИ СЛОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВО-	
СОЧЕТАНИЯХ	77
3.1 Управление как один из типов связи слов.....	77
3.2 Примыкание как особый тип связи слов.....	82
3.3 Средства связи слов в глагольных словосочетаниях.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	90
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	96

Научное издание

САВОСТЬКИНА Марина Ивановна

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Монография

Редактор и корректор *Н. Ф. Голованова*
Технический редактор *А. А. Галкина*
Компьютерная верстка *М. И. Савостькиной*
Дизайн обложки *Н. В. Макеевой*

Подписано в печать 04.12.2014 г. Формат 60 x 84 1/6.
Печать лазерная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 6. Тираж 100 экз. Заказ № 208.

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический
институт имени М. Е. Евсевьева»
Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11 а